

Михаиль Тугань-Барановскій.

Націоналізація

земли.

Очеркъ движенія въ пользу націоналізаціи земли и
практическіе выводы.

ВТОРОЕ

ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ

редакціи журнала „Міръ Божій“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1906.

D-122/93

135920

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

У насъ одно время очень интересовались деревней. Затѣмъ интересъ этотъ ослабѣлъ, и русское общество какъ будто забыло о мужикѣ. Однако, крестьянское земледѣльческое населеніе продолжало составлять главную массу русскаго народа, и вотъ, мы совершенно внезапно очутились нынѣ лицомъ къ лицу съ аграрнымъ вопросомъ въ самой острой формѣ. О деревнѣ опять всѣ заговорили.

Моя небольшая книга имѣетъ дѣло не съ аграрнымъ вопросомъ вообще, а лишь съ частью этого болѣе широкаго вопроса—съ вопросомъ о реформѣ землевладѣнія. Я даю очеркъ движенія въ пользу земельной реформы въ разныхъ странахъ и прихожу къ нѣкоторымъ практическимъ выводамъ относительно Россіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, я стараюсь освѣтить вопросъ и съ теоретической стороны. Уже небольшой объемъ книги показываетъ, что я далекъ отъ мысли исчерпать затронутые вопросы; но на самое существенное въ переживаемыхъ нами аграрныхъ затрудненіяхъ я старался дать опредѣленный отвѣтъ. Предлагаемая мною земельная реформа кажется мнѣ, если не единственнымъ, то, во всякомъ случаѣ, всего легче осуществимымъ выходомъ изъ этихъ затрудненій.

Авторъ.

10 іюня 1905 г.
Село Позники.

Bibl. Publ. m. st. W-wy
Wymiana

Bibl. Publ. m. st. W-wy
Dat 1546 1951 r.

M.O. Bibl. Białost

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этой книги подъ заглавіемъ «Земельная реформа» вышло до великаго движенія русскаго крестьянства въ пользу націонализаціи земли, которое ознаменовало собой вторую половину 1905 г. и нашло себѣ яркое выраженіе на обоихъ съѣздахъ Крестьянскаго Союза. Въ началѣ прошлаго года нельзя было и подозрѣвать, что крестьянское движеніе приметъ въ Россіи такъ быстро столь грозныя размѣры. Еще недавно идея націонализаціи земли казалась у насъ чуждымъ очереднымъ задачамъ практической политики измышленіемъ теоретиковъ, а теперь ею полна вся наша общественная жизнь. И какъ ни борются съ этой идеей ея противники, она побѣдоносно прокладываетъ себѣ свой путь. За ней стоятъ уже народныя массы, начертавшія на своемъ знамени «земля народу!» Уже бьютъ волны могучаго народнаго прилива, угрожающаго смыть съ лица земли частное землевладѣніе.

Въ первомъ изданіи этой книги я изложилъ проектъ земельной реформы, который казался мнѣ, если не самымъ стройнымъ въ теоретическомъ отношеніи, то наиболѣе практичнымъ и осуществимымъ. Повидимому, я не совсѣмъ ошибся въ этомъ послѣднемъ отношеніи, такъ какъ аграрные проекты партіи конституціоналистовъ-демократовъ, а, еще больше, трудовой парламентской группы воспроизводятъ наиболѣе существенныя черты моего проекта. Главнымъ основаніемъ его является раздѣленіе всего частнаго землевладѣнія (включая сюда и

крестьянское) на двѣ группы—мелкое землевладѣніе, не превышающее трудовой нормы, и крупное и среднее, превышающее таковую, причемъ землевладѣніе первой группы предлагается оставить въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ, а землевладѣніе второй группы, поскольку оно превышаетъ трудовую норму, предлагается отчудить въ пользу государства для распредѣленія земли въ пользованіе трудовому земледѣльческому населенію на уравниельныхъ началахъ. Аграрный проектъ трудовой группы вполне соответствуетъ указаннымъ основаніямъ моего проекта. Въ этомъ я не могу не видѣть свидѣтельства жизненности послѣдняго.

Въ настоящемъ изданіи я нѣсколько видоизмѣнилъ свой проектъ въ смыслѣ большаго приближенія его къ конечной цѣли земельной реформы, какъ я ее понимаю—общенародному владѣнію землей.

Второе изданіе моей книги значительно дополнено, сравнительно съ первымъ, причемъ особенно расширенъ второй отдѣлъ книги, посвященный Россіи.

26 мая 1906 г.
г. Кіевъ.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ.

Трудъ, земля и капиталъ составляютъ, по обычному ученію политической экономіи, три основныхъ фактора производства. Съ технической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія матеріальныхъ перемѣнъ, вызываемыхъ хозяйственнымъ процессомъ, ученіе о трехъ факторахъ производства не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Но если мы посмотримъ на хозяйственный процессъ, какъ на дѣятельность общественнаго человѣка, предпринимаемую имъ ради удовлетворенія его нуждъ и потребностей, то объединеніе человѣка и орудій его труда въ одно общее понятіе факторовъ производства представится намъ въ менѣе невинномъ видѣ. Человѣкъ есть не средство, или не только средство, но и высшая цѣль хозяйства; земля же и капиталъ суть простыя хозяйственныя средства. И потому приравниваніе человѣка къ матеріальнымъ средствамъ производства есть скрытое отрицаніе права человѣческой личности быть высшей и абсолютной цѣлью въ себѣ.

Только въ обществѣ, основанномъ на рабскомъ трудѣ, трудящійся человѣкъ является въ общественномъ сознаніи простымъ факторомъ производства, подобно землѣ и капиталу. Для рабовладѣльца только его собственная личность есть истинная человѣческая личность, т.-е., самоцѣль; рабъ же не есть личность, ибо онъ простое орудіе производства, какъ и рабочій скотъ.

Юридическимъ выраженіемъ этого отрицанія личности трудящагося человѣка является въ рабовладѣльческомъ хозяйствѣ право частной собственности на человѣка. Пока законъ допускаетъ рабовладѣніе, до тѣхъ поръ правовое сознаніе отрицаетъ право всякой человѣческой личности быть цѣлью въ себѣ.

Но ростъ самосознанія личности неизбежно приводитъ къ паденію рабовладѣльческаго строя. Если рабовладѣлецъ и не признаетъ личности раба, все же для себя-то рабъ остается личностью; рабъ борется за свои права и одерживаетъ побѣду. Право собственности испытываетъ первое и самое знаменательное, самое принципиальное ограниченіе: человеческая личность признается правовымъ сознаниемъ не средствомъ, но цѣлью въ себѣ и въ качествѣ таковой объявляется неприкосновенной и автономной. Право собственности на человеческую личность исчезаетъ.

Право собственности на землю и капиталъ остается. Съ чисто формальной, юридической точки зрѣнія право частной собственности на средства производства нисколько не ограничиваетъ правъ человеческой личности. Но по своему экономическому содержанию монопольное владѣніе одной частью общества средствами производства, которыхъ другая часть общества лишена, есть владѣніе личностью человѣка. Ибо жизнь человѣка предполагаетъ потребление, а потребление предполагаетъ производство—производство же невозможно безъ средствъ производства. И потому человѣкъ, лишенный средствъ производства, съ такой же роковой необходимостью попадаетъ въ экономическую зависимость отъ владѣльца средствъ производства, какъ если бы этотъ послѣдній обладалъ правомъ собственности на трудъ и личность перваго. Юридическая форма владѣнія личностью исчезла, но экономическая сущность такого владѣнія осталась въ полной неприкосновенности.

Тотъ же ростъ самосознанія личности вызываетъ борьбу и съ этимъ новымъ видомъ закрѣпощенія личности трудящагося человѣка. Общественные классы, фигурирующие въ общественномъ процессѣ производства какъ простой факторъ производства, какъ средство, а не какъ цѣль хозяйства, вступаютъ въ борьбу съ владѣльцами средствъ производства и руководителями хозяйственного процесса. Борьба ведется на два фронта—какъ съ владѣльцами земли, такъ и съ владѣльцами капитала, ибо какъ земля, такъ и капиталъ въ равной мѣрѣ необходимы для производства.

Но земля и капиталъ имѣютъ между собой одно коренное и неустранимое различіе. Земля противостоитъ человѣку, какъ независимый отъ него внѣшній фактъ, какъ

сила и даръ природы; капиталъ же создается самимъ человекомъ, есть продуктъ человеческого труда. Территорія данной страны не можетъ быть существенно увеличена никакими усиліями живущихъ на ней людей; капиталы же, которыми эти люди располагаютъ, могутъ неограниченно расти и дѣйствительно возрастаютъ по мѣрѣ экономического прогресса и успѣховъ культуры.

Изъ этого основного различія земли и капитала вытекаютъ многообразныя различія въ общественныхъ условіяхъ пользованія тѣмъ и другимъ факторомъ производства. Доходъ землевладѣльцевъ—земельная рента—подчиняется совершенно инымъ экономическимъ законамъ, чѣмъ доходъ капиталистовъ—прибыль на капиталъ. Процентъ прибыли определяется двумя моментами: производительностью общественного труда и относительной высотой доли капиталистовъ въ общемъ трудовомъ продуктѣ. Доли капиталистовъ и рабочихъ устанавливаются борьбой этихъ общественныхъ классовъ и измѣняются въ зависимости отъ относительнаго могущества каждаго изъ нихъ. Чѣмъ выше доля рабочихъ, тѣмъ ниже, при прочихъ равныхъ условіяхъ, доля капиталистовъ, и обратно. Капиталистическая прибыль есть фактъ всецѣло социальный, она есть цѣликомъ результатъ частной собственности на капиталъ.

Напротивъ, земельная рента, въ своемъ чистомъ видѣ, въ видѣ дифференціальной ренты, законы которой установлены Рикардо, но есть фактъ только социальный, она вызывается не присвоеніемъ земли въ частную собственность, не тѣмъ, что лишь часть общества владѣетъ землей, которой лишена другая часть общества.

Если бы частной собственности на землю совсѣмъ не существовало, все же участки съ лучшей почвой или лучше расположенные давали бы нѣкоторый избыточный доходъ, сравнительно съ худшими участками. По чисто естественнымъ условіямъ земледѣлія одинъ участокъ даетъ при одинаковой затратѣ труда больше продукта, чѣмъ другой; этотъ избыточный продуктъ образуетъ собой земельную ренту, независимо отъ того, во чью пользу поступаетъ эта рента—въ пользу ли всего общества, или нѣкоторой его части. Присвоеніе земельной ренты землевладѣльцами вызывается правомъ частной собственности на землю; но са-

мый фактъ возникновенія земельной ренты совершенно независимъ отъ этого преходящаго права и коренится не въ соціальныхъ, а въ матеріальныхъ условіяхъ общественнаго существованія.

Другимъ источникомъ земельной ренты является опять-таки стоящій внѣ общественнаго воздѣйствія естественный законъ паденія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда. При каждомъ данномъ уро-внѣ земледѣльческой техники существуетъ извѣстный предѣлъ наиболѣе производительной затраты земледѣльческаго труда и всякая послѣдующая затрата труда вызываетъ все меньшее и меньшее увеличеніе продукта, собираемаго съ земли. Иными словами, увеличеніе интенсивности земледѣльческой культуры приводитъ, за извѣстнымъ предѣломъ, къ вздорожанію продукта. Если ростъ населенія требуетъ перехода къ болѣе интенсивнымъ культурамъ, то это сопровождается ростомъ цѣны земледѣльческаго продукта и ростомъ земельной ренты.

Такимъ образомъ, ростъ населенія и народнаго богатства создаетъ, съ необходимостью естественнаго процесса, тенденцію къ возрастанію земельной ренты. Ничего подобнаго не замѣчается по отношенію къ проценту прибыли. Хотя обычное мнѣніе, вѣрнѣе, обычный предрасудокъ какъ специалистовъ экономической науки, такъ и широкой публики, относительно неизбѣжности паденія процента прибыли по мѣрѣ успѣховъ культуры и невѣрно, ибо и теорія и историческіе факты опровергають это мнѣніе, все же ни о какомъ неограниченномъ возрастаніи процента прибыли не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи. Это различіе всецѣло объясняется указаннымъ различіемъ земли, какъ дара природы, и капитала, какъ созданія человѣческаго труда: земля не увеличивается въ своей площади по мѣрѣ хода исторіи, а капиталы быстро растутъ. Земли на одну душу населенія становится меньше и меньше, а капитала больше и больше. И потому экономическое могущество владѣльца данной площади земли должно исторически возрастать, а экономическое могущество владѣльца капитала данной цѣнности можетъ и падать.

То же различіе земли и капитала приводитъ и къ дру-

гому, не менѣе важному различію. Земля не только не создана человѣкомъ, но человѣкъ не можетъ ея и уничтожить. Правда, хищническая культура надолго истощаетъ почву; надолго, но не навсегда. И, кромѣ того, истощаетъ, но не разрушаетъ окончательно. Благодаря этой относительной независимости производительной силы почвы отъ способа ея эксплуатаціи, собственникъ земли получаетъ легкую возможность извлекать изъ земли доходъ, не принимая никакого участія въ руководствѣ земледѣльскимъ предпріятіемъ. Отдавая землю въ аренду другимъ лицамъ, землевладѣлецъ почти не рискуетъ лишиться своей собственности. Онъ можетъ жить за тысячи верстъ отъ своего имѣнія, не посѣщать его ни разу въ жизни, и исправнѣйшимъ образомъ получать свой доходъ; мало того, все увеличивать свой доходъ по мѣрѣ обычнаго роста земельной ренты.

Въ другомъ положеніи находится капиталистъ; какъ общее правило, онъ долженъ принимать болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ руководствѣ предпріятіемъ, если не хочетъ лишиться своей собственности, ибо капиталъ столь же легко разрушается, какъ и создается руками человѣка. Правда, отдавая капиталъ въ ссуду подъ вѣрное обезпеченіе, капиталистъ ставитъ себя въ положеніе рентьера; но въ этомъ случаѣ и доходъ его не возрастаетъ, между тѣмъ какъ рента землевладѣльца, какъ общее правило, быстро растеть.

Капиталисты-предприниматели, какъ классъ, отнюдь не могутъ считаться непроизводительнымъ общественнымъ элементомъ. Руководительство хозяйственнымъ предпріятіемъ есть чрезвычайно важное и отвѣтственное хозяйственное дѣло. Искусный и ловкій предприниматель несомнѣнно увеличиваетъ своей дѣятельностью общую сумму національнаго богатства. Напротивъ, землевладѣлецъ, отношеніе котораго къ землѣ выражается лишь взиманіемъ тяжелой дани съ земледѣльца, никакого участія въ созданіи національнаго богатства не принимаетъ и является, съ хозяйственной точки зрѣнія, трутнемъ, живущимъ медомъ, собраннымъ рабочей пчелой.

Формы промышленныхъ предпріятій находятся въ тѣс-

ной связи съ формами собственности: при господствѣ крупной собственности на капиталъ промышленное производство имѣетъ крупный характеръ и обратно. Размѣры капиталистическаго предпріятія, въ общемъ, зависятъ отъ степени концентраціи капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ капиталистовъ¹⁾). Характеръ капиталистической собственности и капиталистическаго способа производства взаимно обуславливаютъ другъ друга.

Всякое крупное измѣненіе въ формахъ собственности на капиталъ должно сопровождаться измѣненіемъ формъ промышленныхъ предпріятій, способовъ производства.

Напротивъ, въ области земледѣлія, при широкомъ распространеніи арендной системы, формы собственности на землю теряютъ всякую непосредственную связь съ формами земледѣльческихъ предпріятій. Земледѣліе можетъ быть мелкимъ, хотя землевладѣніе имѣетъ форму крупной собственности, хотя земля сосредоточена въ рукахъ немногихъ. Благодаря этому, реформа земельной собственности наталкивается на несравненно меньшія трудности экономическаго характера, чѣмъ реформа собственности на капиталъ. Если въ странѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, а земледѣліе остается мелкимъ, благодаря распространенію мелкихъ арендъ, то уничтоженіе крупной земельной собственности и замѣна ея мелкой собственностью на землю не требуетъ какого бы то ни было измѣненія характера земледѣльскаго производства: послѣднее остается мелкимъ, какимъ и было. Коренная реформа земельной собственности можетъ быть произведена въ этомъ случаѣ безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства. Напротивъ, въ случаѣ такой же реформы собственности на капиталъ, преобразование формы собственности потребовало бы и коренного преобразованія способа производства и всего народнаго хозяйства. Если бы земля перешла отъ крупныхъ собственниковъ всему народу, государству, то она могла бы попрежнему остаться въ пользованіи отдѣльныхъ земледѣльцевъ и форма земледѣльческаго предпріятія, способъ

¹⁾ Акціонерная форма предпріятій ослабляетъ, но не уничтожаетъ эту зависимость.

земледѣльческаго производства нисколько бы не измѣнился; но если бы весь капиталъ страны сосредоточился въ рукахъ государства, то капиталистическій способъ производства, основанный на частномъ предпринимательствѣ, сталъ бы невозможнымъ, и все народное производство потребовало бы организаціи на совершенно новыхъ началахъ.

Итакъ, хотя земля и капиталъ въ равной мѣрѣ необходимы для производства, хотя владѣлецъ капитала не менѣе, чѣмъ владѣлецъ земли, обладаетъ экономической властью надъ непосредственнымъ производителемъ и пользуется этой властью для присвоенія доли продукта, вырабатываемаго этимъ послѣднимъ, хотя, словомъ, процентъ капиталиста точно также, какъ и рента землевладѣльца, есть доходъ, основанный не на трудѣ, а на владѣніи, иначе говоря, на насиліи, все же, въ силу естественныхъ различій земли и капитала, реформа земельной собственности технически несравнено легче осуществима, чѣмъ реформа собственности на капиталъ. Этимъ и объясняется то, что на ряду съ движеніемъ, направленнымъ противъ всякой формы нетрудового дохода вообще (соціализмъ), развитіе экономическихъ отношеній нашего времени вызвало и особое движеніе, направленное специально противъ одной формы нетрудового дохода — землевладѣльческаго дохода. Это послѣднее движеніе въ пользу націонализаціи земли ставитъ своей задачей изытаніе земли тѣмъ или инымъ способомъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и передачу земли народу, государству или общественнымъ учрежденіямъ. Движеніе это существенно отличается отъ соціализма въ томъ отношеніи, что соціализмъ стремится къ коренному преобразованію не только господствующихъ формъ собственности (и притомъ не только на землю, но и на капиталъ), но и господствующаго способа производства — къ замѣнѣ существующей свободы частнохозяйственнаго предпринимательства общественной организаціей труда; движеніе же въ пользу націонализаціи земли непосредственно ставитъ себѣ несравненно болѣе узкую и легче достижимую цѣль — коренную реформу лишь одного изъ видовъ собственности, земельной собственности, съ сохра-

неніемъ пока существующей свободы частнохозяйственнаго предпринимательства. Оба движенія безусловно различны, но это не значить, что они должны быть враждебны другъ другу; однако, на самомъ дѣлѣ, между ними нерѣдко наблюдается прямой антагонизмъ, по причинамъ, которыя выяснятся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ОТДѢЛЪ I.

НАЦІОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ НА ЗАПАДѢ.

ГЛАВА I.

Раннее движеніе.

Первымъ провозвѣстникомъ современнаго движенія въ пользу націонализаціи земли обыкновенно считаютъ Томаса Спенса, бывшаго въ молодости учителемъ въ Ньюкастлѣ (въ Англіи), а затѣмъ посвятившаго жизнь агитаціи въ пользу этой идеи. Агитація его приняла болѣе энергичный характеръ и обратила на себя вниманіе англійскаго общества и правительства въ тревожное время начала XIX вѣка, хотя Спенсъ, по его собственному показанію, впервые высказалъ свою мысль еще въ 1775 г., въ докладѣ, напечатанномъ въ 1796 г., подъ заглавіемъ «The meridian Sun of Liberty» («Полуденное солнце свободы»).

Въ этомъ докладѣ Спенсъ доказываетъ, что всѣ жители данной страны имѣютъ равное право на землю этой страны, какового права они не могутъ быть лишены людьми, раньше ихъ жившими тамъ же. Поэтому земля естественно должна принадлежать всему обществу; захватъ земли частными собственниками въ свою пользу равносильенъ нарушенію естественныхъ правъ общества. Общество должно поэтому возстановить свое нарушенное право и вернуть себѣ землю. При этомъ земля должна перейти во владѣніе не всего государства въ его цѣломъ, но отдѣльныхъ приходовъ, изъ которыхъ состоитъ страна. Каждый приходъ долженъ образовать собой особую общину, участія въ которой можетъ требовать каждый постоянный житель данной мѣстности. Земля общины не должна, однако, обрабатываться ея членами, а должна отдаваться въ аренду отдѣльными участками на опредѣленные сроки съ торговъ всѣмъ желающимъ. Получаемыя общиной суммы

должны служить для покрытія всѣхъ издержекъ, какъ государства, такъ и самой общины. Такимъ образомъ, всѣ существующіе налоги замѣняются, по плану Спенса, арендной платой съ общинной земли.

Суммы, остающіяся за покрытіемъ расходовъ государства и общины, должны ежегодно распределяться поровну между всѣми членами общины. По мнѣнію Спенса, землевладѣльцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе со стороны общины за отчуждаемую у нихъ землю, такъ какъ тѣ лица, которыя впервые присвоили себѣ землю, совершили насильственное похищеніе чужой собственности, а тѣ, кто получилъ землю по наслѣдству, дару или покупкѣ отъ этихъ первыхъ похитителей, являются укрытателями чужого, не принадлежащаго имъ имущества.

Идеи Спенса приобрѣли извѣстную популярность въ народныхъ массахъ Англіи въ первыя десятилѣтія закончившагося вѣка; правительство утверждало даже, что въ 1817 г. сторонники Спенса готовили возстаніе съ цѣлью насильственнымъ путемъ осуществить предполагавшуюся земельную реформу. Но, повидимому, все это возстаніе было только выдумкой правительства для оправданія разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ, принимавшихся имъ въ это время крайней политической реакціи.

Черезъ нѣкоторое время, однако, движеніе въ пользу земельной реформы приобрѣло въ Англіи большее общественное значеніе. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ этой странѣ развивается до сихъ поръ еще мало изслѣдованное и понятое могущественное народное движеніе чартизма. Чартизмъ быстро достигъ такой силы, что угрожалъ, по мнѣнію очень многихъ, опрокинуть весь политическій и социальный строй государства, но затѣмъ также быстро пламя чартизма погасло. Социальной почвой чартизма было крайнее ухудшеніе экономическаго положенія массы англійскаго населенія, вызванное развитіемъ капитализма и тяжелыми промышленными кризисами 30-хъ и 40-хъ годовъ, сопровождавшимися безработицей промышленныхъ рабочихъ, небывалой по своей продолжительности и огромному распространенію. Эта безработица особенно обострилась въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ и именно въ это время движеніе чартизма достигло своей наибольшей силы.

По своей политической программѣ чартизмъ былъ движеніемъ въ пользу реформы англійскаго парламента на демократическихъ началахъ (всеобщее, равное и тайное голосованіе, отмена имущественнаго ценза для депутатовъ, однолѣтній парламентъ и жалованье депутатамъ — таковы были пункты «хартіи»); по своему же экономическому содержанию чартизмъ былъ протестомъ англійскаго рабочаго противъ новыхъ условій жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ промышленной революціей и быстрымъ ростомъ фабричной промышленности. Общей экономической программы чартизмъ не имѣлъ, такъ какъ различныя группы чартистовъ выставляли различныя требованія экономическаго характера. Среди этихъ требованій огромной популярностью пользовалось и требованіе націонализаціи земли.

Оно было выдвинуто самой выдающейся головой движенія — огненнымъ и страстнымъ защитникомъ интересовъ угнетеннаго народа, ирландцемъ Бронтерромъ О'Брайэномъ. Среди всѣхъ чартистскихъ вождей онъ былъ единственнымъ, ясно сознававшимъ, какія экономическія цѣли могутъ быть поставлены движенію, если будетъ достигнута политическая реформа. Еще до начала чартистскаго движенія О'Брайэнтъ, бывший неутомимымъ агитаторомъ и журналюгой, издавалъ весьма вліятельный радикальный рабочій органъ съ ясно выраженной социалистической окраской, «The Poor Man's Guardian» («Стражъ бѣдняка»). Центральнымъ пунктомъ его экономической программы было, какъ сказано, требованіе націонализаціи земли.

Земельная рента чрезвычайно повысилась въ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ то же время, благодаря отменѣ въ 1834 году старинныхъ законовъ о бѣдныхъ, значительно сократились ложившіеся на землевладѣльцевъ расходы по содержанию бѣдныхъ; бѣдные, получавшіе содержаніе отъ прихода, должны были, согласно новому закону, жить въ рабочемъ домѣ, представлявшемъ собой настоящую тюрьму. Нежелавшіе соглашаться на это лишались помощи, которую они привыкли разсматривать, какъ свое право.

Развитіе промышленности и торговли повело къ быстрому росту народнаго богатства въ Англіи; но англійскій

народъ не только не получалъ отъ этого никакихъ выгодъ, но все глубже погружался въ нищету. Естественно было спросить, чѣмъ же вызывается эта бѣдность, увеличивающаяся среди богатства?

Прежде всего, частной собственностью на землю, отвѣчаетъ О'Брайэнъ. «Допустите только,—говоритъ онъ въ своей книгѣ «The Rise and Progress of Human Slavery». («Ростъ и развитие человѣческаго рабства»), — чтобы территория извѣстной страны, созданная Господомъ для всѣхъ на ней живущихъ и ихъ потомковъ, была куплена отдѣльными лицами или монополизирована другимъ способомъ, и ваше общество распадется на тирановъ и рабовъ, плутовъ, не желающихъ работать, и вычуженныхъ животныхъ, готовыхъ исполнять всякую работу. Никакіе позднѣйшіе законы, никакія самыя искусныя мѣры помощи не улучшатъ этой системы, въ основѣ которой лежитъ возмутительная несправедливость».

Другой причиной социальнаго неравенства и народной нужды является, по мнѣнію О'Брайэна, денежное ростовщичество—процентъ на капиталъ. «Нашъ рабочій классъ,—говоритъ онъ,—какъ земледѣльцы, такъ и промышленные рабочіе уже доведены жадностью хозяевъ до такого низкаго состоянія, какое только возможно безъ совершенной гибели народа; но денежное чудовище еще не насытилось. Какъ послѣдній ресурсъ, это чудовище создало новый законъ о бѣдныхъ, чтобы низвести рабочихъ до самого низкаго уровня жизни. Этотъ законъ обращается съ жертвами бѣдности такъ, какъ въ другихъ странахъ обращаются съ осужденными преступниками; этотъ законъ даетъ одежду преступника, содержаніе преступника и тюрьму преступника изнемогающему человѣку, трудъ котораго обогатилъ чудовище и вина котораго заключается только въ томъ, что онъ не задушилъ чудовище столѣтіе тому назадъ... Таковы послѣдніе ресурсы промышленной Англии... Да, мои друзья, новый законъ о бѣдныхъ есть послѣдняя кровавая попытка денежнаго чудовища поддержать разваливающееся строеніе этой безчеловѣчной системы—безопасной и безжалостной системы, дѣлающей васъ бѣдняками среди произведеннаго вами самими богатства».

Во главу угла социальной реформы О'Брайэнъ ставитъ

возвращеніе всему обществу земли, насильственно захваченной землевладѣльцами. Однако, въ противность Спенсу, онъ не считаетъ возможнымъ отобрать землю у землевладѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія. Правда, землевладѣльцы не имѣютъ на это вознагражденіе никакого нравственнаго права, такъ какъ у нихъ отбирается нѣчто, не созданное ими самими. Но все же по соображеніямъ цѣлесообразности, чтобы не вызывать слишкомъ энергичнаго сопротивленія, слѣдуетъ вознаградить землевладѣльцевъ за отчуждаемую землю.

Землевладѣльцамъ могло бы быть предоставлено, по ихъ усмотрѣнію, сохранять до своей смерти свою землю въ своихъ же рукахъ или же немедленно продать ее государству. Послѣ смерти владѣльца его земля поступаетъ въ собственность государства, выплачивающаго наследникамъ ея полную цѣнность.

Но при этомъ государство отнюдь не должно уплачивать покупную сумму земли немедленно въ полномъ размѣрѣ. Столь же мало обязано государство уплачивать проценты землевладѣльцамъ на эту сумму, ибо процентъ на капиталъ основанъ на такой же эксплоатаціи трудящихся, какъ и землевладѣльческой доходъ. Государство вполне исполнить свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, если оно за извѣстный рядъ лѣтъ,—напр., за 30 лѣтъ,—погаситъ цѣликомъ, но безъ всякихъ процентовъ, покупную сумму земли. Въ теченіе этихъ 30 лѣтъ государство будетъ передавать землевладѣльцамъ или ихъ наследникамъ получаемую имъ ренту съ отчужденныхъ участковъ, а затѣмъ всѣ обязательства государства по отношенію къ прежнимъ землевладѣльцамъ будутъ признаны ликвидированными.

Земля, поступающая въ распоряженіе государства, не должна обрабатываться имъ за свой счетъ, но отдаваться, какъ это предлагалъ и Спенсъ, въ аренду съ торговъ желающимъ. Никто, однако, не долженъ имѣть права арендовать землю въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ можетъ ее обработать собственнымъ трудомъ, если земли нехватаетъ на всѣхъ желающихъ; передача арендуемыхъ участковъ должна быть устранена.

Несмотря на обязательства, принимаемая на себя го-

сударством по отношенію къ землевладѣльцамъ, переходъ земли въ распоряженіе государства и отдача ея мелкими участками въ аренду должны, по мнѣнію О'Брайэна, до такой степени повысить государственные доходы, что возможно будетъ уничтоженіе всѣхъ налоговъ—всѣ государственные расходы будутъ покрываться арендной платой съ государственной земли.

Хотя О'Брайэнъ велъ неутомимую агитацію за свой планъ націонализаціи земли, имѣвшій среди чартистовъ много сторонниковъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленные резолюціи чартистскихъ митинговъ въ его пользу, планъ этотъ не входилъ въ официальную программу партіи до 1852 г., когда чартистское движеніе было уже въ упадкѣ и ему остались вѣрны лишь немногіе, наиболѣе крайніе элементы партіи.

Интересны мотивы, по которымъ многіе чартисты высказывались противъ націонализаціи земли. Такъ напр. представитель праваго крыла чартизма, Ловеттъ, считалъ націонализацію земли крайне нежелательной и опасной мѣрой, такъ какъ она потребуетъ огромныхъ денежныхъ жертвъ и вызоветъ соответствующее возрастаніе государственнаго долга, государство же должно оказаться плохимъ землевладѣльцемъ и въ тоже время сила, вліяніе и независимость государственной власти отъ контроля общественныхъ представителей должны чрезвычайно возрасти, такъ какъ государство получить въ земельной рентѣ огромный доходъ, которымъ будетъ распоряжаться внѣ общественнаго контроля. Тѣ же соображенія, хотя и въ менѣе сильной степени, заставляли Ловетта высказываться и противъ передачи земли въ распоряженіе общинъ и муниципалитетовъ.

Вліятельнѣйшій вождь чартистовъ, Фергусъ О'Конноръ, противопоставилъ плану націонализаціи земли свой собственный планъ аграрной реформы, подъ знаменемъ котораго и боролись чартисты во второй половинѣ 40-хъ годовъ.

О'Конноръ, какъ и О'Брайэнъ, видѣлъ въ аграрномъ вопросѣ центръ соціального вопроса. Вообще, чартизмъ былъ, какъ сказано, протестомъ англійскихъ рабочихъ массъ противъ ужасовъ фабричной системы. Неудивительно,

что провозглашенный О'Конноромъ кличъ: «Назадъ на землю!» («Back to the land») встрѣтилъ такое сочувствіе англійскаго рабочаго, видѣвшаго въ фабрикѣ своего главнаго врага. Противопоставленіе голодающей рабочей массы богатымъ фабрикантамъ было обычной темой чартистскихъ ораторовъ. Горячая ненависть къ фабричной системѣ, указаніе на гибельное вліяніе машинъ, на ошибочность торговой политики, стремящейся къ развитію вывоза, вмѣсто расширенія внутренняго рынка,—всѣмъ этимъ были полны столбцы главнаго органа чартистовъ «The Northern Star» («Сѣверная звѣзда»). Газета эта вела упорную кампанію противъ «партіи расширенія торговли» и доказывала, что внутренній рынокъ важнѣе внѣшняго и что именно развитіе внѣшней торговли и вызвало нищету англійскихъ рабочихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ О'Конноръ и большинство чартистскихъ вождей были горячими поклонниками земледѣлія и крестьянскаго хозяйства. Обезземеленіе англійской рабочей массы дѣлало невозможнымъ, по мнѣнію О'Коннора, улучшеніе положенія англійскаго рабочаго, такъ какъ скопленіе массы рабочихъ въ городахъ вызываетъ при каждомъ сокращеніи торговли массовую безработицу, благодаря чему заработная плата и занятыхъ рабочихъ падаетъ до самаго низкаго уровня. Пока рабочій рынокъ въ городахъ не будетъ освобожденъ отъ постоянного наплыва рабочихъ изъ деревни, до тѣхъ поръ промышленный рабочій не будетъ въ силахъ отстоять себѣ сноснаго существованія на фабрикѣ.

Исходя изъ этихъ соображеній О'Конноръ утверждалъ, что интересы всей массы англійскихъ рабочихъ требуютъ широкаго развитія въ деревнѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства. По его мнѣнію, правительство должно было бы заключить заемъ въ 100 мил. ф. ст. (1 миллиардъ рублей) и на эту сумму выкупить у крупныхъ землевладѣльцевъ землю, достаточную для образованія 1 милліона крестьянскихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ значительная часть англійскаго населенія вернулась бы къ земледѣлію, къ выгодѣ, какъ своей собственной, такъ и тѣхъ, кто останется въ

Но такъ какъ англійское правительство не обнаружи-

НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ.

вало никакой склонности совершить операцию, предлагавшуюся О'Конноромъ, а вождю чартистовъ нужно было дать своимъ послѣдователямъ нѣчто осуществимое въ ближайшемъ же будущемъ, то онъ скоро отказался отъ своего первоначального проекта и выступилъ въ началѣ 40-хъ годовъ съ новымъ «земельнымъ планомъ», быстро приобрѣтшимъ широкую популярность и принятымъ на конференціи чартистскихъ делегатовъ въ Бирмингамѣ въ 1843 г.

Для пропаганды своего аграрнаго плана О'Конноръ сталъ издавать особый органъ «The Labourer» («Работникъ»). Въ этомъ органѣ онъ заявлялъ себѣ рѣшительнымъ врагомъ коммунизма, но другомъ кооперации. Онъ врагъ мелкихъ фермъ, сдаваемыхъ въ аренду, но другъ мелкой крестьянской собственности. Мелкая собственность должна, по его мнѣнію, чрезвычайно повысить производительность земледѣльческаго труда, примѣромъ чего можетъ служить бельгійское крестьянское хозяйство. Съ земледѣліемъ должна соединяться и обрабатывающая промышленность. «Жилище каждаго поселенца, во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, должно стать мѣстомъ оживленной домашней промышленности. Портной или сапожникъ не утратятъ своего искусства оттого, что они научатся обращаться съ лопатой. Они будутъ выдѣлывать, во время свободное отъ полевыхъ работъ, разныя издѣлія для продажи». Вообще же земледѣліе, а не промышленность, должно стать основаніемъ общественнаго хозяйства и давать занятіе большей части населенія.

Самый «земельный планъ» О'Коннора заключался въ слѣдующемъ. Рабочіе должны образовать общество для покупки земли. Достаточно собрать по подпискѣ 2 тысячи ф. (20.000 р.), чтобы общество начало свои операции. Оно покупаетъ землю, разбиваетъ ее на мелкіе участки, строитъ на каждомъ участкѣ дома и сельскохозяйственныя постройки, снабжаетъ участки инвентаремъ, необходимымъ для сельскаго хозяйства. Жребій рѣшаетъ, кому изъ членовъ общества достаются эти участки. Владѣльцы участковъ уплачиваютъ обществу 5% съ цѣнности своихъ участковъ, построекъ и инвентаря. Общество закладываетъ приобретенную землю, покупаетъ на вырученную сумму

новую землю, которую опять распределяетъ по жребію между участниками, снова закладываетъ и т. д.

Рабочіе горячо отозвались на призывъ О'Коннора. Подписчики являлись тысячами. 14-го марта 1846 г. земельная ассоціація приобрѣла первое имѣніе для разбивки его на мелкіе участки. За первый годъ существованія ассоціаціи ей удалось собрать съ рабочихъ для покупки земли 11.678 ф. с. (около 111 тысячъ р.).

Успѣхъ подписки побудилъ О'Коннора нѣсколько изменить свой планъ. А именно, вмѣсто закладыванія приобретаемыхъ имѣній, было рѣшено основать свой собственный земельный банкъ, который долженъ былъ привлекать отъ публики деньги подъ залогъ земельной собственности ассоціаціи.

Если вспомнить, что весь этотъ планъ насажденія крестьянскаго хозяйства на собственные средства рабочихъ безъ всякой помощи отъ государства предлагался полунцимъ англійскимъ фабричнымъ рабочимъ сороковыхъ годовъ, то можно оцѣнить всю его непрактичность. Но чрезвычайно характерно, что столь фантастичный планъ имѣлъ нѣкоторое время крупный успѣхъ. Изстрадавшійся фабричный рабочій устремился за обманчивымъ призракомъ воскрешенія исчезнувшаго въ Англии крестьянскаго хозяйства. За три года, къ началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать съ рабочихъ по грошамъ крупную сумму въ 94.184 ф. с. при чемъ число подписчиковъ превзошло 100 т. чел. Нѣсколько имѣній было куплено и разбито на мелкіе участки.

Неизбѣжное крушеніе этого предпріятія было ускорено правительствомъ. Присужденіе земельныхъ участковъ путемъ жребія было признано незаконной лоттереей. Рабочіе потеряли свои деньги, а вмѣстѣ съ «земельнымъ планомъ» О'Коннора рухнулъ и чартизмъ. Чартистскіе вожди попытались тогда выставить другой лозунгъ—націонализациіи земли,—но время чартизма уже миновало, и движеніе быстро угасло подъ вліяніемъ наступившаго въ 50-хъ годахъ общаго улучшенія экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса.

Чартизмъ не вызвалъ никакой аграрной реформы, однако идея ея отнюдь не умерла.

Ни одинъ экономистъ послѣ Рикардо не пользовался въ Англіи такимъ всеобщимъ признаніемъ и уваженіемъ, какъ Джонъ Стюартъ Милль. Его «Основанія политической экономіи» остаются и по настоящее время — черезъ много десятилѣтій послѣ ихъ написанія—классическимъ и, быть можетъ, всего болѣе читаемымъ руководствомъ экономической науки. И вотъ этотъ вліятельнѣйшій и авторитетнѣйшій представитель буржуазной политической экономіи обнаружилъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ сочувствіе идеѣ коренной реформы частной собственности на землю.

«Земля, — говоритъ Милль въ своемъ извѣстномъ курсѣ—не создана никѣмъ изъ людей, она коренное наслѣдіе человѣческаго рода. Ея присвоеніе частными лицами—исключительно вопросъ общей пользы. Когда частная собственность на землю невыгодна для общества, она несправедлива. Лишить человѣка участія въ томъ, что произведено другими, не значитъ поступить съ нимъ жестоко; другіе не были обязаны производить для него и онъ ничего не теряетъ, не получая доли изъ того, что вовсе не существовало бы, если бы не было произведено трудомъ другихъ. Но должно назвать жестокимъ положеніе того, кто, родившись на свѣтъ, находитъ, что всѣ дары природы уже захвачены другими, не оставившими мѣста новому товарищу... Поземельная собственность не похожа на другіе роды собственности, это понимаютъ даже упорнѣйшіе защитники ея правъ... Право землевладѣльцевъ на землю совершенно подчинено общей государственной политикѣ. Принципъ собственности вовсе не даетъ имъ права на землю, а даетъ только право на вознагражденіе за ту часть получаемыхъ ими отъ земли выгодъ, которую государство по своимъ надобностямъ найдетъ полезнымъ взять у нихъ».

По мнѣнію Милля, государство имѣетъ право совершенно свободно располагать земельной собственностью (при условіи полнаго вознагражденія землевладѣльцевъ), сообразно общественнымъ нуждамъ. «Если законодательная власть захочетъ, то можетъ у всего класса землевладѣльцевъ отобрать землю, давъ за нее облигаціи государственнаго долга».

Единственнымъ справедливымъ обоснованіемъ права собственности, — говоритъ Милль, — является трудовой прин-

ципъ—право человѣка на продукты его труда. Земля не есть продуктъ человѣческаго труда — слѣдовательно, этическое обоснованіе земельной собственности отпадаетъ. Остаются соображенія цѣлесообразности: общество можетъ находить для себя выгоднымъ, чтобы земля находилась въ собственности отдѣльныхъ лицъ. Но это можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если земельные собственники какимъ-нибудь способомъ участвуютъ въ созданіи національнаго богатства и содѣйствуютъ экономическому благополучію населенія. Но что сказать о крупныхъ землевладѣльцахъ хотя бы Ирландіи? Ихъ отношеніе къ землѣ выражается лишь взиманіемъ арендной платы съ арендаторовъ ихъ имѣній. Они не только не улучшаютъ техники земледѣлія, но, напротивъ, препятствуютъ такому улучшенію, дѣлая невозможнымъ производство арендаторами меліорацій. «За немногими исключеніями, ирландскіе землевладѣльцы только истощаютъ производительность земли. Къ нимъ буквально примѣняется эпитафия, сказанная кѣмъ-то при совѣщаніяхъ о томъ, чѣмъ обременены земли: «величайшее обремененіе для земель—землевладѣльцы»... Когда поземельная собственность стала въ такое положеніе, то прекращается возможность защищать ее».

Исходя изъ этихъ соображеній Милль основалъ въ 1870 г. общество, поставившее себѣ цѣлью земельную реформу. Сохраняя принципъ вознагражденія землевладѣльцевъ за отчуждаемую отъ нихъ землю, общество признало, что государство должно стремиться сохранить за всѣмъ населеніемъ выгоды прироста земельной ренты, не вызываемаго дѣятельностью самихъ землевладѣльцевъ. Для этого государство должно было бы облагать землю особымъ налогомъ, возрастающимъ по мѣрѣ незаслуженнаго прироста доходности земли.

Взгляды Милля не могли не оказать большого вліянія на образованные классы англійскаго общества. О несправедливости земельной собственности высказался съ еще большей опредѣленностью и Гербертъ Спенсеръ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій «Соціальная статика». Частная собственность на землю должна, по его мнѣнію, такъ же исчезнуть, какъ уже исчезла собственность на человѣческую личность.

Въ болѣе недавнее время выступилъ въ Англіи съ энергичной агитаціей въ пользу націонализаціи земли знаменитый натуралистъ Альфредъ Уоллесъ. Его книга «Land Nationalisation, its Necessity and its Aims» (Націонализація земли, ея необходимость и цѣли) вышла въ 1882 г. Уоллесъ предлагалъ государству выкупить всю частную земельную собственность, причемъ выкупъ долженъ заключаться въ обезпеченіи государствомъ землевладѣльцамъ ихъ земельной ренты, но не на всегда, а лишь на время жизни владѣльцевъ и ихъ наслѣдниковъ, родившихся до смерти этихъ наслѣдниковъ. Самый выкупъ долженъ быть произведенъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Государство устанавливаетъ, путемъ специальной оцѣнки, какая часть цѣнности имѣнія создана землевладѣльцемъ (напр., цѣнность построекъ, разныхъ меліораций и т. п.) или арендаторомъ и какая связана съ самой землей, какъ даромъ природы. Только эта послѣдняя часть цѣнности имѣнія и выкупается государствомъ на указанныхъ основаніяхъ. Вся же цѣнность, созданная тѣмъ или инымъ лицомъ, признается его неотъемлемой собственностью.

Выкупленная государствомъ земля остается въ наслѣдственномъ владѣніи и распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя ею пользуются и въ настоящее время. Если земля въ арендѣ, то она поступаетъ въ распоряженіе арендатора, если землей пользуется самъ землевладѣлецъ, то въ распоряженіе землевладѣльца. Никакого ограниченія размѣра участковъ, поступающихъ во владѣніе и пользованіе отдѣльныхъ лицъ, не назначается. Но арендаторъ можетъ получить въ свое пользованіе арендуемую землю лишь въ случаѣ уплаты собственнику всей цѣнности, созданной землевладѣльцемъ на этой землѣ, и признанной собственностью послѣдняго. Государство можетъ оказывать помощь, для уплаты арендаторомъ этой суммы, путемъ долгосрочной ссуды. Лицо, пользующееся землей, обязуется уплачивать государству ежегодную ренту, и пока оно исправно вноситъ эту ренту, до тѣхъ поръ земля остается въ полномъ распоряженіи этого лица, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы оно не передавало земли третьимъ лицамъ.

На ряду съ этимъ, всѣмъ гражданамъ государства предоставляется, разъ въ жизни, выбрать въ свое владѣ-

ніе, на извѣстныхъ условіяхъ, участокъ земли, размѣромъ не выше 5 акровъ и не ниже 1 акра. За пользование этимъ участкомъ слѣдуетъ такая же рента, какъ и за всякую другую землю. Имѣнія, ниже извѣстнаго размѣра, освобождаются отъ обязательства предоставлять желающимъ такіе участки. Относительно имѣній большихъ размѣровъ соблюдается правило, чтобы общая площадь имѣнія не уменьшалась, въ теченіе жизни владѣльца, вслѣдствіе отвода названныхъ участковъ, болѣе, чѣмъ на 10⁰/₀ своихъ размѣровъ. Владѣльцы имѣній вознаграждаются за отводимые участки согласно правительственной оцѣнкѣ.

Уоллесъ основалъ «Общество націонализаціи земли», которое, однако, вскорѣ лишилось своихъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, примкнувшихъ къ идеямъ Генри Джорджа, появленіе книги котораго знаменуетъ собой новую эпоху въ разсматриваемомъ движеніи.

Но еще задолго до Джорджа въ пользу націонализаціи земли высказался на основаніи весьма оригинальныхъ соображеній глубокой, но оставшейся совершенно незамѣченнымъ современниками, мыслитель—Германъ Госсенъ. Его книга «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs» («Развитіе законовъ человѣческаго хозяйства»), вышедшая въ 1853 г., явилась плодомъ многолѣтней упорной работы и доказывала огромную умственную силу автора. Въ этой книгѣ впервые была установлена новая теорія цѣнности, являющаяся въ настоящее время, подъ названіемъ теоріи предѣльной полезности, почти общепринятой среди новѣйшихъ экономистовъ. Несмотря на это, книга Госсена, на которую авторъ возлагалъ такія надежды, что не боялся назвать себя въ предисловіи Коперникомъ политической экономіи, испытала нерѣдкую судьбу книгъ, опережающихъ свое время—ее по просту не прочли и книга была предана забвенію, изъ котораго вышла весьма недавно.

Основнымъ принципомъ рациональной организаціи народнаго хозяйства Госсенъ принимаетъ принципъ наибольшаго счастья: хозяйство должно быть организовано такъ, чтобы получаемая обществомъ сумма счастья была наибольшей. Этотъ принципъ требуетъ, чтобы всякая естественная производительная сила въ распоряженіи общества утили-

зировалась имъ самымъ полнымъ образомъ. Но, очевидно, право частной собственности на землю является непреодолимой преградой для такого утилизованія. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что изъ всѣхъ лицъ даннаго общества именно собственникъ даннаго участка всего болѣе способенъ эксплуатировать его наилучшимъ образомъ. Далѣе, наиболѣе выгодная эксплуатация земли предполагаетъ и соответствующее комбинированіе различныхъ угодій въ одно имѣніе; имѣніе должно слагаться изъ опредѣленныхъ угодій, имѣть опредѣленную площадь, опредѣленные очертанія и пр. для того, чтобы было возможно наибольшее использование естественныхъ силъ почвы. Пока частный собственникъ на землю сохраняетъ свое право veto на всякое пользованіе землей, несогласное съ его волей или просто капризомъ, до тѣхъ поръ рациональное использование всѣхъ естественныхъ силъ страны невозможно.

Такимъ образомъ, земельная собственность есть препятствіе на пути экономическаго прогресса и общество должно это препятствіе устранить. Но земля не можетъ быть отобрана государствомъ у частныхъ владѣльцевъ, такъ какъ само же государство совершило ошибку, допустивъ переходъ земли въ частную собственность. Не будучи социалистомъ и преувеличивая важность частнохозяйственнаго предпринимательства для поднятія энергіи хозяйственной дѣятельности, Госсенъ противился всякому нарушенію права частной собственности. Поэтому для него оставалось одно средство борьбы съ частной земельной собственностью — скупка государствомъ, по вольной цѣнѣ, частновладѣльческихъ земель, пока вся земля не перейдетъ въ руки государства.

Свою землю государство должно отдавать въ аренду всѣмъ желающимъ по наивысшей цѣнѣ. При этомъ государство, при посредствѣ своихъ мѣстныхъ органовъ, должно принимать всевозможныя мѣры для улучшенія качества земли, и наиболѣе выгоднаго комбинированія угодій. Принципомъ должно быть полученіе наивысшей ренты; сдаваемые участки должны быть такой площади, формы и такъ образованы, чтобы рента, которую соглашается платить за нихъ арендаторъ, была постоянно наивысшей, ибо самый фактъ добровольной уплаты такой ренты свидѣтельствуетъ

о наивысшемъ и наиболѣе рациональномъ использованіи производительныхъ силъ почвы.

Участки должны сдаваться арендаторамъ на пожизненный срокъ, ибо только въ этомъ случаѣ арендаторъ будетъ заинтересованъ въ наиболѣе рациональной обработкѣ почвы и производствѣ меліорацій; но государство предоставляетъ арендатору право во всякое время отказаться отъ аренды, съ предупрежденіемъ объ этомъ за три мѣсяца. Въ случаѣ неплатежа арендной платы земля отбирается у арендатора. Государство оказываетъ ссуды арендаторамъ на производство меліорацій, подъ условіемъ платежа обычныхъ процентовъ и погашенія капитала. Арендная плата измѣняется въ зависимости отъ измѣненія общихъ условий земледѣльческаго производства и устанавливается каждый годъ мѣстными властями заново. Какъ общее правило, арендная плата должна повышаться (примѣрно на 1% въ годъ), подъ вліяніемъ роста населенія и народнаго богатства, вызывающаго переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія.

ГЛАВА II.

Новѣйшее движеніе.

Новѣйшее движеніе въ пользу земельной реформы связывается съ именемъ американца Генри Джорджа, книга котораго «Прогрессъ и бѣдность» вышла въ 1879 г. Нельзя сказать, чтобы Джорджъ былъ самымъ глубокимъ или неотразимымъ защитникомъ этой идеи: но онъ, безспорно, былъ самымъ краснорѣчивымъ ея защитникомъ, — и этимъ объясняется безпримѣрный успѣхъ его книги.

Свободная государственная земля, имѣвшаяся въ огромномъ количествѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, долгое время играла роль предохранительнаго клапана американскаго капитализма. Съ востока на западъ тянулся въ Америкѣ эмиграціонный потокъ, уносившій излишнее населеніе изъ восточныхъ штатовъ, центровъ капиталистической промышленности, на дальній Западъ, гдѣ земли имѣлось въ изобиліи и гдѣ каждый могъ легко основать свое собственное земледѣльческое хозяйство. Но наступило время, когда этотъ клапанъ сталъ дѣйствовать менѣе успѣшно. И, что особенно важно, это время наступило гораздо раньше истощенія запаса незанятыхъ, пустующихъ земель. Уже въ 70-хъ годахъ закончившагося столѣтія, поселенцы въ западныхъ штатахъ начинаютъ жаловаться на трудность пріискать свободный участокъ земли, несмотря на то, что огромныя пространства земли остаются необработанными. Государственная земля была скуплена капиталистами восточныхъ штатовъ въ цѣляхъ спекулированія на повышеніи ея цѣны, а также захвачена желѣзнодорожными обществами, которымъ государство отводило огромныя земельныя участки даромъ. И тѣ и другіе находили выгоднымъ

держатъ землю въ своихъ рукахъ со спекулятивными цѣлями, безъ всякаго производительнаго употребленія ея.

Грандіозныя рабочія стачки въ Америкѣ въ концѣ 70-хъ годовъ, въ эпоху тяжелаго промышленнаго кризиса, показали всему міру, что социальный вопросъ выступилъ въ такой же грозной формѣ въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ. Эти стачки имѣли характеръ настоящаго возстанія американскаго пролетаріата. Въ Питтсбургѣ желѣзнодорожныя рабочіе, вмѣстѣ съ городскимъ пролетаріатомъ, захватили городъ въ свою власть, сожгли все имущество желѣзнодорожной компаніи, постройки, сооруженія, уничтожили болѣе полуторы тысячи вагоновъ и болѣе сотни локомотивовъ, разграбили нѣсколько товарныхъ поѣздовъ. Только послѣ кровавыхъ столкновеній правительству удалось усмирить рабочихъ. Подобныя же сцены разыгрались и въ другихъ городахъ Америки.

Стачки 70-хъ годовъ наглядно показали всѣмъ, что предохранительный клапанъ американскаго капитализма пересталъ дѣйствовать; онѣ поставили американское общественное мнѣніе лицомъ къ лицу съ великимъ социальнымъ вопросомъ нашего времени.

Книга Джорджа, написанная подъ непосредственнымъ влияніемъ этихъ событій, является американской попыткой рѣшенія социального вопроса. Корень социального вопроса заключается, по мнѣнію Джорджа, въ присвоеніи землевладѣльцемъ избыточнаго продукта, создаваемого успѣхами производства, ростомъ цивилизаціи и культуры. Какъ быстро бы ни шелъ ростъ народнаго богатства, рабочіе и предприниматели ничего отъ него не выигрываютъ, ибо плоды ихъ труда, изобрѣтательности и предприимчивости, по неумолимымъ законамъ общественнаго строя, основаннаго на частной земельной собственности, достаются классу, не принимающему никакого участія въ созданіи богатства. «Такъ какъ земля необходима для труда, производящаго богатство, то владѣть землей, значитъ владѣть всѣми плодами труда, за вычетомъ доли, необходимой для существованія рабочаго. Трудъ не можетъ воспользоваться тѣми благами, которыя приноситъ съ собой развивающаяся цивилизація, ибо эти блага перехватываются на пути... Причина того явленія, что заработная плата, несмотря на ростъ

производительныхъ силъ, постоянно стремится къ наинишему уровню, при которомъ возможно лишь голое существованіе, заключается въ томъ обстоятельстве, что съ ростомъ производительныхъ силъ въ еще большей мѣрѣ стремятся расти и земельная рента».

Не капиталъ угнетаетъ рабочаго, а земельная собственность; интересы капиталиста и рабочаго вполне солидарны, и оба они одинаково страдаютъ отъ общаго врага—землевладельца. Промышленные кризисы всецѣло вызываются земельной собственностью, а именно земельными спекуляціями капиталистовъ, захватывающихъ огромные земельные участки съ цѣлью спекулировать на увеличеніи ихъ цѣны.

Противоположность интересовъ труда и капитала рѣшительно отрицается Джорджемъ. Стачки и организаціи рабочихъ, направленные противъ капиталистовъ, не встрѣчаютъ сочувствія Джорджа, относящагося съ полнымъ осужденіемъ и къ социализму вообще. У рабочихъ и капиталистовъ, говоритъ онъ, есть одинъ врагъ—частная собственность на землю; когда этотъ врагъ будетъ побѣжденъ, тогда капиталисты и рабочіе будутъ жить въ полномъ согласіи и мирѣ другъ съ другомъ. Борьба труда и капитала основана на недоразумѣніи: и капиталисты и рабочіе—одинаково необходимы для хозяйственнаго благополучія страны, и потому имъ слѣдуетъ не враждовать, а идти объ руку другъ съ другомъ.

Итакъ, бѣдность вызывается всецѣло и исключительно частной собственностью на землю. Отсюда вытекаетъ и «средство исцѣленія» отъ роковой болѣзни бѣдности, предлагаемое Джорджемъ. Если бѣдность создается частной земельной собственностью, то для уничтоженія бѣдности нужно, очевидно, уничтожить этотъ социальный институтъ. Но какимъ образомъ? Очень простымъ—отвѣчаетъ Джорджъ—обложениемъ земли налогомъ, равнымъ земельной рентѣ. Землевладельцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе за потерю ренты, такъ какъ рента создается не ими, а обществомъ, которое, отбирая въ свою пользу ренту, возвращаетъ себѣ свое собственное дѣтище, свое созданіе. Государство можетъ осуществить великую социальную реформу, послѣдствія которой Джорджъ рисуетъ са-

мыми радужными красками, путемъ простаго преобразованія системы налоговъ. Въ настоящее время налоги крайне разнообразны и стремятся охватить всевозможные источники дохода; они ложатся тяжелымъ бременемъ на трудъ и капиталъ и крайне стѣсняють хозяйство. Если бы все эти налоги были уничтожены и переложены на землю, то все классы населенія, кромѣ, конечно, крупныхъ землевладельцевъ, чрезвычайно выиграли бы. Выгода рабочихъ заключалась бы въ томъ, что, имѣя свободный доступъ къ землѣ, отъ которой отказались бы все землевладельцы, не эксплуатирующіе теперь своихъ земельныхъ участковъ (ибо кто сталъ бы удерживать въ своихъ рукахъ землю, за которую приходится дорого платить безъ надежды что-либо выиграть?), рабочіе не стали бы продавать свой трудъ за меньшую сумму, чѣмъ доходъ, получаемый при самостоятельномъ веденіи сельскаго хозяйства. Кромѣ того, рабочіе выиграли бы въ качествѣ потребителей, благодаря удешевленію всехъ предметовъ, обложенныхъ пошлинами, акцизами и другими налогами, обременяющими промышленность. Предприниматели, капиталисты выиграли бы потому, что переложеніе всехъ налоговъ на землю дало бы огромный толчокъ промышленности. Мелкіе землевладельцы точно также выиграли бы, ибо ихъ потери отъ конфискаціи ренты были бы съ избыткомъ покрыты удешевленіемъ предметовъ потребленія, освобожденныхъ отъ налоговъ. «Для наиболѣе трудящихся фермеровъ, какъ бы парадоксально это ни казалось, переложеніе всехъ налоговъ на земельную ренту было бы въ сущности равнозначуще освобожденію ихъ отъ всякаго налога». Вообще фермеры, которые болѣе рабочіе, чѣмъ землевладельцы, выиграли бы отъ этой реформы. Кто же проигралъ бы отъ нея? Только крупные землевладельцы, «только тѣ стали бы бѣднѣе отъ указанной мѣры, кто могъ бы обѣднѣть безъ существеннаго ущерба для себя. Большія состоянія пострадали бы, но никто въ дѣйствительности не впалъ бы въ бѣдность».

Таково ученіе Джорджа, произведшее огромное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, какъ это доказывается колоссальнымъ успѣхомъ его книги. Какъ бы мы ни оцѣнивали заслугъ Джорджа, какъ теоретика, (по моему мнѣ-

нію, въ теоретическомъ отношеніи книга Джорджа представляет собой, сравнительно съ работами его предшественниковъ, скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ впередъ), за нимъ нельзя отнять славы самого вліятельнаго пропагандиста и популяризатора идеи націонализаціи земли. Появленіе его книги было выдающимся общественнымъ событіемъ своего времени. И самъ Джорджъ видѣлъ въ своей книгѣ не просто литературное произведеніе и не только ученый трудъ, но, прежде всего, призывъ къ опредѣленному практическому дѣлу.

Немедленно по выходѣ въ свѣтъ «Прогресса и бѣдности» Джорджъ приступаетъ къ энергичной агитаціи въ пользу своихъ идей. Въ самой Америкѣ дѣятельность его вначалѣ сопровождалась шумнымъ успѣхомъ. Въ Нью-Йоркѣ вскорѣ образовалась вліятельная партія «United Labour Party» («Соединенная рабочая партія»), принявшая въ основныхъ чертахъ съ программу Джорджа. Въ 1886 г. краснорѣчивый борецъ социальнымъ зломъ выступилъ кандидатомъ на должность мера города Нью-Йорка и получилъ около 70.000 голосовъ, но былъ побитъ кандидатомъ демократовъ, собравшимъ около 90.000 голосовъ. Если вспомнить, что авторъ «Прогресса и бѣдности» стоялъ внѣ обѣихъ могущественныхъ партій, дѣлящихъ власть въ Соединенныхъ Штатахъ, республиканской и демократической, то нельзя не согласиться со сторонниками Джорджа, усматривавшими въ его поражении огромную моральную побѣду. Несомнѣнно, что выборы 1886 г. не только не ослабили вліянія нашего социальнаго реформатора, но, напротивъ, содѣйствовали дальнѣйшему росту вызваннаго имъ движенія. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ къ послѣдователямъ Джорджа примыкаетъ нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, въ томъ числѣ католическій патеръ ирландецъ Макъ Глиннъ, краснорѣчивый ораторъ, защищавшій съ церковной кафедры планы апостола націонализаціи земли. вмѣстѣ съ Джорджемъ Глиннъ основалъ «Anti Poverty Society» («Общество борьбы съ бѣдностью»), задачей котораго было устраненіе бѣдности путемъ введенія единаго поземельнаго налога.

Но успѣхи всего этого движенія были непродолжительны. Среди «Соединенной партіи рабочихъ» обнару-

жился расколъ: социалисты, вошедшіе въ партію, энергично высказались противъ церковнаго направленія, приданнаго движенію Макъ Глинномъ. На общемъ собраніи въ Сиракузахъ, въ 1887 г., было рѣшено исключить изъ партіи социалистовъ, пугавшихъ болѣе умѣренныхъ сторонниковъ Джорджа. Партія старалась опереться на мелкихъ фермеровъ, такъ какъ промышленные рабочіе не обнаруживали никакой склонности войти въ нее; но и фермеры остались чужды движенію. На ноябрьскихъ выборахъ 1887 г. Джорджъ получилъ во всемъ Нью-Йоркскомъ штатѣ не болѣе голосовъ, чѣмъ годъ тому назадъ въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ. По городу ходила острота: «Джорджъ поднялся, какъ ракета, и опустился, какъ обгорѣлая жердь».

Но все эти неудачи не убили движенія, вызваннаго смѣлымъ защитникомъ народныхъ интересовъ. Если у себя на родинѣ Джорджъ и имѣлъ мало успѣха, зато въ другихъ странахъ идеи его нашли для себя благодарную почву.

Вскорѣ послѣ появленія его знаменитой книги онъ совершилъ поѣздку съ агитаціонной цѣлью въ Ирландію и Англію; затѣмъ онъ побывалъ въ Европѣ еще нѣсколько разъ, читая съ огромнымъ успѣхомъ лекціи, участвуя въ публичныхъ митингахъ и всячески пропагандируя идею «единаго налога». Народныя массы встрѣчали его восторженно, и уже въ 1888 г. въ Англіи основалось «Land Restoration League» («Лига возвращенія земли»), всецѣло примкнувшая ко взглядамъ Джорджа. Вслѣдъ затѣмъ, такое же общество возникло и въ Шотландіи.

Среди англійскаго населенія никогда не умирало стремленіе къ возрожденію крестьянскаго хозяйства. Промышленные рабочіе мало-по-малу оставили несбыточную надежду, столь манящую ихъ въ эпоху чартизма, вернуться опять къ землѣ. Но для земледѣльческихъ рабочихъ идеаломъ оставалось собственное хозяйство на собственной землѣ. Это лучше всего видно изъ того, что организаціонное движеніе 70-хъ годовъ среди земледѣльческихъ рабочихъ, созданное Джозефомъ Арчемъ, признало своей конечной цѣлью «три акра и корову!»—созданіе мелкаго крестьянскаго хозяйства. Въ своей автобіографіи Арчъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой

послѣдній завѣтъ рабочимъ: «Добивайтесь земли, но своими собственными средствами—я не вѣрю въ государственную помощь и націонализацию земли. Берите участки земли за справедливую ренту и подвергайте его наилучшей обработкѣ, вотъ что долженъ дѣлать рабочій. Лишь въ послѣдней крайности я рекомендовалъ бы насиліе. Самопомощь и свобода, порядокъ и прогрессъ, вотъ что я совѣтую вамъ».

Такимъ образомъ, и въ наше время, какъ и въ эпоху чартизма передъ земледѣльческимъ населеніемъ Англійи стоятъ два плана аграрной реформы—одинъ отвергаетъ всякую частную собственность на землю и требуетъ фактическаго уничтоженія самаго института частной земельной собственности, а другой признаетъ возможнымъ созданіе крестьянскаго хозяйства на почвѣ существующаго права.

Оба эти теченія встрѣчаютъ поддержку въ различныхъ кругахъ англійскаго общества и народа. «Лига возвращенія земли» продолжаетъ и понынѣ вести энергичную агитацию въ пользу націонализации земли. Крайне интересенъ способъ, которымъ ведется эта агитация. Въ 1891 г. лига образовала особый фондъ для пропаганды своихъ идей при помощи «красныхъ фургоновъ» («Red Vans»). Каждое лѣто фургоны эти разъѣзжаютъ по земледѣльческимъ округамъ Англійи. Сами фургоны краснаго цвѣта, покрыты афишами, воззваніями, рисунками, пропагандирующими идею націонализации земли. Пріѣхавъ въ деревню, фургонъ останавливается, и членъ лиги, руководящій движеніемъ фургона и живущій въ немъ, старается разузнать мѣстные деревенскіе нужды и интересы, поводы къ недовольству мѣстнымъ землевладѣльцемъ, предметы жалобъ рабочихъ и проч. Черезъ нѣсколько дней устраивается митингъ подъ открытымъ небомъ, при чемъ въ рѣчахъ ораторовъ принципы лиги иллюстрируются обстоятельствами мѣстной жизни. На митингѣ продаются изданія лиги, распространяются рисунки и т. д.

Фургонъ направляется преимущественно туда, гдѣ населеніе особенно страдаетъ отъ притѣсненій землевладѣльцевъ, гдѣ мелкіе арендаторы вступаютъ въ споръ съ помѣщикомъ изъ-за условій аренды, гдѣ рабочіе недовольны фермерами, гдѣ помѣщики оказываютъ давленіе на поли-

тическія убѣжденія населенія или препятствуютъ его самостоятельности и т. д. и т. д.

Митинги собираютъ многочисленныхъ слушателей, но такъ какъ землевладѣльцы не могутъ относиться ко всему этому благосклонно, то весьма часто собранія получаютъ шумный характеръ. Какъ видно изъ ежегодно печатаемыхъ отчетовъ «With the Red Vans», агенты землевладѣльцевъ нерѣдко организуютъ настоящія облавы на пропагандистовъ лиги; иногда страдаютъ и самые фургоны, въ которыхъ пропагандистамъ приходится выдерживать атаки нанятой помѣщиками толпы, но члены лиги нисколько не смущаются этимъ, вѣруя, что «сила не аргументъ», и что побой не могутъ опровергнуть доводовъ разсудка.

Результаты каждой кампаніи «красныхъ фургоновъ» публикуются въ особой брошюркѣ въ красной обложкѣ, которая, въ свою очередь, является превосходнымъ средствомъ агитации; въ этихъ небольшихъ брошюркахъ сообщаются свѣдѣнія о всѣхъ замѣченныхъ случаяхъ угнетенія рабочаго люда землевладѣльцами, приводятся данныя объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія и т. п.

Вся эта агитация не можетъ разумѣется, не оказывать вліянія на народную массу. Но все же, пока, успѣхи лиги не велики. На англійское законодательство агитация лиги пока почти не повліяла. Единственнымъ важнымъ (по крайней мѣрѣ, принципиально) законодательнымъ актомъ, который можно поставить въ связь съ дѣятельностью лиги, какъ, впрочемъ, въ еще большей мѣрѣ съ другимъ конкурирующимъ движеніемъ—въ пользу созданія мелкой земельной собственности,—является законъ 1892 г. о мелкихъ хозяйствахъ («Small Holdings Act»). Цѣль этого закона, по словамъ министра земледѣлія Чаплина, заключалась въ «возвращеніи населенія къ землѣ, восстановленіи того класса общества, который постепенно уменьшался въ теченіе многихъ лѣтъ и который въ настоящее быстро исчезаетъ... класса, который обыкновенно назывался йоменами, или, другими словами, класса собственниковъ мелкихъ земельныхъ участковъ».

Въ этихъ видахъ законъ предоставилъ совѣтамъ графствъ право принимать опредѣленные мѣры для созданія мелкаго крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства (размѣръ

котораго опредѣленъ, при покупкѣ земли въ собственность, до 50 акровъ, а при арендѣ, до 15 акровъ). Совѣтъ графства, желающій приступить къ этимъ мѣрамъ, можетъ дѣйствовать непосредственно или при помощи особо назначенной имъ земельной комиссіи. При покупкѣ земли покупатель вноситъ лишь $\frac{1}{5}$ покупной суммы, остальные же $\frac{4}{5}$ этой суммы ссужаются совѣтомъ графства, причемъ $\frac{1}{4}$ часть цѣны можетъ лечь на землю вѣчной рентой, остальные же $\frac{11}{20}$ погашаются въ теченіе 50 лѣтъ, съ начисленіемъ обычныхъ процентовъ. Совѣтъ графства имѣетъ право производить разныя меліорациі приобретаемой земли, строить на ней зданія и пр., и только послѣ того передавать землю покупщику или арендатору.

Покупщикъ земли до погашенія всей покупной суммы подлежитъ разнаго рода ограниченіямъ въ пользованіи своей землей: такъ, онъ не можетъ дѣлить своего имѣнія или сдавать его въ аренду безъ разрѣшенія совѣта графства, земля не должна получать иного назначенія, кромѣ земледѣльческаго, построенные на ней жилые дома должны удовлетворять гигиеническимъ и санитарнымъ требованіямъ совѣта графства и т. д.

Во время обсужденія этого закона въ парламентѣ либеральная партія настаивала, чтобы совѣтамъ графствъ было предоставлено право принудительной экспроприаціи всякой частновладѣльческой земли. Парламентъ, однако, не согласился на это, что и убило въ корнѣ практическое значеніе закона. Покупка земли въ Англіи крайне затруднительна, такъ какъ значительная часть земли (около $\frac{3}{4}$) совѣмъ не поступаетъ въ продажу, благодаря майоратамъ и другимъ юридическимъ ограниченіямъ. Остальная же земля также рѣдко продается, ибо земля въ Англіи цѣнится не только какъ источникъ дохода, но и какъ предметъ роскоши богатыхъ людей и средство достиженія вліятельнаго общественнаго положенія. Кромѣ того, самый актъ покупки земли обходится въ Англіи очень дорого и обставленъ множествомъ формальностей. По всѣмъ этимъ причинамъ земля въ Англіи почти не поступаетъ на рынокъ, и совѣты графствъ не могли предпринять ничего существеннаго для достиженія цѣлей названнаго закона, оставшагося, такимъ образомъ, почти мертвой буквой.

Тѣмъ не менѣе, въ принципиальномъ отношеніи законъ 1892 г. весьма интересенъ, какъ первая законодательная попытка возстановленія въ Англіи крестьянскаго хозяйства. По словамъ Шо Лефевра, законъ этотъ представляетъ собою «интересное смѣшеніе различныхъ противорѣчивыхъ вліяній и политическихъ идей. Онъ стремится въ своей основѣ къ индивидуализму, путемъ умноженія мелкихъ собственниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ существуетъ опредѣленная тенденція въ сторону націонализаціи земли, такъ какъ онъ подчиняетъ пользованіе землей извѣстнымъ условіямъ и ограниченіямъ и устанавливаетъ уплату постоянной ренты. Въ другой своей части законъ содержитъ зачатки политики муниципализаціи земли, поручая снятіе земли совѣтамъ графствъ; и такъ какъ совѣты имѣютъ полномочіе строить дома и постройки для фермъ, то на практикѣ совѣты должны оказаться въ положеніи землевладельцевъ, по отношенію къ мелкимъ фермерамъ».

Болѣе опредѣленные результаты достигнуты движеніемъ, вызваннымъ Джорджемъ, въ области муниципальной политики городовъ. Совѣтъ лондонскаго графства уже съ начала 90-хъ годовъ закончившагося столѣтія призналъ, что наиболѣе желательной формой городского обложенія является обложеніе частновладѣльческой земельной ренты. Но правительство оказывало сопротивленіе введенію такого налога. Тѣмъ не менѣе совѣту удалось добиться, послѣ упорной борьбы съ палатой лордовъ, частичнаго, по крайней мѣрѣ, осуществленія принципа налога на приростъ ренты собственниковъ городской земли. Во многихъ городахъ Англіи и Шотландіи среди городскихъ представителей имѣются убѣжденные послѣдователи Джорджа, а въ городскомъ муниципалитетѣ Глазго, крупнѣйшаго, послѣ Лондона, города Великобританіи, таковые образуютъ даже большинство. Въ 1899 г. въ Глазго былъ конгрессъ сторонниковъ земельной реформы, на который собралось 557 делегатовъ. Въ числѣ этихъ делегатовъ, на ряду съ представителями разныхъ обществъ и союзовъ, было 216 представителей городскихъ муниципалитетовъ. Вообще же, въ области городского самоуправления мы замѣчаемъ въ Англіи быстрое движеніе впередъ въ духѣ все большаго развитія началъ муниципализаціи земельной собственности.

Рабочіе союзы въ Англіи относятся очень сочувственно къ идеѣ націонализаціи земли. На конгрессѣ 1887 г. въ Сванси націонализація земли вошла, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, въ официальную программу трэдъ-юніоновъ.

Что касается до германскаго движенія, то по собственному признанію основателя германскаго «Союза земельной реформы» («Bund für Bodenbesitzreform»), бывшаго фабриканта и крупнаго капиталиста Флюршейма, вдохновителемъ его былъ Джорджъ. Однако, Флюршеймъ воспринялъ воззрѣнія Джорджа лишь съ существенными измѣненіями. Такъ, онъ врагъ экспропріаціи землевладѣльческаго дохода путемъ простаго обложенія земли налогомъ, равнымъ рентѣ. По его мнѣнію, націонализація земли должна совершиться въ разныхъ странахъ разнымъ путемъ. Относительно Англіи и Америки Флюршеймъ признаетъ возможной частичную экспропріацію земельной ренты, при чемъ остальная часть ренты подлежала бы выкупу; но относительно Германіи Флюршеймъ рѣшительно отвергаетъ экспропріацію ренты безъ выкупа. Государство должно произвести въ Германіи точную расцѣнку земли по существующимъ цѣнамъ и оставить за собой предпочтительное право покупки, пока вся земля не перейдетъ, такимъ образомъ, мало-помалу, въ руки государства. Затѣмъ государство должно свою землю сдавать въ аренду желающимъ.

Флюршеймъ написалъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ не только развивалъ свой планъ земельной реформы, но и пытался, подобно Джорджу, реформировать экономическую науку, предлагая свои собственныя разрѣшенія такихъ основныхъ проблемъ науки, какъ проблема капиталистической прибыли, промышленныхъ кризисовъ и т. д. Но, какъ теоретикъ, Флюршеймъ еще слабѣе Джорджа; теоріи его теперь никого не интересуютъ, а созданное имъ практическое дѣло живетъ. «Союзъ земельной реформы» продолжаетъ развивать весьма энергичную дѣятельность; движеніе уже вышло изъ области отвлеченныхъ разсужденій и привело къ важнымъ практическимъ результатамъ.

Весьма знаменательно и характерно, что германское движеніе въ пользу земельной реформы почти лишено

аграрнаго характера. Оно направлено на защиту не земледѣльца, а городского жителя, и борется не съ сельскохозяйственной, а съ городской рентой, неимовѣрный ростъ которой, приводящій къ столь же быстрому росту квартирной платы, является настоящимъ бѣдствіемъ для менѣе достаточной части городского населенія. По быстротѣ промышленнаго развитія современная Германія напоминаетъ Соединенные Штаты; соотвѣтственно этому быстро растутъ и населеніе германскихъ городовъ. Растутъ и доходы собственниковъ городскихъ земель, безъ всякаго труда съ ихъ стороны и безъ всякой заслуги какого бы то ни было рода.

Въ литературѣ нерѣдко цитируется примѣръ одного прусскаго крестьянина, купившаго въ 1820 г. въ Шенебергѣ за 2.700 талеровъ поле картофеля, которое въ 1870 г. было продано его наслѣдниками за 6 милліоновъ марокъ, благодаря тому, что Шенебергъ сталъ предмѣстьемъ Берлина. Въ другомъ предмѣстьѣ Берлина, Фриденау, земля возросла за 30 лѣтъ (1871—1900) въ 30 разъ; въ Грюневальдѣ земля возросла за десятилѣтіе 1889—1899 г. въ 17 разъ.

Относительно Шарлоттенбурга вычисляютъ, что каждый новый житель Шарлоттенбурга увеличиваетъ цѣнность городской земли на 2.500 марокъ.

Такой быстрый ростъ городской ренты, естественно, тяжело ложится на квартирантовъ. Къ сторонникамъ движенія, направленнаго противъ чрезмѣрнаго роста городской ренты, принадлежатъ люди самыхъ различныхъ политическихъ направленій и общественныхъ положеній. Наряду съ социаль-демократами движенію оказываютъ или оказывали поддержку такіе консервативные политики, какъ нынѣ умершій прусскій министръ финансовъ Микель, какъ извѣстный профессоръ берлинскаго университета Вагнеръ, лейпцигскій профессоръ Карлъ Бюхеръ и др.

Но движеніе это имѣетъ своей цѣлью не столько націонализацію въ чистомъ видѣ, сколько муниципализацію городской земли. Обложеніе недвижимой собственности въ городахъ прямыми налогами всецѣло предоставлено въ Пруссіи городскимъ управленіямъ. Отъ города зависитъ

придать этому обложению тотъ или иной характеръ. И городскія управления прусскихъ городовъ все болѣе и болѣе склоняются къ убѣжденію, что одной изъ задачъ этого обложения должно быть удержаніе въ рукахъ города незаслуженнаго прироста цѣнности, создаваемого вздорожаніемъ городской земли.

Той же цѣли служить сохраненіе въ рукахъ города и увеличеніе площади принадлежащей ему земли. Многіе города Германіи энергично расширяютъ свое землевладѣніе. Съ цѣлью облегчить застройку городской земли частными предпринимателями (постройка самимъ городомъ зданій за свой счетъ рѣдко оказывается выгодной операціей) имперскимъ гражданскимъ уложеніемъ 1900 г. былъ созданъ новый институтъ «наслѣдственнаго права застройки» (Erbbaurecht). Этимъ закономъ разрѣшается земельному собственнику передавать другому лицу, на болѣе или менѣе продолжительное время, право застройки его земли, причемъ это право можетъ быть свободно переуступаемо арендаторомъ и перепродаваемо третьимъ лицамъ.

Такимъ образомъ достигается полное раздѣленіе собственности на землю и на постройки: послѣднія могутъ не только продаваться арендаторомъ, но и отдаваться въ залогъ. Городъ можетъ отдавать свои земли въ аренду для застройки частнымъ предпринимателямъ, и ставить при этомъ тѣ условія, какія признаетъ нужнымъ, напр., чтобы уплачиваемая рента возвышалась черезъ опредѣленные промежутки времени въ опредѣленной прогрессіи, чтобы при постройкѣ зданій соблюдались извѣстныя требованія гигиеническаго и санитарнаго характера и т. п.

Германскіе города широко воспользовались новымъ закономъ. Но и не принадлежащая городу частновладѣльческая земля не ускользаетъ отъ контролирующаго вліянія города. И въ этой области городъ можетъ путемъ обложения весьма успѣшно бороться съ ростомъ частновладѣльческой ренты. Многіе городскіе землевладѣльцы нарочно не застраиваютъ своихъ участковъ, чтобы спекулировать на повышеніи ихъ цѣнъ. Эти участки являются могучимъ орудіемъ накопленія новой цѣнности, покоящейся, по выраженію Густава Кона, подъ «идиллическимъ видомъ картофельнаго поля»; въ моментъ продажи обнаруживается,

какія огромныя суммы вырастаютъ изъ этого картофельнаго поля.

Чтобы бороться съ этимъ зломъ—умышленнымъ устраненіемъ, со спекулятивными цѣлями, части городской земли отъ застройки ея зданіями—нѣкоторые города облагаютъ продажу незастроенныхъ земельныхъ участковъ частныхъ владѣльцевъ большимъ налогомъ, чѣмъ продажу застроенныхъ участковъ. Такъ, въ Берлинѣ и Бреславлѣ застроенная земля облагается при продажѣ $\frac{1}{2}\%$ своей цѣнности, а незастроенная — 1%. Въ Эссенѣ и Билефельдѣ существуетъ на продажу незастроенной земли прогрессивный налогъ,—процентъ обложения тѣмъ выше, чѣмъ выше цѣнность квадратнаго метра этой земли.

Но германскіе города дѣлаютъ попытки и къ непосредственному обложению земли, удерживаемой со спекулятивными цѣлями безъ застройки. Главную трудность въ этомъ дѣлѣ представляетъ опредѣленіе цѣнности такой земли. Это затрудненіе можетъ быть преодолено тѣмъ, что заинтересованному лицу, землевладѣльцу, предоставляется самому устанавливать цѣнность своей земли, подлежащей обложению. Для того же, чтобы собственникъ не уменьшалъ этой цѣнности, городу предоставляется право во всякое время выкупить землю по цѣнѣ, заявленной собственникомъ. Другой трудностью въ томъ же дѣлѣ является то обстоятельство, что съ гигиенической точки зрѣнія весьма желательно, чтобы въ городахъ имѣлось много садовъ; если облагать всѣ участки подъ садами, какъ незастроенные, то это уменьшить число садовъ. Съ другой же стороны, если участки подъ садами совсѣмъ не облагать, то всѣ незастроенные участки превратятся въ сады. Для борьбы съ этимъ предложено нижеслѣдующее остроумное средство. Всякій садъ долженъ быть занесенъ, какъ таковой, въ ипотечную книгу города, что и освобождаетъ его отъ платежа налога. Но если впослѣдствіи этотъ садъ будетъ обращенъ на застройку, то разрѣшеніе на таковую будетъ дано лишь по уплатѣ городу всей причитающейся суммы налога съ этой земли, какъ съ незастроеннаго участка, за все время отъ момента признанія земли садомъ и до начала постройки.

На ряду съ этимъ нѣкоторые города пытаются обла-

гать и незаслуженный прирост земельной ренты частных владѣльцевъ. Въ самой рациональной формѣ налогъ этотъ рисуется въ такой формѣ. Городъ рѣшаетъ, напр., обложить налогомъ въ 50% незаслуженный приростъ земельной ренты. Для этого черезъ заранее указанные промежутки времени производится расцѣнка всѣхъ земельных участковъ (какъ застроенныхъ, такъ и незастроенныхъ) въ городѣ. Данный участокъ земли возросъ, допустимъ, въ цѣнѣ съ 200 тысячъ марокъ до 250 т. марокъ. Если собственникъ докажетъ, что часть этого увеличения цѣнности вызвана какими-либо меліорациями, произведенными имъ на сумму, скажемъ въ 20 т. марокъ, то городъ взыскиваетъ въ свою пользу 15 т. марокъ, разсрочивая платежъ этой суммы на извѣстный рядъ лѣтъ.

Въ такой формѣ налогъ на приростъ ренты еще нигдѣ не осуществленъ въ Германіи, но во многихъ городахъ дѣлаются попытки болѣе или менѣе приблизиться къ нему. Во всякомъ случаѣ, эта форма обложенія привлекаетъ все болѣе и болѣе сочувствія со стороны городского населенія.

Любопытно, что обложеніе прироста земельной ренты осуществлено въ наиболѣе рациональной формѣ въ германской колоніи въ Китаѣ — въ Кіаочао. Съ 1898 г. здѣсь введено земельное обложеніе, вызывающее горячее одобреніе сторонниковъ земельной реформы. При всякой продажѣ земли, государство взымаетъ въ свою пользу $\frac{1}{3}$ всего прироста цѣнности земли, не вызваннаго дѣятельностью владѣльца. Для того же, чтобы владѣлецъ не уменьшалъ дѣйствительной цѣнности своей земли, государство сохраняетъ за собой право преимущественной покупки всей продаваемой земли, по цѣнамъ, объявляемымъ продавцами. Если земля сохраняется въ рукахъ того же владѣльца, то каждая 25 лѣтъ государство отбираетъ въ свою пользу $\frac{1}{3}$ прироста цѣнности этой земли. Земельный налогъ является почти единственнымъ налогомъ этой колоніи, въ которой идея «единого налога» Генри Джорджа достигла, такимъ образомъ, своего частичнаго осуществленія.

Итакъ, движеніе въ пользу земельной реформы въ Германіи уже принесло крупные плоды на практикѣ и объ-

щаетъ еще больше принести ихъ въ будущемъ. Но крайне характерно, что оно почти исключительно сосредоточилось въ городахъ и не проявило никакой силы въ деревнѣ.

Иную форму приняло то же движеніе въ самыхъ молодыхъ и самыхъ прогрессивныхъ демократіяхъ нашего времени — въ австралійскихъ колоніяхъ. Нигдѣ идеи Генри Джорджа не встрѣтили такого горячаго сочувствія и такой поддержки, какъ въ этихъ новыхъ странахъ, не связанныхъ традиціями, не страдающихъ отъ историческихъ преступленій старой Европы, свободныхъ отъ подчиненія крупному землевладѣнію и крупному капиталу и удивляющихъ весь міръ смѣлостью своего соціального законодательства. Земельное обложеніе въ австралійскихъ колоніяхъ преслѣдуетъ, на первомъ планѣ, опредѣленные соціально-политическія цѣли, а именно борьбу съ крупной земельной собственностью и съ земельными спекуляціями, и развитіе мелкаго крестьянскаго хозяйства.

Во главѣ австралійскихъ колоній идетъ въ этомъ отношеніи Новая Зеландія. Вліятельнѣйшій современный политическій дѣятель этой страны, Седдонъ, говорилъ въ концѣ 80-хъ годовъ закончившагося столѣтія, когда онъ еще не былъ у власти, что «истиннымъ проклятіемъ Новой Зеландіи являются крупныя компаніи, сосредоточивающія землю въ своихъ рукахъ... Земля все болѣе и болѣе собирается въ ихъ рукахъ и правительство оказывается не въ силахъ бороться съ этимъ... Большинство крупныхъ состояній въ Новой Зеландіи возникаетъ изъ прироста цѣнности земли, создаваемаго изъ недѣли въ недѣлю и изъ года въ годъ народомъ колоніи, а отнюдь не какими-либо умственными усиліями землевладѣльцевъ».

Въ концѣ 80-хъ годовъ земельныя отношенія въ Новой Зеландіи имѣли слѣдующій видъ. 10 $\frac{1}{2}$ мил. акровъ (изъ 19 мил. акровъ общей земельной площади острова) находились во владѣніи крупныхъ собственниковъ, приобрѣвшихъ свои земли за ничтожныя суммы. Земли эти почти не обрабатывались и служили пастбищами для овецъ. Въ то же время населеніе острова не находило заработка и даже начало эмигрировать изъ своей родной страны. Все это вызвало энергичное народное движеніе противъ крупнаго землевладѣнія, которое привело къ чрезвычайно

важному законодательному акту 1892 г., установившему въ колоніи новый поземельный налогъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ земельные участки, цѣнность которыхъ во владѣніи одного хозяина ниже 500 ф. с. (5.000 р.), освобождаются отъ всякаго налога. Если цѣнность участка ниже 1.500 ф. с., то 500 ф. с. этой цѣнности также не подлежатъ налогу. Участки же цѣнностью не менѣе 5.000 ф. с. и выше облагаются, въ дополненіе къ общему поземельному налогу въ 1 пенни съ фунта цѣнности земли (т.-е., около 0,42% цѣнности земли), еще особымъ прогрессивнымъ налогомъ; этотъ дополнительный налогъ начинается съ $\frac{1}{8}$ пенни съ фунта цѣнности земли (т.-е., около 0,05% этой цѣнности), когда цѣнность земельного участка не превышаетъ 10 т. ф. с., и доходитъ до 2 пенсовъ съ фунта цѣнности земли (т.-е., приблизительно до 0,84% этой цѣнности), при участкѣ цѣнностью выше 210 т. ф. Наибольше обложеніе земли достигаетъ, такимъ образомъ, 1,26% ея цѣнности (для самыхъ крупныхъ владѣній).

Всѣ меліораціи, производимыя собственникомъ земли, изъяты изъ обложенія независимо отъ размѣра владѣнія. Если имѣніе заложено и оно не превышаетъ опредѣленнаго размѣра, то сумма залога вычитается изъ цѣнности земли и землевладѣлецъ облагается налогомъ лишь по цѣнности, превышающей залоговую сумму, а остальная сумма налога взыскивается съ кредитора, который разсматривается закономъ, какъ частичный собственникъ земли. Для землевладѣльцевъ, не живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, налогъ повышается на 20%.

Результаты этой законодательной мѣры оказались весьма благоприятными; новый налогъ далъ возможность понизить нѣкоторые косвенные налоги и содѣйствовалъ раздробленію крупныхъ имѣній. Правительство, проведшее налогъ, приобрѣло огромную популярность въ народныхъ массахъ и получило на выборахъ 1899 г. подавляющее большинство голосовъ, причѣмъ оппозиція налогу въ странѣ почти исчезла, и многіе избиратели настаивали на дальнѣйшемъ развитіи принципа налога и усиленіи его прогрессіи.

Въ 1894 г. въ Новой Зеландіи былъ принятъ законъ, разрѣшающій правительству производить принудительный выкупъ частновладѣльческой земли, для надѣленія землей

мелкихъ фермеровъ, на сумму не болѣе четверти милліона ф. с. ($2\frac{1}{2}$ мил. р.) въ годъ. Затѣмъ эта сумма была увеличена вдвое. Въ 1900 г. законъ былъ вновь пересмотрѣнъ. Въ настоящее время его основныя положенія слѣдующія.

Инициатива покупки земли принадлежитъ министру земледѣлія. Особая комиссія ведетъ переговоры съ собственникомъ о приобрѣтеніи имѣнія. Если соглашеніе не достигнуто, то особый судъ, въ составъ котораго входятъ представители какъ правительства, такъ и собственника имѣнія, можетъ предписать принудительное отчужденіе земли по назначенной тѣмъ же судомъ цѣнѣ. Но принудительному отчужденію не могутъ подлежать имѣнія, имѣющія менѣе 1.000 акровъ (около 360 десятинъ) земли перваго разряда, или же 2.000 акровъ земли втораго разряда + 200 акровъ усадебной земли, или же 3.000 акровъ земли третьяго разряда + 200 акровъ усадебной земли. Землей перваго разряда признается обработанная земля. При принудительномъ отчужденіи земли собственникъ имѣетъ право оставить за собой земельный участокъ, соотвѣтствующій вышеуказанному максимуму землевладѣнія.

Земля, купленная казной, разбивается на мелкіе участки, и отдается въ вѣчную аренду фермерамъ за неизмѣнную плату.

Хотя число имѣній, принудительно выкупленныхъ на основаніи этого закона, и не велико, тѣмъ не менѣе законъ о принудительномъ выкупѣ сильно содѣйствовалъ покупкѣ земли казной, составляя весьма существенную угрозу землевладѣльцамъ и побуждая ихъ быть сговорчивѣе.

Къ концу 1901 г. въ Новой Зеландіи всего было куплено казной около $\frac{1}{2}$ милліона акровъ земли на сумму свыше 2 мил. ф. с. Годовые платежи фермеровъ-арендаторовъ съ избыткомъ покрываютъ всѣ расходы по выкупной операціи, оставляя значительный избытокъ въ пользу казны.

Поземельный налогъ даетъ въ Новой Зеландіи лишь небольшую часть государственныхъ доходовъ—около 6%. Интересно, что суммы, доставляемыя колоніи этимъ налогомъ, имѣютъ тенденцію не возрастать, а падать, несмотря

на ростъ земельныхъ цѣнъ. Объясняется это тѣмъ, что налогъ приводитъ къ раздробленію крупныхъ имѣній (что и составляетъ его цѣль), благодаря чему все большая часть земли попадаетъ въ разрядъ слабѣе обложенной или совсѣмъ не обложенной налогомъ.

Но, съ другой стороны, законъ нерѣдко и обходится номинальнымъ раздѣленіемъ имѣнія между членами семьи. Въ концѣ концовъ, законъ 1892 г. не уничтожилъ въ Новой Зеландіи крупной земельной собственности, но несомнѣнно содѣйствовалъ развитію крестьянскаго хозяйства.

Примѣръ Новой Зеландіи оказался заразительнымъ. Въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ въ 1895 г. введенъ поземельный налогъ въ размѣрѣ 1 пенни съ 1 фунта цѣнности не-улучшенной земли; залоговая сумма при этомъ вычитается изъ цѣнности земли, а земельныя владѣнія цѣнностью въ 240 ф. и ниже освобождаются отъ налога. Въ Южной Австраліи земля обложена налогомъ въ $\frac{1}{2}$ пенни съ фунта цѣнности неулучшенной земли, причѣмъ налогъ удваивается, если цѣнность владѣнія превышаетъ 5 т. ф. Съ землевладѣльцевъ, не живущихъ въ имѣніяхъ, налогъ повышается на 20%. Въ Викторіи налогомъ облагаются имѣнія, площадью болѣе чѣмъ въ 640 акровъ (около 230 десятинъ), въ одномъ или нѣсколькихъ кускахъ, удаленныхъ другъ отъ друга не болѣе, какъ на 5 миль разстоянія и имѣющихъ общую цѣнность свыше 2.500 ф. На всю цѣнность земли, превышающую эту сумму, землевладѣлецъ долженъ платить налогъ въ размѣрѣ $1\frac{1}{4}\%$ земельной цѣнности. Но такъ какъ земля фактически расцѣнивается ниже своей дѣйствительной цѣнности, то налогъ на самомъ дѣлѣ ложится на землевладѣльцевъ значительно легче.

Въ общемъ, австралійское аграрное законодательство несомнѣнно идетъ въ сторону націонализаціи земли. Пока достигнуто еще очень немного—только указано общее направленіе аграрной реформы и сдѣланъ первый шагъ; но этотъ первый шагъ знаменателенъ и, говоря словами новозеландскаго премьера, шагъ этотъ направленъ «къ установленію цивилизаціи въ этихъ молодыхъ странахъ на болѣе широкой основѣ болѣе глубокаго сочувствія нуждамъ человѣчества».

ГЛАВА III.

Ирландское аграрное законодательство.

Чрезвычайно интересно аграрное законодательство Ирландіи. Какъ всѣмъ извѣстно, Ирландія—страна крупнаго землевладѣнія и мелкихъ арендъ. Большинство ирландскихъ арендаторовъ снимаетъ землю не для полученія прибыли на свой капиталъ (который до послѣдней степени ничтоженъ), а для собственнаго прокормленія. Продовольственная аренда (т.-е., аренда для цѣлей собственнаго продовольствія) рѣшительно преобладаетъ надъ капиталистической. А такъ какъ при продовольственной арендѣ земельная рента можетъ достигать значительно высшихъ размѣровъ, чѣмъ при капиталистической, то ирландскія аграрныя отношенія и характеризуются или характеризовались не такъ давно очень высокой съ земли. Мелкій сѣмщикъ былъ вынужденъ отдавать землевладѣльцу всю выручку своего хозяйства арендной платой за вычетомъ необходимаго для своего собственнаго полуголоднаго существованія. Нищета народныхъ массъ въ Ирландіи вошла въ пословицу, а ирландскіе землевладѣльцы принадлежали къ числу богатѣйшихъ въ Европѣ. Большинство изъ нихъ даже по національности были чужды народу. Единственной связью между ними и ирландскимъ населеніемъ была тяжелая и все возрастающая подать, которой они облагали своихъ фермеровъ.

Естественно, что борьба фермеровъ и вообще земледѣльческаго населенія съ помѣщиками имѣла въ Ирландіи особенно ожесточенный характеръ. Аграрный терроръ—убійства помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, поджоги, порча имущества и пр.—нигдѣ не достигалъ такихъ размѣровъ,

какъ въ несчастной «странѣ зеленого Эрина», для которой социальный вопросъ почти исчерпывался аграрнымъ вопросомъ, такъ какъ земледѣліе было почти единственнымъ занятіемъ огромнаго большинства населенія. Въ свою очередь, аграрный вопросъ сводился въ Ирландіи къ арендному вопросу, ибо главная масса земледѣльческаго населенія жила съемкой помѣщичьей земли. Не удивительно, что общественное вниманіе въ Ирландіи сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на способахъ улучшенія положенія мелкихъ арендаторовъ.

При этомъ, передъ ирландскимъ законодательствомъ стояли теоретически открытыя слѣдующіе три пути: оно могло стремиться или, 1) къ урегулированію арендныхъ отношеній при сохраненіи крупной земельной собственности; или 2) къ превращенію крупной земельной собственности въ мелкую крестьянскую собственность; или же, наконецъ, 3) къ націонализациі земельной собственности. На самомъ дѣлѣ, въ ирландскомъ земельномъ законодательствѣ, въ концѣ концовъ, побѣдило второе теченіе—законодательство поставило своей главной цѣлью превращеніе фермерскаго владѣнія въ полную собственность.

Регулированіе арендныхъ отношеній чрезвычайно облегчалось въ Ирландіи тѣмъ, что въ одной провинціи этой страны—и наиболѣе зажиточной, въ Ольстерѣ,—оно практиковалось издавна безъ всякаго закона, какъ одна изъ формъ обычнаго права.

Ольстерское фермерское обычное право слагалось изъ слѣдующихъ элементовъ. Во-первыхъ, признавалось, что арендная плата землевладѣльцу не должна опредѣляться конкуренціей арендаторовъ и не должна быть наивысшей экономически возможной платой. Напротивъ, ольстерское право требовало «справедливой» арендной платы, т. е., платы, не обременительной для арендатора. Повышеніе арендной платы допускалось этимъ правомъ лишь въ томъ случаѣ, если улучшались общія условія земледѣльческаго хозяйства въ странѣ,—напр., прочнымъ образомъ повышались цѣны земледѣльческихъ продуктовъ. Но и въ этомъ случаѣ предполагалось, что землевладѣлецъ будетъ пользоваться своимъ правомъ съ такой же умѣренностью, какой онъ долженъ былъ руководствоваться при назначеніи

первоначальной арендной платы. Во вторыхъ, ольстерское право не допускало произвольнаго лишенія фермера его фермы; пока фермеръ исправно платилъ арендную плату, до тѣхъ поръ онъ имѣлъ право сохранять въ своихъ рукахъ арендуемую землю. Въ третьихъ, ольстерское право разрѣшало продажу фермеромъ своего фермерскаго права третьему лицу, съ согласія землевладѣльца. Но при этомъ, опять таки, предполагалось, что землевладѣлецъ не въ правѣ отказать въ своемъ согласіи безъ достаточныхъ оснований, каковыми можетъ быть нравственная неблагонадежность лица, желающаго взять ферму, его имущественная несостоятельность и т. п.

Конечно, подобное обычное право должно показаться русскому помѣщику чѣмъ-то до крайности дикимъ и несообразнымъ, ибо оно даетъ очень широкія права арендатору, не опредѣляя, однако, точнѣе ихъ содержанія. Что такое «справедливая» арендная плата? Ольстерское право совершенно отказывается отъ опредѣленія этого понятія, и, однако, вводитъ его въ свои требованія. Только въ средѣ, проникнутой чувствомъ уваженія къ взаимнымъ правамъ, хотя бы они были совершенно лишены формальной санкции закона, могли сложиться и упрочиться подобные обычаи, которые, въ противномъ случаѣ, должны были бы вызвать не примиреніе, а новые раздоры заинтересованныхъ сторонъ.

Но протестантскій Ольстеръ является въ Ирландіи уголкомъ старой Англійи и по своему социальному типу глубоко отличается отъ остальной страны. Несмотря на свою юридическую неопредѣленность, ольстерское фермерское право дѣйствовало въ теченіе многихъ лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ въ этой ирландской провинціи и было одной изъ важныхъ причинъ благосостоянія ольстерскихъ фермеровъ.

Но именно потому, что оно было выгодно фермерамъ, оно было невыгодно землевладѣльцамъ. Въ 50-хъ годахъ закончившагося столѣтія земельная рента въ Ирландіи, подъ вліяніемъ экономическихъ условій общаго характера, стала быстро повышаться; это побудило ольстерскихъ землевладѣльцевъ принимать различныя мѣры для ограниченія или полнаго уничтоженія на практикѣ ольстерскаго

фермерского права. Въ свою очередь, фермеры встали на защиту своего права и основали «ассоціацію фермерского права». Ассоціація создала совѣщаніе представителей всѣхъ графствъ Ирландіи, признавшее необходимость законодательнаго регулированія арендныхъ отношений на основѣ ольстерскаго права. Конференція сформулировала свою программу, какъ требованіе законодательной санкціи, «трехъ ф» (Fair rent, Fixity of tenure и Free sale, т.-е., справедливой ренты, прочности аренднаго договора и свободы продажи аренднаго права). Къ этимъ знаменитымъ «тремъ ф» и сводилось ольстерское право.

Такимъ образомъ, попытка землевладѣльцевъ поколебать обычное право фермеровъ имѣла своимъ послѣдствіемъ возникновеніе могущественной агитаціи въ пользу законодательнаго закрѣпленія оспариваемаго обычая. Конецъ семидесятихъ годовъ былъ временемъ особаго усиленія ирландскаго національнаго движенія. Въ 1878 г. произошло, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ лицъ, особенно Михаила Дэвитта, сближеніе конституціонной и революціонной ирландской партіи. Революціонная партія, стремившаяся къ полной національной независимости, выдвинула аграрную реформу, какъ лучшее средство возбужденія народныхъ массъ. Въ то время какъ конституціонная партія ограничивалась требованіемъ, въ аграрной области, знаменитыхъ «трехъ ф.», Дэвиттъ былъ сторонникомъ націонализаціи земли и подпалъ подъ сильное вліяніе Генри Джорджа, съ которымъ онъ очень сблизился лично. Въ 1878 г. онъ организовалъ «Земельную лигу», выдвинувшую новую форму экономической борьбы—бойкотъ. Сущность этого средства заключалась въ отказѣ населенія отъ какихъ бы то ни было сношеній съ лицомъ, подвергнутымъ бойкоту. Самое названіе происходило изъ фамиліи землевладѣльца (майора Бойкотта), впервые подвергнутого этому способу народнаго воздѣйствія. Бойкотъ примѣнялся «земельной лигой», главнымъ образомъ, по отношенію къ новымъ фермерамъ, замѣнявшимъ прежнихъ, изгнанныхъ землевладѣльцами. Угрожая подвергнуть новыхъ фермеровъ бойкоту, лига весьма дѣйствительно препятствовала изгнанію фермеровъ, такъ какъ землевладѣлецъ рисковалъ, въ случаѣ такого изгнанія, совсѣмъ не сдать своей фермы.

Агитація земельной лиги принудила правительство провести въ 1881 г. чрезвычайно важный законъ о регулированіи арендныхъ отношеній въ Ирландіи. Законъ этотъ вводилъ въ современное аграрное законодательство совершенно новый принципъ и, несомнѣнно, являлся весьма существеннымъ ограниченіемъ права собственности землевладѣльцевъ. А именно, законъ предоставлялъ установленіе арендной платы не свободному соглашенію сторонъ, а правительственной власти, если таковое соглашеніе не достигнуто. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ фермеръ могъ обратиться, для установленія арендной платы, по своему выбору, къ суду графства, или же къ вновь учрежденной закономъ земельной комиссіи. Арендаторъ сохранялъ право выбрать любой изъ этихъ способовъ для установленія размѣровъ «справедливой» арендной платы. Законъ предоставилъ суду или земельной комиссіи самый широкій просторъ въ установленіи «справедливой» платы, давая въ этомъ отношеніи лишь два указанія, а именно, что арендная плата ни въ какомъ случаѣ не должна повышаться вслѣдствіе меліорацій, произведенныхъ самимъ фермеромъ или его предшественникомъ по праву, (если землевладѣлецъ, тѣмъ или инымъ способомъ, не оплатилъ этихъ меліорацій), и второе, что на высоту арендной платы не долженъ оказывать никакого вліяніе размѣръ суммы, уплаченной фермеромъ своему предшественнику.

Арендная плата, установленная такимъ порядкомъ, называется «судебной платой» и арендное владѣніе превращается самымъ фактомъ такого установленія въ «узаконенное арендное владѣніе», подчиняющееся особымъ условіямъ, выраженнымъ въ законѣ. А именно, арендная плата устанавливается въ такомъ арендномъ владѣніи на 15 лѣтъ, при чемъ съемщикъ не можетъ быть лишенъ аренды землевладѣльцемъ въ теченіе этого срока иначе, какъ за нарушеніе условій, указанныхъ въ законѣ. За годъ до истеченія законнаго срока фермеръ можетъ потребовать продолженія «узаконеннаго» аренднаго владѣнія на новые 15 лѣтъ, съ установленіемъ новой «судебной» арендной платы.

Такимъ образомъ, «узаконенное арендное владѣніе» можетъ быть возобновляемо неограниченное число разъ.

Если арендная плата установлена добровольнымъ соглашеніемъ сторонъ, то, съ согласія заинтересованныхъ лицъ, она можетъ быть сообщена суду и обращена, такимъ образомъ, въ «судебную» плату, со всѣми ея послѣдствіями.

Фермеръ обязуется исполнять въ теченіе всего срока «узаконеннаго аренднаго владѣнія» слѣдующія условія:

1) онъ обязанъ исправно вносить въ опредѣленные сроки установленную арендную плату;

2) не долженъ систематически наносить ущерба интересамъ собственника;

3) не долженъ безъ письменнаго позволенія собственника подраздѣлять или передавать ферму, или строить на ней новыя жилищныя зданія;

4) не долженъ совершать никакихъ дѣйствій, направленныхъ къ передачѣ аренды лицу, признанному несостоятельнымъ по суду;

5) обязанъ допускать собственника производить рудокопныя работы на его землѣ, рубить дрова, рѣзать торфъ, прокладывать дороги и т. п., а также и пользоваться землей для цѣлей спорта, при чемъ собственникъ обязанъ вознаграждать арендатора за всѣ причиненные имъ убытки;

6) не имѣетъ права, безъ согласія собственника, открывать заведенія для продажи спиртныхъ напитковъ.

Въ случаѣ нарушенія какого-либо изъ этихъ условій собственникъ можетъ ходатайствовать объ удаленіи фермера, сохраняющаго за собой право на вознагражденіе за всѣ произведенныя имъ улучшенія, а также на продажу своего фермерскаго права. Фермеру предоставлено право отказаться отъ аренды до истеченія ея законнаго 15-лѣтняго срока. По взаимному соглашенію стороны могутъ устанавливать арендную плату и на вѣчныя времена.

Фермеръ можетъ переуступать свою аренду третьему лицу за извѣстную сумму, но за землевладѣльцемъ остается право преимущественной покупки фермерскаго права, а также право возраженія противъ личности новаго фермера, въ каковомъ случаѣ вопросъ рѣшается судомъ. Арендное владѣніе переходитъ по наслѣдству, но не можетъ быть дробимо и подраздѣляемо безъ согласія землевладѣльца.

Законъ 1881 г. распространялся на сельско-хозяйствен-

ныя аренды, но съ многочисленными ограниченіями. Тѣмъ не менѣе, значеніе его было громадно, такъ какъ онъ узаконилъ ольстерское фермерское право (требованіе «трехъ ф.») для значительно большей части ирландскихъ арендаторовъ.

Ирландская партія не подала въ парламентъ своихъ голосовъ за этотъ законъ и подвергла его рѣзкой критикѣ. Такъ, она указывала на многочисленныя изъятія изъ дѣйствія закона, а также на то, что устанавливаемый закономъ 15-ти-лѣтній срокъ неизмѣнной арендной платы слишкомъ продолжителенъ и можетъ задержать паденіе ренты. Затѣмъ, ирландская партія выразила справедливое недовольство тѣмъ, что законъ отнюдь не имѣлъ въ виду расширенія площади фермерскаго землепользованія, несмотря на крайнюю нужду многихъ мелкихъ фермеровъ въ расширеніи своихъ фермъ.

Послѣдующее законодательство (законы 1887, 1891 и 1896 гг.) значительно расширило область примѣненія «узаконеннаго аренднаго владѣнія». За все время отъ 22 августа 1881 г. до 31 марта 1903 г. судебная рента была установлена для 353370 арендаторовъ изъ 540000 во всей Ирландіи. Изъ 20 милліоновъ акровъ этой страны болѣе чѣмъ 10 милліоновъ акровъ находятся въ настоящее время въ «узаконенномъ» арендномъ владѣніи.

Каково же было дѣйствіе этого законодательства? Результаты его выразились въ значительномъ пониженіи арендной платы. За первый разъ арендная плата была понижена, въ общей суммѣ, съ 6,9 мил. ф. с. до 5,44 мил. ф. с., т.-е., на 20,9%. Въ 1896 г. истекъ первый 15-ти-лѣтній срокъ судебной ренты; послѣдовало новое значительное пониженіе ренты на 21%. Но было бы ошибочно ставить все это пониженіе цѣликомъ на счетъ дѣйствія названныхъ законовъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что послѣднія десятилѣтія закончившагося вѣка ознаменовались во всей западной Европѣ и особенно въ Великобританіи значительнымъ пониженіемъ земельной ренты подъ вліяніемъ измѣнившихся условій мірового рынка—сильнаго паденія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ. Помимо какаго бы то ни было спеціальнаго законодательства рента въ Ирландіи должна была упасть, какъ она упала и въ

Англии. Законодательство объ урегулировании арендных плат имѣло въ этомъ отношеніи, прежде всего, то значеніе, что оно ускорило такое паденіе и сдѣлало его возможнымъ безъ предварительной и разорительной для обѣихъ сторонъ борьбы собственника съ арендаторомъ. Кромѣ того, можно думать, что пониженіе ренты, вызванное закономъ, значительно превышало нормальное паденіе ея подъ вліяніемъ общихъ условій рынка и что, благодаря закону, доля арендатора въ вырабатываемомъ имъ продуктѣ значительно возросла.

Чѣмъ же руководствовались земельныя комиссіи и судьи при установленіи «справедливой» арендной платы? Законъ предоставилъ имъ въ этомъ отношеніи самую широкую свободу и не снабдилъ ихъ почти никакими указаніями. Задача выработки «справедливой» ренты особенно усложнялась тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ подлежала регулированію не капиталистическая, а продовольственная аренда. Почти $\frac{3}{4}$ ирландскихъ фермеровъ снимаютъ участки, арендная плата за которые не достигаетъ 4 ф. с. (40 р.). Продукты съ этихъ участковъ въ значительной мѣрѣ совсѣмъ не поступаютъ на рынокъ, а потребляются самимъ фермеромъ. Определеніе денежной выручки съ такихъ участковъ крайне затруднительно, такъ же какъ и расходовъ производства, выражающихся, главнымъ образомъ, въ затратахъ труда фермера и его семьи.

Эту трудную задачу земельныя комиссіи и судьи разрѣшили въ большинствѣ случаевъ такимъ образомъ: они опредѣляли, какова должна была бы быть рента, если бы данный участокъ эксплуатировался капиталистическимъ способомъ и эту ренту признавали справедливой рентой. А такъ какъ плата за продовольственную аренду, какъ общее правило, значительно превышаетъ капиталистическую ренту, то приведеніе первой къ уровню послѣдней было равносильно пониженію арендной платы.

Въ общемъ, комиссіи вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, много нареканій съ обѣихъ сторонъ: землевладѣльцы находили, что комиссіи лишаютъ ихъ законной и неотъемлемой собственности, а фермеры признавали пониженіе арендной платы слишкомъ незначительнымъ. Но лучшимъ доказательствомъ благотворности новаго законодательства

съ точки зрѣнія интересовъ фермеровъ является то, что послѣ изданія закона 1881 г. плата за фермерское право значительно возрасла, между тѣмъ какъ цѣна земли сильно упала. Повышеніе въ цѣнѣ фермерскаго права иногда бывало прямо пропорціонально паденію цѣны земли. Иными словами, землевладѣлецъ былъ, въ большей или меньшей степени, экспропрированъ въ пользу своего фермера. Земельная собственность была, фактически, раздѣлена между прежнимъ полнымъ собственникомъ и фермеромъ, причемъ на долю послѣдняго иногда приходилась значительно большая часть этой собственности. Во многихъ случаяхъ фермерское право продавалось за сумму въ 30 разъ и болѣе превышавшую годовую арендную плату, въ то время какъ цѣна земли обыкновенно менѣе, чѣмъ 20 разъ превышала эту же плату.

Но именно это самое парализовало, до извѣстной степени, благотворное дѣйствіе закона. Законъ имѣлъ въ виду улучшить положеніе трудового земледѣльца и ограждать его отъ власти землевладѣльца. Съ этой цѣлью законъ поставилъ фермера въ положеніе землевладѣльца; но получивши возможность продавать свое арендное владѣніе по высокой цѣнѣ, многіе фермеры поспѣшили его продать, и новые арендаторы были принуждены уплатить прежнимъ всю капитализированную разницу между дѣйствительной рыночной рентой даннаго участка и «судебной» рентой землевладѣльцу. Новые арендаторы не получили, такимъ образомъ, никакихъ выгодъ отъ законодательнаго урегулированія арендной платы и даже, пожалуй, проиграли: они были принуждены единовременно уплатить прежнимъ фермерамъ за право арендованія значительный капиталъ, вмѣсто того, чтобы постоянно платить землевладѣльцамъ, какъ это было раньше, сравнительно высокую ренту.

Со всѣмъ тѣмъ, законъ 1881 г. несомнѣнно внесъ значительное успокоеніе въ страну: случаи изгнанія фермеровъ за неплатежъ арендной платы уменьшились въ нѣсколько разъ, такъ же какъ и число аграрныхъ преступленій. Землевладѣльцы были фактически экспропрированы и поставлены по отношенію къ своимъ фермерамъ почти въ положеніе кредиторовъ по закладнымъ; фермеры же

стали фактическими собственниками земли. Таковъ былъ результатъ сложнаго и совершенно новаго по своимъ принципамъ ирландскаго законодательства объ арендахъ.

Неудивительно, что дальнѣйшимъ слѣдствіемъ его явилась и юридическая передача земли въ собственность фермеровъ. Еще раньше, чѣмъ приступить къ регулированію арендной платы, англійское правительство пыталось создать въ Ирландіи крестьянскую собственность. Еще въ 1866 г. Джонъ Брайтъ предлагалъ, чтобы государство открыло кредитъ въ 5 мил. ф. с. на выкупъ земли у землевладѣльцевъ и надѣленіе ею фермеровъ. Когда въ 1869 г. протестантская церковь въ Ирландіи была лишена правъ государственной церкви, Брайтъ провелъ законъ, согласно которому казна открывала фермерамъ, арендовавшимъ церковную землю, кредитъ на покупку этой земли въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ покупной суммы. На основаніи этого закона было выкуплено 6057 участковъ земли цѣной въ 1.674.000 ф. с. законами 1870 и 1881 гг. право пользованія государственнымъ кредитомъ для приобрѣтенія земли было распространено на всѣхъ фермеровъ; но такъ какъ по закону 1881 г. $\frac{1}{4}$ часть покупной суммы фермеръ долженъ былъ вносить отъ себя (по закону 1870 г. даже $\frac{2}{3}$), а процентъ съ погашеніемъ за государственную ссуду былъ, сравнительно, высокъ, то законы эти не имѣли значительнаго успѣха. Послѣдовали новые законодательные акты (1885, 1887, 1891 и 1896 гг.), которые энергично двинули впередъ дѣло покупки фермерами земли.

Сущность этого новаго законодательства сводилась къ слѣдующему. Продажа предоставлялась свободному соглашенію сторонъ; но государство оказывало помощь своимъ кредитомъ лишь въ томъ случаѣ, если покупная цѣна земли была настолько умѣрена, что покупатель имѣлъ возможность исправно платить проценты по полученной ссудѣ. Таковой цѣной признавалась цѣна превышающая въ 17—18 разъ ежегодную арендную плату этой земли. Государство ссужало покупателю всю покупную сумму, обязывая его платить ежегодно въ теченіе 42 лѣтъ 4% этой суммы ($2\frac{3}{4}\%$ —процентъ по ссудѣ и $1\frac{1}{4}\%$ —погашенія), по истеченіи которыхъ земля поступала въ полную собственность покупателя.

Значеніе этихъ условій для покупателя выясняется изъ слѣдующаго простаго расчета. Пусть фермеръ уплачиваетъ 10 ф. с. арендной платы и приобрѣтаетъ въ собственность арендуемый участокъ. Онъ долженъ заплатить за него $10 \times 18 = 180$ ф. с., а арендный платежъ въ 4% съ этой суммы составитъ 7,2 ф. с. Иными словами, приобрѣтая участокъ въ собственность, фермеръ сокращаетъ свои ежегодные платежи на 28%

Итакъ, приобрѣтая землю въ собственность, фермеръ значительно уменьшалъ свои ежегодные платежи. Выгода покупателя была очевидна; но въ чемъ же заключалась выгода продавца? Во-первыхъ, въ томъ, что взамѣнъ весьма ненадежнаго права получать арендную плату (которая можетъ и не быть своевременно внесенной), продавецъ получалъ обязательство государства, дающее хотя и меньшій, но, зато, безусловно обезпеченный доходъ. Во-вторыхъ, если имѣніе было заложено въ большей суммѣ, и по высокому проценту, то погасивши долгъ изъ суммы, полученной за продажу имѣнія, продавецъ могъ даже возвысить свой чистый доходъ. Наконецъ, что всего важнѣе, продавецъ фактически получалъ значительно большую сумму, чѣмъ это значилось по договору: покупная сумма выдавалась ему государственными процентными бумагами по номинальному курсу, а рыночный курсъ ихъ стоялъ на 10—14% выше номинальнаго, такъ что продавецъ реализировалъ при продажѣ этихъ бумагъ значительную премію.

Итакъ, покупка земли въ собственность на условіяхъ, созданныхъ законами 80-хъ и 90-хъ годовъ, представляла огромныя выгоды для фермера и весьма часто была не безвыгодна для землевладѣльца. Неудивительно, что продажа земли быстро двинулась впередъ. Всего было выкуплено, на основаніи новыхъ законовъ, до 31-го марта 1902 г.:

Число участковъ.	Покупная сумма.	Площадь купленной земли.
62.362	20.802 т. ф. с.	2.028 т. акр.

Такимъ образомъ аграрная реформа въ Ирландіи двинулась по двумъ направленіямъ: для большей части фермеровъ ихъ арендныя отношенія были урегулированы и

почти превратились въ право собственности; меньшинство же фермеровъ выкупило землю въ собственность, причемъ эта вторая категория фермеровъ должна была платить значительно меньше, чѣмъ первая. Естественно, что фермеры, не имѣвшіе возможности выкупить землю, благодаря нежеланію землевладѣльцевъ совершить продажу, и принужденные, поэтому, нести тяжесть значительно высшихъ платежей, признавали себя несправедливо обойденными закономъ и домогались выкупа земли. Въ странѣ возникло энергичное движеніе въ этомъ смыслѣ. Движеніе было направлено какъ противъ землевладѣльцевъ, такъ и противъ крупныхъ фермеровъ, лишившихъ земли мелкихъ фермеровъ. Вожди движенія требовали принудительнаго выкупа частновладѣльческой земли, какъ единственнаго средства удовлетворить требованія фермеровъ.

Однако, принудительнаго выкупа не послѣдовало, благодаря тактикѣ англійскаго правительства, постаравшагося отвратить грозу отъ ирландскихъ землевладѣльцевъ при помощи значительныхъ пожертвованій со стороны государственнаго казначейства. Въ 1902 г. въ Дублинѣ собралась, при скрытой поддержкѣ правительства, конференція по аграрному вопросу изъ представителей въ равномъ числѣ землевладѣльцевъ и фермеровъ. Конференція признала желательнымъ дальнѣйшее расширеніе покупокъ земли фермерами, при помощи государства, на слѣдующихъ условіяхъ: платежи, лежащіе на выкупаемыхъ земляхъ, должны быть на 15—25% ниже, чѣмъ «судебная» рента съ этихъ земель; мелкія фермы должны быть расширены на счетъ земель, находящихся у собственниковъ подъ лугами; наконецъ, землевладѣльцы должны получить за выкупаемую землю капиталъ, процентъ съ котораго долженъ быть на 10% ниже «судебной» ренты этой земли.

Такъ какъ пониженіе платежей съ земли должно было, по проекту конференціи, достигнуть 15—25%, то, чтобы доходъ продавцевъ уменьшился лишь на 10%, для этого нужно было найти какой-нибудь добавочный источникъ получения покупной суммы. Такимъ источникомъ должны быть, по мнѣнію конференціи, средства государственнаго казначейства. Казна должна изъ собственныхъ средствъ восполнить эту разницу, въ видѣ преміи землевладѣльцамъ.

Въ полномъ согласіи съ проектомъ Дублинской конференціи правительство провело въ 1903 г. новый законъ о выкупѣ фермерами земли. Согласно этому закону, государство ассигнуетъ на цѣли выкупа до 100 м. ф. с. Государство приходитъ своимъ кредитомъ на помощь фермеру лишь въ томъ случаѣ, если ежегодные платежи за выкупаемую землю на 10—40% ниже «судебной» ренты за эту землю (если «судебная» рента установлена лишь въ первый разъ, то пониженіе платежей должно составить 20—40%; или же рента установлена во второй разъ, слѣдовательно, еще понижена, то пониженіе должно быть въ предѣлахъ 10—30%). Покупатель платитъ за выкупаемую землю $2\frac{3}{4}$ процента по ссудѣ и $\frac{1}{2}$ % погашенія всего $3\frac{1}{4}$ %. Продавецъ получаетъ, такимъ образомъ, капиталъ, который долженъ въ 21,5—27,7 разъ превышать вторую судебную ренту (по отношенію къ первой судебной рентѣ капиталъ долженъ колебаться въ предѣлахъ 18,5—24,5 разъ).

Земельная коммиссія, завѣдующая всѣми этими операціями, имѣетъ право выдавать ссуды на приобрѣтеніе и земли, не состоящей въ арендномъ владѣніи. Она можетъ закупать землю, на извѣстныхъ условіяхъ, и за свой счетъ, для дальнѣйшей ея перепродажи фермерамъ, причемъ, однако, запасъ земли въ распоряженіи коммиссіи никогда не долженъ превышать по своей цѣнности 5 м. ф. с.

Для того же, чтобы побудить землевладѣльцевъ разстаться со своей землей, законъ 1903 г. опредѣлилъ премію въ пользу землевладѣльца изъ средствъ государства въ размѣрѣ 12% на покупную сумму. На уплату этой преміи государство ассигновало до 12 м. ф. с.

Благодаря этой преміи имѣнія, заложенные не менѣе, чѣмъ въ половину своей цѣнности, могутъ быть проданы землевладѣльцами съ чистымъ увеличеніемъ своего дохода. И только при продажѣ мало заложенныхъ имѣній землевладѣлецъ испытываетъ незначительное сокращеніе своего дохода.

Въ задачи земельной коммиссіи входитъ и расширеніе фермъ мелкихъ фермеровъ, а также и надѣленіе землей бывшихъ фермеровъ, лишившихся своихъ фермъ за неплатежъ арендной платы. Коммиссія можетъ раздроблять имѣнія, производить въ нихъ меліорации и пр.

Практическимъ результатомъ закона 1903 г. явилось быстрое увеличеніе покупокъ земли фермерами; но объ окончательныхъ результатахъ его судить пока трудно. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не приведетъ къ переходу всей частновладѣльческой земли въ руки фермеровъ, ибо для многихъ землевладѣльцевъ, особенно владѣльцевъ мало заложенныхъ или болѣе цѣнныхъ угодій — какъ, напр., луговъ — продажа земли на условіяхъ, предлагаемыхъ закономъ, прямо невыгодна. Вообще, продажа земли по такой низкой цѣнѣ, которая намѣчена въ законѣ, возможна лишь при наличности тенденціи къ паденію земельной ренты (чѣмъ и характеризовалось аграрное состояніе Ирландіи, какъ и вообще Западной Европы до послѣдняго времени). Если бы земельная рента въ Ирландіи вновь обнаружила тенденцію возрастать, то цѣна земли обнаружила бы тенденцію къ еще болѣе быстрому повышенію, такъ какъ всякій продавецъ учитывалъ бы въ продажной цѣнѣ земли этотъ вѣроятный будущій ростъ своего дохода. А за самыя послѣдніе годы какъ разъ и замѣчаются признаки, что сельское хозяйство Англіи и Ирландіи выходитъ изъ состоянія кризиса, отъ котораго оно страдало столько лѣтъ, и имѣются всѣ основанія ожидать новаго повышенія ренты и цѣны земли.

Поэтому, законъ 1903 г. никоимъ образомъ нельзя разсматривать, какъ окончательное разрѣшеніе ирландскаго аграрнаго вопроса. Наоборотъ, можно предвидѣть, что скоро послѣдуетъ разочарованіе въ результатахъ закона и будетъ вновь выдвинуто требованіе принудительнаго выкупа земли.

ГЛАВА IV.

Критическая оцѣнка движенія.

Движеніе въ пользу націонализаціи земли выразилось какъ въ литературѣ, такъ и въ самой жизни, т.-е., въ борьбѣ общественныхъ группъ за свои интересы и въ законодательныхъ измѣненіяхъ, вызванныхъ этой борьбой. Что касается до литературнаго выраженія движенія, т.-е., до плановъ націонализаціи земли, предложенныхъ разными авторами, то кореннымъ недостаткомъ всѣхъ или почти всѣхъ ихъ является то, что авторы ихъ видѣли въ этой реформѣ средство разрѣшенія всего соціального вопроса нашего времени (только чартистъ О'Брайэнъ понималъ недостаточность въ этомъ отношеніи земельной реформы, но и для него націонализація земли была важнѣйшей частью его соціальной программы). Въ связи съ этимъ, новѣйшіе сторонники земельной реформы обыкновенно противопоставляютъ послѣднюю социализму. Генри Джорджъ заходилъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что даже рабочіе союзы и фабричное законодательство признавалъ одной изъ формъ нежелательнаго социализма, такъ какъ и рабочіе союзы и фабричное законодательство стѣсняють индивидуальную свободу. Съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго, авторъ «Прогресса и бѣдности» отрицалъ наличность какого бы ни было антагонизма между интересами труда и капитала. Съ цѣлью доказать отсутствіе такого антагонизма онъ построилъ совершенно фантастичную теорію прибыли, слабость которой слишкомъ очевидна, чтобы теорію эту стоило опровергать. Вообще, вся теоретическая конструкція «Прогресса и бѣдности» вполне несостоятельна, ибо въ основѣ ея лежитъ безусловно невѣрная мысль,

будто только частное землевладѣніе есть причина соціальнаго зла. При современномъ состояніи экономической науки ясно, что капиталистическая прибыль есть такая же антагонистическая форма дохода, какъ и рента землевладѣльца, и попытки Джорджа доказать противное свидѣлствуютъ лишь о поверхности его экономического мышленія.

Еще болѣе грѣшатъ въ этомъ отношеніи многіе современные представители движенія въ пользу земельной реформы. Взять хотя бы недавно вышедшую книгу предсѣдателя германскаго «Союза земельной реформы» Адольфа Дамашке, «Die Bodenreform», разошедшуюся въ 1½ года въ трехъ изданіяхъ. По мнѣнію автора, современная культурная эпоха выдвинула три великихъ отвѣта на соціальный вопросъ— капиталистическій отвѣтъ, коммунистическій и отвѣтъ сторонниковъ земельной реформы. И капиталистическая и социалистическая школы должны быть въ настоящее время признаны въ равной мѣрѣ устарѣвшими. «Не капитализмъ, и не коммунизмъ,—воскликаетъ нашъ почтенный бюргеръ,—а социальная справедливость и личная свобода! За такое построеніе нашего хозяйственнаго народнаго организма выступаетъ новѣйшее направленіе въ народномъ хозяйствѣ, школа земельной реформы». Эта школа обѣщаетъ примирить враждующія направленія въ экономической жизни и наукѣ,—признавъ земельную ренту соціальной собственностью, а трудъ и капиталъ частнымъ, свободнымъ и неотъемлемымъ достояніемъ отдѣльныхъ лицъ.

Подобныя тирады могутъ вызывать лишь улыбку. Конечно, сторонники земельной реформы не создали никакой новой экономической школы, долженствующей якобы примирить существующія соціальныя противорѣчія. Соціальныя вопросы несравненно сложнѣе и глубже, чѣмъ это думаютъ всякіе господа Дамашке, и далеко не исчерпывается вопросами землевладѣнія. Антагонизмъ труда и капитала останется и въ томъ случаѣ, когда вся земля перейдетъ въ руки государства и, слѣдовательно, націоналізація земли, при сохраненіи капиталистическаго способа производства (а именно на этомъ настаиваютъ современные сторонники земельной реформы), отнюдь не можетъ считаться рѣшеніемъ соціального вопроса въ его цѣломъ.

Другимъ общимъ недостаткомъ рассмотрѣнныхъ плановъ земельной реформы является то, что въ нихъ не проводится различія, въ области проектируемыхъ мѣропріятій, между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. И, понятно, если видѣть въ коренной реформѣ землевладѣнія рѣшеніе соціального вопроса, то мелкое землевладѣніе должна постигнуть та же участь, что и крупное, ибо мелкое землевладѣніе есть такая же частная собственность, какъ и крупное. Нѣкоторые изъ сторонниковъ земельной реформы (какъ, напр., Джорджъ) относятся къ крестьянскому хозяйству съ большимъ недовѣріемъ и отнюдь не считаютъ желательнымъ поддержаніе и развитіе этой формы землепользованія. И потому неудивительно, что во всѣхъ планахъ земельной реформы, съ которыми мы познакомились, по отношенію къ мелкому землевладѣнію проектируются тѣ же мѣры, что и по отношенію къ крупному—и то и другое должно быть выкуплено или конфисковано государствомъ—обложено налогомъ, равнымъ чистой доходности земли, какъ это проектировалъ Джорджъ.

Но какъ бы ни старался авторъ «Прогресса и бѣдности», ему, конечно, никого не удастся убѣдить, что переложеніе всѣхъ налоговъ на землю выгодно крестьянину. Разсматривая все землевладѣніе, какъ одно цѣлое, и противопоставляя землевладѣльцевъ всѣмъ остальнымъ классамъ населенія, сторонники земельной реформы дѣлаютъ огромную ошибку игнорированія классовыхъ различій и антагонизма интересовъ внутри самой группы земельныхъ собственниковъ. Между тѣмъ, въ составъ этой группы входятъ въ большинствѣ странъ Европы и всего міра не только не трудящіеся крупные землевладѣльцы, но и крестьянство,—такой же трудящейся классъ, какъ и пролетаріатъ. Вся критика земельной собственности направлена, собственно говоря, противъ крупнаго землевладѣнія, ибо никому и въ голову не придетъ обвинять подавленнаго нуждой и непосильной работой крестьянина въ томъ, что онъ «перехватываетъ по пути плоды цивилизаціи» и лишаетъ таковыхъ остальные классы населенія. Переходя же къ практическимъ мѣропріятіямъ, сторонники націоналізаціи земли на Западѣ забываютъ о различіи между крестьянской и крупной земельной собственностью, и трак-

туютъ оба эти вида земельной собственности совершенно одинаково.

Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что на родинѣ современнаго движенія въ пользу земельной реформы—Англии—крестьянской собственности почти не существуетъ; во-вторыхъ же, городскимъ характеромъ движенія. «Апостоль Санъ-Франциско» былъ городскимъ жителемъ и очерпнулъ свои взгляды изъ условій городской, а отнюдь не деревенской жизни.

Современное движеніе въ пользу націонализаціи земли вообще носить на Западѣ болѣе или менѣе опредѣленно выраженный буржуазный характеръ.

Въ этомъ отношеніи крайне характерно, что вдохновителемъ вліятельнѣйшаго представителя движенія — Генри Джорджа—былъ не кто иной, какъ великій идеологъ капитализма Давидъ Рикардо. Капиталистическій и землевладѣльческой классъ старинные соперники и борцы за власть въ буржуазномъ государствѣ нашего времени. Націонализація земли непосредственно направлена противъ землевладѣльческаго класса. Но было бы неправильно сказать, что все движеніе представляетъ собой не что иное, какъ протестъ капиталистическаго класса противъ соперничающаго съ нимъ землевладѣльческаго класса.

На самомъ дѣлѣ, движеніе гораздо сложнѣе и въ него привходятъ, наряду съ буржуазными, и чисто демократическіе элементы.

Буржуазный характеръ націонализаціи земли типа Джорджа рѣзче всего обнаруживается въ томъ, что проектируемая имъ земельная реформа отнюдь не ставитъ своей задачей передачу пользованія землей въ руки трудящихся классовъ.

При сдачѣ въ аренду своей земли государство должно руководствоваться, по плану Джорджа, тѣми же принципами извлеченія изъ земли наибольшаго дохода, которыми руководствуется въ настоящее время и всякій крупный земельный собственникъ. Земля должна сдаваться за наивысшую арендную плату всѣмъ желающимъ—такой общій принципъ почти всѣхъ представителей разсматриваемаго движенія.

Только О'Брайэнъ—соціалистъ—отнесся къ этому, су-

щественно важному, вопросу совершенно иначе. По его плану, выкупленная земля должна перейти въ пользованіе мелкихъ фермеровъ, обрабатывающихъ ее собственнымъ трудомъ. Но позднѣйшіе сторонники земельной реформы отошли отъ этой точки зрѣнія; предлагаемая ими аренда государственной земли должна имѣть такой же капиталистическій характеръ, какъ и существующая предпринимательская аренда.

Земля должна освободиться отъ ея закрѣпленія за земельнымъ собственникомъ и стать открытымъ полемъ для частновладѣльческаго предпринимательства. А такъ какъ въ экономической борьбѣ, при условіи свободы капиталистическаго предпринимательства, побѣждаетъ сильнѣйшій капиталомъ, то и земледѣльческое производство при такой націонализаціи земли должно сосредоточиться въ большей или меньшей мѣрѣ въ капиталистическихъ рукахъ.

Переложеніе всѣхъ налоговъ на земельную ренту и уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, стѣсняющихъ въ настоящее время свободное развитіе частновладѣльческаго предпринимательства, еще болѣе благопріятно интересамъ капитала.

Такимъ образомъ, вся реформа является, по мысли ея буржуазныхъ сторонниковъ, до извѣстной степени лишь конфискаціей одного вида собственности—земельной—въ интересахъ другого вида собственности—капитала.

Но реальное движеніе въ пользу земельной реформы имѣетъ другой внутренней смыслъ и другое значеніе. Задуманное въ интересахъ буржуазіи, оно фактически направляется противъ нея.

Земельная собственность слишкомъ существенная основа господствующаго соціального строя, чтобы уничтоженіе ея не отразилось на прочности всего зданія. Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ большинствѣ государствъ Европы сохранилъ до настоящаго времени значительную часть своихъ прежнихъ политическихъ прерогативъ. Высшая бюрократія слагается, главнымъ образомъ, изъ представителей этого класса; точно также и въ мѣстномъ самоуправленіи представители крупнаго землевладѣнія играютъ, въ большинствѣ случаевъ, руководящую роль. Поэтому и центральное и мѣстное управленіе находится подъ непо-

средственнымъ вліяніемъ класса крупныхъ землевладѣльцевъ. Что же касается до мелкихъ землевладѣльцевъ, то они являются въ государствахъ европейскаго континента еще болѣе важнымъ элементомъ устойчивости существующаго соціального строя.

Именно мелкіе земельные собственники — классъ крупнаго и средняго крестьянства — представляютъ собой на Западѣ самаго опаснаго врага социализма. Самаго опаснаго потому, что изъ другихъ классовъ, враждебныхъ социализму, крупные землевладѣльцы и крупная буржуазія не велики по своей численности; а мелкая буржуазія, численность которой очень значительна, не представляетъ собой, въ экономическомъ отношеніи, растущаго и прогрессирующаго класса. Между тѣмъ среднее крестьянство, образующее собой во многихъ государствахъ, если не большинство, то, во всякомъ случаѣ, весьма крупную долю населенія, не только весьма стойко отстаиваетъ свои экономическія позиціи, но нерѣдко и завоевываетъ новыя, усиливаясь на счетъ крупнаго землевладѣнія.

Въ то же время именно этотъ классъ населенія проникнуть на Западѣ, какъ никто, «фанатизмомъ собственности» и, въ общемъ, рѣшительно враждебенъ социализму. Именно на крестьянство опираются консервативныя политическія партіи Запада. Соціалистическому энтузиазму пролетарія они противопоставляютъ упорную, хотя и не окрыленную никакимъ идеализмомъ, приверженность къ существующимъ формамъ хозяйства и собственности. Консерватизмъ средняго крестьянства вырвалъ у Маркса извѣстную фразу объ «идіотизмѣ сельской жизни».

Не кто иной, какъ масса средняго французскаго крестьянства была оплотомъ буржуазныхъ партій, раздавившихъ революціонный порывъ французскаго пролетаріата въ 1848 г. За спиной Тьера, повторившаго тоже съ французской коммуной, стояли опять таки крестьяне. И въ наше время политическая реакція опирается на крестьянъ.

Если всеобщее избирательное право такъ мало оправдало до сихъ поръ великія надежды, возлагавшіяся на него социалистами 40-хъ годовъ, то виновато въ этомъ, прежде всего, крестьянство.

Націонализація земли должна произвести во всѣхъ этихъ отношеніяхъ коренной переворотъ, устранивъ изъ нѣдръ современнаго общества классы крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, помѣщиковъ и крестьянъ. И хозяйственное и политическое значеніе этой мѣры должно быть громаднымъ. Націонализація земли по типу Джорджа равносильна конфискаціи земельной собственности. Джорджъ думалъ, что такая конфискація не нанесетъ никакого удара собственности на капиталъ.

Но это очевидная ошибка.

Не слѣдуетъ забывать, что денежный капиталъ сплетенъ самыми тѣсными узами съ земельной собственностью. Во-первыхъ, земля обращается на рынкѣ и переходитъ изъ рукъ въ руки путемъ купли-продажи. Почти всякій крупный денежный капиталистъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцемъ, благодаря чему классъ капиталистовъ непосредственно сливается съ землевладѣльческимъ классомъ. Затѣмъ, денежный классъ господствуетъ надъ землевладѣніемъ путемъ ипотечнаго кредита. Единый земельный налогъ, проектированный Джорджемъ, былъ бы конфискаціей не только земельной ренты, но и процента по всѣмъ капиталамъ, выданныхъ подъ залогъ земли. Вообще, интересы всѣхъ имущихъ классовъ тѣсно связаны между собой. Землевладѣльцы являются кліентами торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, они кредитуются въ банкахъ и у частныхъ лицъ, пріобрѣтаютъ товары и т. д. и т. д. Конфискація землевладѣнія была бы равносильна, поэтому, конфискаціи значительной доли денежнаго и торговпромышленнаго капитала.

Но если бы націонализація земли совершилась и не путемъ конфискаціи, а путемъ выкупа, все же интересы капиталистическаго класса были бы существенно затронуты этимъ огромнымъ экономическимъ переворотомъ, уже по одному тому, что капиталистическій классъ фактически сплетается съ землевладѣльческимъ. Затѣмъ, націонализація земли, сдѣлавъ болѣе доступной для народной массы землю, должна была бы уменьшить приливъ избыточнаго населенія изъ деревни въ городъ и благопріятно повліять на заработную плату рабочаго и усилить его экономическую мощь по отношенію къ капиталистическому классу.

Только грандіозное движеніе народныхъ массъ могло бы осуществить такую крупную хозяйственную реформу, а такое общенародное движеніе неминуемо должно было бы усилить и въ политическомъ и социальномъ отношеніи трудящіеся классы общества. Иными словами, націонализація земли, вмѣсто примиренія труда съ капиталомъ, какъ надѣются буржуазные сторонники земельной реформы, неизбежно повела бы на практикѣ къ обостренію классовой борьбы, благодаря укрѣпленію позиціи одной борющейся стороны—пролетаріата. Уходъ съ исторической арены землевладѣльческаго класса явился бы грознымъ предзнаменованіемъ предстоящей гибели и другихъ имущихъ классовъ современнаго общества.

Все это прекрасно сознается буржуазнымъ обществомъ и объясняетъ малый успѣхъ проповѣди націонализаціи земли.

Опорой разсматриваемаго движенія могли бы быть, поэтому, только широкія массы народа, непосредственно страдающія отъ гнета частнаго землевладѣнія. Движеніе имѣетъ, на практикѣ, демократическій характеръ, хотя его знаменосцами являются люди, не чуждые буржуазныхъ симпатій.

Во вступительной главѣ этой книги я старался показать, что для земельной реформы имѣются объективныя данныя въ реальныхъ условіяхъ капиталистическаго строя: а именно, въ томъ, что, въ силу естественныхъ различій земли и капитала, какъ факторовъ производства, движеніе земельной ренты подчинено совершенно инымъ законамъ, чѣмъ движеніе процента прибыли на капиталъ, и въ томъ, что, благодаря тѣмъ же различіямъ, экспропріація земельной собственности въ пользу общества встрѣчаетъ на пути своего осуществленія несравненно меньшія трудности техническаго характера, чѣмъ экспропріація собственности на капиталъ. Для того же, чтобы народныя массы почувствовали надобность въ экспропріаціи именно земли, а не капитала, для этого нужно, чтобы гнетъ земельной собственности испытывался ими ощутительнѣе и яснѣе, чѣмъ гнетъ отъ собственности на капиталъ. Если, напр., спросъ на землю быстро растетъ и также быстро растетъ земельная рента, то несправедливость и обременительность растущей

дани народа землевладѣльцамъ выступаетъ съ полной наглядностью. Напротивъ, если земельная рента обнаруживаетъ тенденцію къ паденію, то заинтересованность народа въ экспропріаціи земельной ренты соотвѣтственно уменьшается.

Этимъ и объясняются весь характеръ и всѣ особенности современнаго движенія въ пользу земельной реформы. Оно совпало съ эпохой значительнаго пониженія сельскохозяйственной ренты въ Западной Европѣ, подъ влияніемъ паденія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, вызваннаго, въ свою очередь, выступленіемъ на міровомъ рынкѣ, благодаря удешевленію транспорта, новыхъ странъ съ экстенсивнымъ земледѣліемъ. Только въ городахъ земельная рента продолжала расти съ чрезвычайной быстротой. Вполнѣ понятно, что и все движеніе въ пользу земельной реформы приняло въ Западной Европѣ не аграрный, а, преимущественно, городской характеръ.

Городской характеръ западно-европейскаго движенія объясняется также и тѣмъ, что новѣйшее развитіе экономическихъ отношеній доставило въ Западной Европѣ рѣшительное преобладаніе городу надъ деревней. Процентъ земледѣльческаго населенія повсемѣстно сокращается, а нерѣдко и абсолютно падаетъ. Городъ отвлекаетъ отъ деревни всѣ лучшія духовныя, интеллектуальныя и физическія силы, всѣ болѣе энергичные и активные элементы населенія. Въ деревнѣ остаются только тѣ, кто не чувствуетъ въ себѣ силы и желанія бороться за лучшую долю, или же связанъ земельной собственностью. Естественно, что современная деревня промышленной страны до сихъ поръ была мало воспримчива къ новымъ социальнымъ идеямъ и играла въ общественной жизни роль строго консервативнаго элемента.

Поэтому и движеніе въ пользу земельной реформы должно было сосредоточиться тамъ, гдѣ вообще сосредоточена социальная борьба нашего времени, т. е., въ городѣ. Но въ городѣ антагонизмъ интересовъ рабочаго и землевладѣльца (являющагося, обыкновенно, вмѣстѣ съ тѣмъ и домовладѣльцемъ) отступаетъ совершенно на задній планъ передъ антагонизмомъ труда и капитала. Расширеніе городского землевладѣнія и вообще реформа городской зе-

мельной собственности общается, въ концѣ концовъ, городскому рабочему вовсе не такъ ужъ много: главнымъ образомъ, улучшение жилищныхъ условій — удешевленіе квартирной платы и болѣе гигиеническое устройство квартиръ, равно какъ и, вообще, оздоровленіе города. Это, разумѣется, не мало, но, конечно, этимъ далеко не исчерпывается рабочій вопросъ. Такимъ образомъ, и въ городѣ движенію въ пользу націонализаціи (точнѣе, муниципализаціи) земли выпадаетъ, сравнительно, скромная роль. Попытки сторонниковъ этого движенія противопоставить его социализму просто смѣшны.

Только въ аграрной области земельная реформа непосредственно касается важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ трудящагося люда, ибо только въ земледѣліи земля является важнѣйшимъ факторомъ производства; но именно въ деревнѣ для этого движенія пока почти и не было мѣста въ промышленныхъ странахъ Запада. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что и въ будущемъ западно-европейская деревня останется столь же мало воспримчивой къ идеѣ земельной реформы.

Все заставляетъ думать, что мы находимся наканунѣ новой эпохи въ области аграрныхъ отношеній, новаго подъема земледѣлія, подѣ влияніемъ повышенія цѣнъ земледѣльскихъ продуктовъ. Аграрный кризисъ Западной Европы приходитъ къ концу — за самые послѣдніе годы почти повсемѣстно наблюдаются признаки подъема земледѣльческаго хозяйства и, соотвѣтственно этому, подъема земельной ренты и земельныхъ цѣнъ. А противъ повышенія ренты земельная реформа является единственнымъ практическимъ средствомъ борьбы.

Итакъ, несмотря на свою относительную слабость до настоящаго времени, движеніе въ пользу земельной реформы можетъ стать крупнымъ факторомъ общественной жизни Запада въ ближайшемъ же будущемъ. Въ пользу этого говоритъ и примѣръ австралійскихъ колоній. Въ этихъ новыхъ странахъ земледѣліе и скотоводство остаются господствующими отраслями хозяйства; въ то же время страны эти мало пострадали отъ аграрнаго кризиса послѣднихъ десятилѣтій — земельныя цѣны въ нихъ продолжаютъ быстро расти. Въ результатѣ получилось, что именно въ австра-

лійскихъ колоніяхъ возникло могущественное движеніе въ пользу земельной реформы, и, притомъ, движеніе аграрнаго характера. Хотя вдохновителемъ движенія былъ Джорджъ, но жизнь по своему переработала его идеи. вмѣсто одинаковаго тяжелаго налога на землю, независимо отъ размѣра землевладѣнія — налога, направленного не противъ того или иного рода землевладѣнія, а противъ всякаго землевладѣнія, какъ такового, колоніи ввели прогрессивный поземельный налогъ, тяжело ложащійся на крупное землевладѣніе и совершенно не затрагивающій мелкаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, колоніи признали, что движеніе въ пользу земельной реформы, если оно желаетъ привлечь на свою сторону народныя массы, никоимъ образомъ не должно быть направлено противъ интересовъ мелкихъ собственниковъ, крестьянъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, установленіе колоніями тяжелаго налога на крупную земельную собственность отнюдь не было равносильно конфискаціи послѣдней: для крупныхъ собственниковъ была открыта возможность избѣжать этого налога путемъ раздробленія своего имѣнія и продажи его мелкими участками въ разныя руки, что и произошло въ большей или меньшей степени. Тѣ же крупные землевладѣльцы, которые предпочли оставить землю въ своихъ рукахъ, имѣли, очевидно, для этого свои основанія — земля приносила имъ такой хорошей доходъ, что они могли не бояться налога.

Вообще, всякое движеніе въ пользу земельной реформы должно считаться съ тѣмъ, что крестьяне ни въ какомъ случаѣ добровольно не откажутся отъ своей земли; всякая попытка лишить ихъ земли, путемъ выкупа или конфискаціи, все равно, натолкнется на такое ожесточенное сопротивление съ ихъ стороны, котораго никакая общественная власть не будетъ въ силахъ преодолѣть. Вся будущность движенія связана съ возможностью согласовать его съ интересами крестьянства.

Исторія ирландской аграрной реформы поучительна въ другомъ отношеніи — она показываетъ, какія условія препятствуютъ возникновенію движенія въ пользу націонализаціи земли, какъ бы настоятельно ни требовалась коренная земельная реформа. При поверхностномъ взглядѣ мо-

жетъ показаться, что если есть страна, въ которой разсматриваемое движеніе должно было бы стать грозной силой, то это именно Ирландія. Однако, какъ мы видѣли, грандіозная аграрная реформа въ Ирландіи обѣщаетъ привести не къ націонализациі земли, а къ переходу земли въ собственность фермеровъ. Отсюда легко придти къ выводу, что вообще націонализациі земли неосуществима—ужь если она не удалась въ Ирландіи, гдѣ аграрный вопросъ обострился до такой степени, то гдѣ можетъ она удасться?

Но именно экономическія условія современной Ирландіи объясняютъ намъ, почему ирландское населеніе оказалось столь равнодушнымъ къ принципу націонализациі земли. Во-первыхъ, земельная рента въ Ирландіи, какъ и въ остальной Западной Европѣ, за послѣднія десятилѣтія понижалась совершенно независимо отъ законодательства—и, слѣдовательно, важнѣйшій мотивъ къ націонализациі земли отсутствовалъ. Во-вторыхъ, населеніе «страны зеленого Эрина» послѣ великаго голода 40-хъ годовъ не перестаетъ падать—каждая новая перепись обнаруживаетъ, что число жителей Ирландіи сокращается. Иными словами, земельная тѣснота въ Ирландіи не увеличивается, а уменьшается, земли на душу населенія становится въ этой странѣ все больше и больше подъ вліяніемъ отлива населенія за океанъ.

Благодаря этому, центромъ аграрнаго вопроса въ Ирландіи явилось не расширеніе землепользованія земледѣльческаго населенія, не открытіе доступа къ землѣ земледѣльцамъ, страдающимъ отъ недостатка земли, а укрѣпленіе земли за ея фактическими владѣльцами—арендаторами. Не земельная тѣснота, а необезпеченность землепользованія вызывала главное недовольство ирландскаго населенія. Кому было тѣсно въ странѣ, для того была широко открыта дверь за океанъ, гдѣ условія заработка были неизмѣримо лучше, чѣмъ въ родной странѣ. И, дѣйствительно, масса населенія, не связанная съ землей, широкимъ потокомъ отливала въ эту дверь.

Но, конечно, охотно эмигрировали лишь тѣ, у кого на родинѣ ничего не оставалось. Фермеръ, въ теченіе поколѣній обрабатывавшій клочекъ земли, принадлежавшій не

ему, но которымъ онъ привыкъ пользоваться, какъ своимъ собственнымъ, не могъ разстаться съ этой землей, если она давала ему сносный доходъ. Для оставшихся на родинѣ было всего важнѣе укрѣпленіе фермъ за тѣми, кто ими пользовался издавна. И вотъ мы видимъ, что аграрное движеніе Ирландіи, въ своихъ самыхъ революціонныхъ формахъ, направляется прежде всего на защиту права фермера на свою ферму.

Отнятіе землевладѣльцемъ фермы у одного лица и передача ея другому разсматривается населеніемъ, какъ самое тяжкое преступленіе, совершенно независимо отъ того, кому переходитъ ферма; месть населенія,—убійства, поджоги, бойкотъ—обрушивается на новаго фермера совершенно такъ же, какъ и на землевладѣльца.

При такомъ положеніи вещей вполне естественно, что урегулированіе арендныхъ отношеній явилось первой задачей ирландскаго аграрнаго законодательства. Урегулированіе это произошло въ такой формѣ, которая всего болѣе соотвѣтствовала требованіямъ населенія, и которая фактически была раздѣленіемъ земельной собственности между землевладѣльцемъ и фермеромъ, при чемъ землевладѣльцу было предоставлено лишь право на пониженную и устанавливаемую правительственной властью арендную плату, а фермеру—право неограниченнаго наслѣдственнаго владѣнія фермой. Единственной связью между землевладѣльцами и ихъ землей явилось полученіе «судебной» ренты. При такомъ положеніи дѣла выкупъ арендуемой земли въ полную собственность фермеровъ явился естественнымъ завершеніемъ законодательнаго регулированія арендной платы. Землевладѣльцы были заинтересованы въ этомъ выкупѣ гораздо больше, чѣмъ фермеры, ибо они получали при выкупѣ сразу значительную денежную сумму, между тѣмъ какъ при господствѣ прежнихъ отношеній они отнюдь не были обезпечены въ исправномъ внесеніи фермеромъ арендной платы. Фермеры же были мало заинтересованы въ выкупѣ земли, такъ какъ и безъ выкупа они фактически вполне владѣли ею. Поэтому, выкупъ сталъ возможенъ лишь при условіи сокращенія ежегодныхъ платежей фермеровъ, когда фермеръ прямо выигрывалъ отъ выкупа. Правительство предоставило средства для дости-

женія этого и, такимъ образомъ, фермерское владѣніе и юридически стало превращаться въ полную земельную собственность.

Для движенія въ пользу націонализаціи земли во всемъ этомъ совершенно закономѣрномъ развитіи не было мѣста и вполнѣ естественно, что крупное землевладѣніе въ Ирландіи было экспроприровано не въ пользу всего общества, а въ пользу только фермеровъ.

ГЛАВА V.

Націонализація земли и соціалдемократія.

Мы видѣли, что современные сторонники націонализаціи земли выступаютъ рѣшительными противниками социализмъ. Какъ же относятся къ земельной реформѣ эти послѣдніе?

Вопросъ о націонализаціи земли былъ поднятъ уже «Интернаціоналю». На Лозаннскомъ конгрессѣ «Интернаціонали» (1867) вопросъ этотъ вызвалъ ожесточенные споры между прудонистами и марксистами. Первые защищали мелкую земельную собственность, какъ необходимую основу индивидуальной свободы, вторые же требовали уничтоженія частной собственности на землю. Марксисты побѣдили и слѣдующій конгрессъ «Интернаціонали» въ Брюсселѣ (1868) принялъ огромнымъ большинствомъ слѣдующую резолюцію:

«Принимая въ соображеніе, что потребности производства и примѣненія законовъ научной обработки земли дѣлаютъ необходимыми въ земледѣліи крупную культуру, введеніе машинъ и совмѣстный трудъ большихъ массъ рабочихъ, и что вообще современное экономическое развитіе стремится къ крупному земледѣлію;

«принимая въ соображеніе, что производительныя силы почвы создаютъ сырой матеріалъ всѣхъ продуктовъ, являются конечнымъ источникомъ всѣхъ средствъ производства и всего народнаго богатства, и что эти производительныя силы не созданы трудомъ—

«конгрессъ не сомнѣвается, что экономическое развитіе экономическаго общества дѣлаетъ необходимымъ переходъ земли въ собственность всего общества и что земля...

должна передаваться государством земледельческим рабочим ассоциациям».

Однако, эта резолюция удовлетворила далеко не всех и уже на следующем, Базельском, конгрессе «Интернационали» (1869) тот же вопрос подвергся новому обсуждению. Многие высказывались в том смысле, что государственная земля должна сдаваться в аренду не только рабочим ассоциациям, но и отдельным земледельцам—иными словами, что крупное производство не является необходимостью в земледелии. В виду этих разногласий конгресс остановился на следующей резолюции:

«Конгресс признает принцип общественной собственности на землю и советует всем секциям «Интернационали» разрабатывать практические меры достижения этой цели;

«конгресс объявляет, что общество имеет право уничтожить частную собственность на землю и передать землю всему обществу;

«конгресс объявляет, что такая передача необходима в интересах общества».

Но и эта резолюция вызвала, по своей неопределенности, протесты с противоположной стороны—со стороны большинства марксистов, убежденных, что только крупное производство имеет будущее в земледелии, как и в промышленности. Женевская секция «Интернационали» выпустила в скором времени «Манифест» к земледельческому населению, в котором высказывала твердое убеждение в неизбежном крушении в близком будущем мелкого крестьянского хозяйства; переход к обработке земли крупными ассоциациями трудящихся казался секции единственным решением аграрного вопроса. Секция советовала в «Манифесте» мелким землевладельцам—крестьянам образовывать производительные земледельческие ассоциации, отдавая в общее владение и пользование таких ассоциаций свои земли, постройки, скот и прочий земледельческий инвентарь. Земледельческие рабочие, не имеющие земли и средств производства, должны входить в ассоциации полноправными членами. Все лица, сделавшие взносы в пользу ассоциации, получают устанавли-

ваемый ассоциацией ежегодный процент на свои взносы. Весь остальной чистый доход ассоциации, за вычетом указанных процентов, распределяется в равной мере между членами ассоциации.

Нечего и говорить, что «Манифест» этот, приглашавший крестьян бросать свое хозяйство, к которому они привыкли в течение многих поколений, и переходить к неизвестной им новой форме производства, жертвуя при этом всем своим достоянием, только оттолкнул швейцарских крестьян от «Интернационали» и сделал их врагами социализма. Само собой разумеется, что ни одной земледельческой ассоциации «Манифест» не вызвал.

Неблагоприятное впечатление, произведенное женевским «Манифестом» на крестьян, побудило Либкнехта, которого можно считать с не меньшим правом, чем и Лас-сая, творцом немецкой социалдемократической партии, выступить с небольшой брошюрой о земельном вопросе «Zur Grund-und Bodenfrage» (1874). В этой брошюре Либкнехт отстаивает марксистскую точку зрения на аграрный вопрос, но в то же время предупреждает крестьян от распространенного недоразумения, будто социалисты стремятся экспроприровать их земельную собственность. «Законодательная экспроприация крестьян,—говорит он—без сомнения, натолкнулась бы на самое упорное сопротивление крестьян, может быть, вызвала бы среди них открытое возмущение. Поэтому, в данном случае нужно действовать с величайшей осторожностью и с особым вниманием к разного рода предразсудкам и мнимым интересам. Государство должно тщательно избегать всего, что могло бы вызвать вражду мелкого крестьянина. Французская февральская республика погибла от несоблюдения этого правила... Этому урока мы не забудем».

Главным средством достигнуть распространения земледельческих ассоциаций Либкнехт признает передачу им в пользование государственной земли. Государство должно дать на своей земле работу земледельческому пролетариату, под условием образования ассоциаций; а так как эти ассоциации, по мнению автора, должны оказаться наиболее совершенным типом земледельческого предприятия, то

онѣ должны, мало-по-малу, вытѣснить всякое иное земледѣльческое производство.

Весьма интересно, что уже въ существующемъ строѣ Либкнехтъ находитъ хозяйственную организацію, изъ которой можетъ вырасти земледѣльческая ассоціація будущаго; организаціей этой является сельская община. «Безъ значительныхъ трудностей (если исчезнуть извѣстные предразсудки), съ полнымъ сохраненіемъ существующихъ отношеній собственности возможно превращеніе нынѣшнихъ сельскихъ общинъ въ ассоціаціи, къ непосредственной и очевидной выгодѣ сочленовъ... Соединеніе отдѣльныхъ участковъ земли, принадлежащихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, въ одно хозяйственное цѣлое представляетъ гораздо меньше затрудненій по самой природѣ земледѣлія, чѣмъ товарищеская организація разныхъ отраслей городской промышленности... Уже и теперь крестьяне на общественный счетъ пріобрѣтаютъ и примѣняютъ земледѣльческія машины и основываютъ ассоціаціи для земледѣльческаго молочнаго и скотоводческаго хозяйства». Ассоціаціи этого рода образуютъ, по мнѣнію Либкнехта, «естественный переходъ къ чисто социалистическимъ организаціямъ».

Какъ бы то ни было, убѣжденіе въ нежизнеспособности крестьянскаго хозяйства стало на долгое время догматомъ вѣры германской социалдемократіи. Этимъ опредѣлилась и позиція социалдемократовъ по отношенію къ вопросу о націонализаціи земли: хотя Марксъ и считалъ теоретически возможнымъ капиталистическое хозяйство при отсутствіи частной собственности на землю, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ социалдемократовъ земельная реформа тѣсно связалась съ кореннымъ преобразованіемъ способовъ земледѣльческаго производства. Они не признавали ни возможнымъ, ни желательнымъ отдѣлить одно отъ другого: земля, переходящая въ руки государства, должна, съ этой точки зрѣнія, одновременно переходить и въ руки земледѣльческихъ ассоціацій. Но жизнь не создавала ничего подобнаго этимъ ассоціаціямъ; поэтому, естественно, что социалдемократы должны были отодвигать и земельную реформу на тотъ отдаленный срокъ, когда станетъ возможнымъ превращеніе капиталистическаго способа производства въ социалистическій. Национализація земли потеряла въ глазахъ марксистовъ

значение реформы, осуществимой въ предѣлахъ капиталистическаго же общества, подобно введенію 8-ми часового рабочаго дня, демократическаго устройства государства и др. пунктовъ практической программы социалдемократической партіи. Иными словами, социалдемократы были вынуждены своимъ принципиальнымъ отношеніемъ къ мелкому крестьянскому хозяйству отнестись враждебно и къ націонализаціи земли, какъ мѣрѣ практической политики переживаемаго момента.

Но жизнь очень скоро доказала, что крестьянское хозяйство не только не уступаетъ мѣста крупному, а, наоборотъ, вытѣсняетъ его. вмѣстѣ съ тѣмъ, ростъ социалдемократической партіи поставилъ передъ ней новую задачу завоеванія деревни. На Франкфуртскомъ конгрессѣ социалдемократической партіи въ 1894 г. Шёнланкъ и Фольмаръ впервые попытались внести въ среду социалдемократіи новую точку зрѣнія на крестьянской и, вообще, аграрный вопросъ: они провели огромнымъ большинствомъ голосовъ резолюцію, согласно которой въ задачи социалдемократической партіи включалась и помощь крестьянскому хозяйству. Была выбрана комиссія, которой и было поручено выработать особую аграрную программу социалдемократической партіи.

Комиссія эта раздѣлилась на три подкомиссіи. Подкомиссія, занимавшаяся специально мелкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ, рѣшила, что желательно непосредственно содѣйствовать расширенію крестьянскаго земледѣлія путемъ отдачи государственныхъ земель въ аренду отдѣльнымъ крестьянскимъ семействамъ, но обѣ остальныя подкомиссіи не присоединились къ этому пожеланію и вся комиссія въ цѣломъ остановилась на компромиссѣ: было рѣшено признать возможной отдачу государственной и общинной земли въ аренду отдѣльнымъ крестьянамъ, поскольку собственное веденіе хозяйства на этой землѣ, со стороны государства или общины, оказывалось нерациональнымъ.

Но и эта скромная и нерѣшительная попытка комиссіи порвать со старой традиціей отрицательнаго отношенія къ единоличному крестьянскому хозяйству вызвала цѣлую бурю негодованія въ партіи. Несмотря на горячую защиту предложеній комиссіи со стороны Бебеля и Либкнехта,

Бреславльскій конгрессъ социалдемократической партіи принялъ, послѣ ожесточенныхъ трехдневныхъ дебатовъ, 158 голосами противъ 63, резолюцію Каутскаго, начинающуюся съ заявленія, что «проектъ аграрной программы, предложенный аграрной комиссіей, подлежитъ отверженію, ибо эта программа имѣетъ въ виду поднятіе крестьянства, иначе говоря, укрѣпленіе ихъ частной собственности».

Такимъ образомъ, марксистская догма одержала, по видимому, полную побѣду. Но побѣда эта была, въ дѣйствительности, мнимой. На практикѣ социалдемократическіе представители въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянское хозяйство преобладало, уже давно были принуждены силою вещей,—чтобы не утратить довѣрія своихъ избирателей,—поддерживать въ своей парламентской дѣятельности крестьянское хозяйство. Послѣ Бреславльской резолюціи имъ оставалось или отказаться отъ своей прежней тактики, или сложить свои полномочія, или же, наконецъ, просто игнорировать Бреславльскую резолюцію. Нечего и говорить, что они избрали этотъ послѣдній выходъ, съ молчаливаго согласія и самой партіи, которая ничѣмъ не протестовала противъ такого нарушенія партійной дисциплины. Социалдемократическіе представители въ баварскомъ ландтагѣ выступили съ принципиальнымъ заявленіемъ, кореннымъ образомъ расходившимся съ Бреславльской резолюціей. «Мы будемъ,—заявили они,—дѣлать все возможное, чтобы улучшить участь крестьянъ и избавить возможно большее число ихъ отъ угрожающаго имъ погруженія въ ряды пролетаріата. Мы будемъ оказывать имъ возможную помощь въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ и фискомъ». Сходную позицію заняли социалдемократическіе представители въ ландтагахъ и другихъ южногерманскихъ государствъ—такъ, напр., въ Баденѣ, Гессенѣ и Вюртембергѣ.

Баварская фракція социалдемократической партіи работала аграрную программу, въ которой имѣется цѣлый рядъ пунктовъ въ интересахъ крестьянства, такъ напр. воспрещеніе продажи общественной земельной собственности (общинной, принадлежащей корпораціямъ и государственной), экспроприація латифундій, постепенный переходъ къ государству земельныхъ долговъ и всего кредита съ пониженіемъ процента, выдача государствомъ ссудъ подѣ

сельскохозяйственные продукты, переходъ части государственныхъ земель въ пользованіе земледѣльцевъ, обрабатывающихъ свои земли безъ помощи наемнаго труда, государственное регулированіе арендныхъ договоровъ, сосредоточеніе въ рукахъ государства всего сельскохозяйственного страхованія, сохраненіе безъ всякихъ ограниченій существующихъ правъ на пользованіе лѣсомъ и пастбищами и т. д. и т. д.

Но, какова бы ни была практика социалдемократіи, ея теорія и до настоящаго времени пропитана недовѣріемъ и враждой къ крестьянскому хозяйству. Какъ вѣрные послѣдователи Маркса, руководящіе теоретики социалдемократіи видятъ въ крестьянинѣ, поскольку ему не грозитъ пролетаризація, прирожденнаго врага социализма; поддержка и укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства является, съ этой точки зрѣнія, самоубійственной политикой для социализма, долженствующаго опираться только на пролетаріатъ и не соблазняться обманчивой надеждой привлечь подѣ свое знамя собственниковъ, хотя бы и самыхъ мелкихъ.

Этимъ объясняется и отношеніе къ націонализаціи земли самаго выдающагося современнаго теоретика социалдемократіи—Карла Каутскаго, «великаго инквизитора марксизма», какъ его въ шутку называютъ. Въ результатъ своего изслѣдованія аграрнаго вопроса онъ приходитъ къ заключенію, что «социалдемократическая аграрная программа въ смыслѣ охраны крестьянства была бы не только безцѣльна, но, хуже этого, она повредила бы самымъ тяжелымъ образомъ социалдемократіи». Переходя къ вопросу о націонализаціи земли Каутскій констатируетъ, что коренная реформа права частной собственности на землю возможна и въ предѣлахъ капиталистическаго общества, при сохраненіи товарнаго производства и наемнаго труда. Однако, онъ высказывается противъ этой реформы, равно какъ и противъ другихъ мѣръ сходнаго характера—напр., сосредоточенія всего земельного кредита или всей хлѣбной торговли въ рукахъ государства. Каутскій указываетъ на то, что переживаемый нами моментъ характеризуется не ростомъ цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ и земельной ренты, а, наоборотъ, значительнымъ паденіемъ того и другого. Сосредоточенія въ рукахъ государства торговли

земледѣльческими продуктами домогаются именно аграріи, желающіе этимъ способомъ поднять хлѣбныя цѣны. Точно также и передача всего земельного кредита въ руки государства имѣетъ въ виду облегчить положеніе задолженныхъ землевладѣльцевъ, а также и капиталистовъ—владѣльцевъ закладныхъ листовъ, рискующихъ лишиться своихъ капиталовъ благодаря паденію земельныхъ цѣнъ. Мѣра эта представляетъ собой, въ сущности, переложеніе всего риска потери ипотечнаго капитала съ капиталистовъ на государство. «То же нужно сказать и о націонализации земли при сохраненіи капиталистическаго способа производства, какъ этого домогаются буржуазные сторонники земельной реформы вродѣ Генри Джорджа. Если бы имъ удалось въ концѣ семидесятыхъ годовъ провести въ Англіи націонализацию земли, то никто не выигралъ бы отъ этого болѣе самихъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ были бы выкуплены государствомъ. Они спокойно пользовались бы процентами съ капиталовъ, полученныхъ отъ государства, а государство понесло бы всѣ потери отъ паденія земельной ренты на 30 и болѣе процентовъ, отъ чего теперь страдаютъ землевладѣльцы» («Die Agrarfrage». 1899. Стр. 327).

Земля, выкупленная у частныхъ землевладѣльцевъ, должна была бы поступить въ распоряженіе государства. Но Каутскій не очень довѣряетъ способности современнаго государства руководить хозяйственнымъ предпріятіемъ. Напротивъ, современное государство, оказывается, обыкновенно, очень плохимъ хозяиномъ и только крайняя необходимость (напр., защиты населенія отъ эксплуатаціи монополистовъ) можетъ оправдать расширеніе государственнаго хозяйства. Къ этимъ экономическимъ соображеніямъ присоединяются соображенія и политическаго характера. Современное государство есть организациа классового господства. Увеличивать его экономическую мощь значитъ увеличивать мощь господствующихъ классовъ. «Демократическія формы правленія еще отнюдь не устраняютъ возможности употребленія силъ государства на подавленіе пролетаріата. Гдѣ крестьяне и мелкая буржуазія образуютъ значительное большинство, тамъ эти классы населенія обнаруживаютъ, правда, большую готовность ограничивать

эксплоатацию рабочихъ крупными капиталистами, но тѣмъ ревнивѣе они охраняютъ «хозяйственную свободу» мелкихъ эксплуататоровъ. Швейцарскіе крестьяне и мелкие буржуа предоставляютъ рабочимъ полную свободу во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, но при всякой стачкѣ рабочихъ противъ хозяевъ-ремесленниковъ они приходятъ въ ярость и ведутъ себя по отношенію къ рабочимъ, встрѣчая поддержку государственной власти, если возможно, еще грубѣе и насильственнѣе, чѣмъ ихъ товарищи въ несвободныхъ странахъ («Agrarfrage». Стр. 328).

Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ пролетаріатъ не играетъ руководящей роли, социалдемократы не имѣютъ, безъ особой необходимости, никакого повода стремиться къ расширенію государственнаго хозяйства. «Но возникаетъ ли такая необходимость по отношенію къ сельскому хозяйству? До семидесятыхъ годовъ землевладѣніе имѣло характеръ монополіи, приводящей къ возрастающей эксплуатаціи населенія. Но развитіе средствъ сообщенія въ общемъ сломило для земледѣлія эту монополію... Съ другой стороны, форма земледѣльческаго предпріятія еще не такова, чтобы требовать государственнаго хозяйства... Государство само предпочитаетъ отдавать свои земли въ аренду капиталистамъ, вмѣсто того, чтобы обрабатывать ихъ мѣстными средствами. Социалдемократія же не имѣетъ никакого повода увеличивать число капиталистическихъ арендаторовъ государственныхъ земель и уменьшать, такимъ образомъ, зависимость правительства отъ вотированія бюджета народными предѣставителями» (Тамъ же. Стр. 328—329).

Однако, существуютъ отрасли хозяйства, относительно которыхъ Каутскій вполне признаетъ необходимость націонализаци ихъ даже и въ капиталистическомъ обществѣ. Сюда, относится, между прочимъ, лѣсное и водное хозяйство. Национализациа лѣсовъ необходима потому, что, благодаря продолжительности періода своего роста, лѣса не могутъ быть рационально эксплуатируемы въ частномъ хозяйствѣ. Точно также, только государство можетъ рационально поставить водное хозяйство, самымъ тѣснымъ образомъ связанное съ интересами всего общества, какъ цѣлаго.

Что касается до городского хозяйства, то здѣсь Каутскій почти всецѣло примыкаетъ къ сторонникамъ земель-

ной реформы. «Въ городахъ земельная рента растетъ; если городская земля принадлежит городскому управленію, то приростъ этотъ достается городской общинѣ и служить въ ея рукахъ, при существованіи городского самоуправления, всеобщаго избрательнаго права и извѣстной высотѣ развитія пролетаріата, не къ увеличенію могущества господствующихъ классовъ, а къ поднятію образованія и благосостоянія городского населенія. Обращеніе всей земли въ городскую собственность дастъ возможность улучшить жилищныя условія населенія путемъ положительныхъ мѣропріятій, при посредствѣ постройки городскихъ зданій, между тѣмъ какъ простыя строительныя правила разнаго рода, разнаго рода запретительныя мѣры и инспекція постройки и пользованія домами, способны лишь устранять самыя очевидныя злоупотребленія, но отнюдь не подрѣзывать въ корнѣ жилищное ростовщичество. Поэтому, возможное расширеніе городской земельной собственности есть одна изъ задачъ современной самостоятельной демократической городской общины. Современное городское самоуправленіе должно поставить правиломъ не только ни въ какомъ случаѣ не отчуждать городской земли, но и пользоваться для расширенія своего землевладѣнія всякимъ случаемъ пріобрѣсти землю на выгодныхъ условіяхъ. Въ предѣлахъ же государства партія пролетаріата должна содѣйствовать тому, чтобы права городскихъ самоуправленій по отношенію къ земельнымъ ростовщикамъ были, по возможности, расширены и чтобы городамъ было предоставлено возможно болѣе широкое право экспроприаціи» (Тамъ же, стр. 337).

Совсѣмъ иначе Каутскій смотритъ на задачи сельскаго самоуправления. Въ деревнѣ отсутствуютъ, по его мнѣнію, условія для развитія муниципальнаго социализма. «Въ настоящее время нечего и думать о самостоятельномъ веденіи земледѣльческаго хозяйства сельской общиной путемъ крупнаго земледѣльческаго производства на кооперативныхъ началахъ. Даже въ городѣ рѣдко удаются производительныя ассоціаціи; для крупныхъ производительныхъ ассоціацій въ рукахъ крестьянъ отсутствуютъ всѣ необходимыя элементы успѣха, необходимыя духовныя силы, дисциплина, денежныя средства. Мы не думаемъ, чтобы въ

настоящее время нашлась хотя бы одна сельская община, которая могла бы перейти къ веденію самостоятельнаго крупнаго сельскаго хозяйства... Какой же смыслъ имѣло бы, при такомъ положеніи дѣла, расширеніе землевладѣнія сельской общины?.. Она могла бы, какъ общее правило, въ лучшемъ случаѣ, лишь сдавать свою землю въ аренду, но при этомъ, благодаря паденію земельной ренты, должна была бы терпѣть убытки. Созданіе и расширеніе землевладѣнія самоуправляющихся общинъ можетъ явиться въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, однимъ изъ средствъ обобществленія средствъ производства. Но при современныхъ условіяхъ общее требованіе такого расширенія можетъ быть выставлено лишь по отношенію къ городамъ». (Тамъ же, стр. 338).

Такъ какъ Каутскій играетъ руководящую роль въ современномъ марксизмѣ, то на доводахъ его стоитъ остановиться. Прежде всего, бросается въ глаза совершенно различное отношеніе его къ земельной собственности въ городѣ и деревнѣ; по отношенію къ городу Каутскій вполне примыкаетъ къ сторонникамъ земельной реформы, по отношенію къ деревнѣ онъ выступаетъ ихъ противникомъ. Чѣмъ объясняется это различіе?

Каутскій указываетъ на то, что деревня еще не выросла до крупнаго общественнаго производства, между тѣмъ какъ городъ уже способенъ на это. По отношенію къ деревнѣ это, конечно, совершенно вѣрно: конечно, теперь нечего и думать о немедленномъ созданіи въ деревнѣ крупныхъ земледѣльческихъ ассоціацій, какъ о томъ мечтали марксисты 60-хъ годовъ. Каутскій отказался отъ всякихъ иллюзій на этотъ счетъ и въ этомъ онъ вполне правъ. Но аргументъ этотъ имѣетъ силу лишь въ связи съ молчаливымъ предположеніемъ, что всякое иное земледѣльческое производство, кромѣ крупнаго, не представляется прогрессивнымъ и желательнымъ. Ибо если это предположеніе отвергнуть, если отказаться отъ предубѣжденія противъ крестьянскаго хозяйства, то изъ факта невозможности въ деревнѣ производительныхъ ассоціацій въ широкомъ размѣрѣ никакъ нельзя сдѣлать вывода о нежелательности расширенія землевладѣнія деревенской общины; вѣдь это землевладѣніе можетъ послужить къ укрѣп-

ленію мелкаго крестьянскаго хозяйства и, такимъ образомъ, оказаться чрезвычайно полезнымъ, если, разумѣется, полезно укрѣпленіе крестьянскаго хозяйства. Такъ, напр., приобрѣтеніе общиной выгона или луга можетъ оказать, во многихъ случаяхъ, прямо неоцѣнимую услугу хозяйству всѣхъ крестьянъ, входящихъ въ составъ общины.

Но община можетъ и инымъ способомъ использовать приобрѣтаемую землю, напр., отдачей ея въ аренду или временное пользованіе отдѣльнымъ своимъ членамъ. Противъ этого способа использованія земли Каутскій выдвинулъ аргументъ паденія земледѣльческой ренты. Но для насъ, русскихъ, несостоятельность этого аргумента вполне очевидна. Въ Россіи наблюдается за послѣдніе годы не паденіе, а колоссальное повышеніе земельной ренты. Вообще, можно не обинуясь утверждать, что повышеніе земельной ренты, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, при условіи роста населенія, есть правило, а паденіе ренты—исключеніе. Послѣднія десятилѣтія закончившагося вѣка дѣйствительно характеризовались въ странахъ старой культуры паденіемъ земледѣльческой ренты. Но Каутскій упустилъ изъ виду, что это паденіе, вызванное конкуренціей на міровомъ рынкѣ новыхъ странъ, благодаря ускоренію и огромному удешевленію транспорта, сопровождалось чрезвычайнымъ повышеніемъ земледѣльческой ренты въ этихъ новыхъ странахъ, въ которыхъ огромныя площади земли, не имѣвшія раньше почти никакой цѣнности, поступили теперь подъ распашку. Поэтому и въ концѣ XIX вѣка паденіе земледѣльческой ренты было мѣстнымъ явленіемъ Западной Европы и восточныхъ штатовъ Америки, но отнюдь не міровымъ. Но, кромѣ того, и въ странахъ старой культуры паденіе земледѣльческой ренты неизбежно должно быть явленіемъ временнымъ. Площадь, пригодная для производства хлѣбовъ, не безпредѣльна и расширеніе запашки путемъ распаханія дѣвственныхъ земель должно раньше или позже прекратиться. Населеніе въ новыхъ странахъ быстро растетъ и соотвѣтственно растетъ мѣстный спросъ на продукты мѣстнаго земледѣлія. Въ XVIII вѣкѣ Англія была страной, вывозившей, а не ввозившей хлѣбъ; въ первой половинѣ XIX вѣка вывозила хлѣбъ и Германія. Не такъ далеко время, когда и Соединенные Штаты, со своей ко-

лоссально развивающейся промышленностью и не менѣе быстрымъ ростомъ населенія, перестанутъ вывозить хлѣбъ на европейскій рынокъ. Нельзя указать времени, когда это произойдетъ, но что это неизбежно должно произойти—въ этомъ порукой намъ вся исторія. А тогда цѣны земледѣльческихъ порукой въ, вмѣстѣ съ земледѣльческой рентой и земельными цѣнами, начнутъ быстро повышаться въ Западной Европѣ.

За самое послѣднее время наблюдается остановка въ паденіи хлѣбныхъ цѣнъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приостановилось въ Западной Европѣ и паденіе земельной ренты. Нѣтъ никакихъ основаній думать, вмѣстѣ съ Каутскимъ, что земледѣльческая рента въ западноевропейскихъ странахъ будетъ падать въ будущемъ все ниже и ниже; напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что и въ сельскомъ хозяйствѣ возобновится то движеніе земельной ренты, которое господствовало въ Западной Европѣ до 70-хъ годовъ закончившагося столѣтія, и которое нельзя не считать нормальнымъ—земледѣльческая рента начнетъ опять правильно повышаться.

Мы видѣли, что позиція Каутскаго по отношенію къ земельному вопросу въ деревнѣ объясняется какъ его неправильной оцѣнкой вѣроятнаго будущаго движенія земледѣльческой ренты, такъ и его принципиально отрицательнымъ отношеніемъ къ крестьянскому хозяйству. Онъ чуждъ утопіи марксистовъ прежняго времени и прекрасно понимаетъ, что земельная реформа должна пойти на пользу, прежде всего, крестьянству. А такъ какъ «охрана крестьянства повредила бы самымъ тяжелымъ образомъ социалдемократіи», то онъ и высказывается какъ противъ муниципализаціи, такъ и противъ націонализаціи полевой земли.

Вообще же, нельзя не признать, что по вопросу о земельной реформѣ соображенія Каутскаго всего менѣе могутъ считаться убѣдительными. Отчасти его возраженія основываются просто на незнакомствѣ съ дѣломъ. Такъ, онъ утверждаетъ, что при осуществленіи въ 70-хъ годахъ въ Англіи націонализаціи земли по плану Джорджа выиграли бы одни землевладѣльцы, которые получили бы возможность продать свои земли государству по выгодной

цѣнѣ. Между тѣмъ, Джорджъ никакого выкупа частновладельческой земли не предлагалъ, а проектировалъ конфискацію частнаго землевладѣнія путемъ обложенія земли налогомъ, равнымъ земельной рентѣ. Очевидно, Каутскій попросту забылъ предложенія Джорджа.

Несмотря на свое принципиально враждебное отношеніе къ націонализациі земли, Каутскій рѣзко мѣняетъ свою позицію, когда дѣло идетъ о городѣ. Тутъ онъ готовъ идти рука объ руку со сторонниками земельной реформы и этимъ во очію обнаруживаетъ, что онъ является выразителемъ интересовъ городского, но отнюдь не деревенскаго трудящагося люда. Защищая интересы городского пролетаріата, страдающаго отъ непомѣрнаго роста квартирныхъ платъ и вообще негигиенической обстановки современнаго города, Каутскій вполне признаетъ важность законодательной борьбы съ «земельнымъ ростовщичествомъ»; но «земельное ростовщичество» въ деревнѣ не вызываетъ съ его стороны соотвѣтствующаго протеста, хотя земельный вопросъ для сельскаго населенія, для котораго обработка земли является главнымъ или даже единственнымъ источникомъ существованія, имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ квартирный вопросъ для городского рабочаго, расходующаго на квартиру все же только часть своего бюджета. Когда рѣчь идетъ о городѣ, Каутскій не боится земельной реформы на почвѣ существующаго капиталистическаго способа производства; но онъ боязливо отступаетъ передъ ней, какъ только дѣло идетъ о деревнѣ. Деревенскіе интересы ему чужды и онъ безбоязненно пишетъ на знамени социалдемократіи, что социалдемократія никогда не станетъ защищать интересовъ мелкаго земледѣльца-мужика.

Германская социаль-демократія отказалась отъ спеціальной аграрной программы и этимъ достаточно внушительно заявила свое пренебреженіе къ интересамъ деревни. Современная Германія—страна промышленная; только около $\frac{1}{3}$ населенія занято въ ней сельскимъ хозяйствомъ. Поэтому игнорированіе деревни со стороны могущественной партіи городского пролетаріата въ Германіи возможно, хотя оно и не проходитъ безслѣдно для самой партіи, какъ и вообще для политической жизни страны. Какъ городъ за-

воеванъ въ Германіи социалдемократіей, такъ нѣмецкая деревня остается и понынѣ твердыней реакціи. На югѣ и западѣ Германіи въ деревнѣ царятъ клерикалы, на востокѣ и сѣверѣ—юнкера. «Союзъ сельскихъ хозяевъ», являющийся такой крупной политической силой современной Германіи, выступаетъ передъ деревней съ такой заманчивой для нея экономической программой, какъ, напр., знаменитый проектъ Каница о сосредоточеніи всей хлѣбной торговли въ рукахъ государства. Что противопоставляютъ этой широкой, хотя и шарлатанской, программѣ социалдемократы? Почти ничего или, во всякомъ случаѣ, крайне мало. Въ своемъ упорномъ недовѣрїи къ крестьянскому хозяйству, они были принуждены отказаться отъ единственной крупной мѣры, которая могла бы увлечь болѣе нуждающіеся элементы земледѣльческаго населенія—націонализациі земли—и добровольно обрекли себя на безсиліе въ деревнѣ.

Необходимо отрѣшиться отъ предубѣжденія противъ крестьянскому хозяйству. Правда, «фанатизмъ собственности» отличаетъ мелкаго собственника въ еще большей степени, чѣмъ крупнаго. Но, вѣдь, крестьянское хозяйство не требуетъ, какъ своего необходимаго основанія, мелкой земельной собственности. Крестьянину нужна земля—а будетъ ли эта земля его личной собственностью или собственностью общины, или же, наконецъ, государства—это является для него вопросомъ второстепеннымъ. Ему должно быть лишь обезпечено свободное пользованіе землей. И потому задача укрѣпленія и расширенія крестьянскаго хозяйства, представляющаго собой, при современныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, единственно возможную форму трудового земледѣльческаго производства (т.-е., производства, основаннаго на трудѣ производителя, а не на эксплоатациі наемной рабочей силы), вполне совмѣстима съ коренной реформой частнаго землевладѣнія. Даже болѣе—именно интересы крестьянскаго самостоятельнаго хозяйства, своимъ трудомъ и своими орудіями труда, требуетъ уничтоженія института частнаго землевладѣнія.

ОТДѢЛЪ II.

НАЦИОНАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ ВЪ РОССІИ.

ГЛАВА VI.

Земельныя отношенія въ русской деревнѣ.

Нашъ аграрный строй есть нѣчто весьма своеобразное и рѣзко отличающееся отъ аграрнаго строя другихъ странъ Европы. Не говоря уже объ общинѣ, представляющей собой столь крупную особенность Россіи, наша деревня и въ другихъ отношеніяхъ мало походитъ на деревню Запада. Такъ, мы знаемъ на Западѣ страны крупныхъ и мелкихъ арендъ (Англія и Ирландія), страны широкаго развитія крестьянскаго хозяйства (Франція, южная Германія, Бельгія, Швеція, Данія и др.), но страной крестьянской аренды является почти одна Россія. Только въ Италіи наблюдаются аграрныя отношенія сходнаго характера, но все же не въ такой степени развитія. На это обратилъ вниманіе изслѣдователь русской крестьянской аренды, покойный Карышевъ. Въ своей работѣ «Крестьянская внѣнадѣльная аренда» онъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что на Западѣ крестьяне лишь въ небольшой мѣрѣ прибѣгаютъ къ арендѣ чужой земли, а ведутъ свое хозяйство почти всецѣло на собственной землѣ. Аренда имѣетъ въ этихъ странахъ, главнымъ образомъ, капиталистическій характеръ; арендаторомъ, является не крестьянинъ, но фермеръ—капиталистъ. Только въ Ирландіи некапиталистическая, продовольственная аренда (т. е. аренда трудового земледѣльца, работающаго не для барыша, а для собственнаго прокормленія) имѣетъ еще большее распространеніе, чѣмъ въ Россіи. Но въ Ирландіи мелкій фермеръ не имѣетъ земли—и въ этомъ его отличіе отъ нашего крестьянина-арендатора, который, хотя и имѣетъ свою землю, но имѣетъ ея, въ то же время, такъ мало, что не можетъ просуществовать безъ работы на чужой

землѣ. По расчетамъ Карышева, около 42% крестьянскихъ дворовъ арендуютъ землю, площадь которой превышаетъ 30% всей собственной крестьянской земли. Такимъ образомъ, почти половина нашихъ крестьянъ ведетъ свое хозяйство лишь при помощи найма чужой земли; что же касается до остальной половины, то большая часть ея лишь потому не арендуетъ земли, что неоткуда этой аренды взять.

Малоземелье приводитъ къ необходимости для крестьянина арендовать помѣщичью землю; а такъ какъ наше земледѣльческое населеніе быстро растетъ и отливаетъ ему изъ деревни некуда, то естественно, что нужда въ землѣ чувствуется все острѣе и острѣе. Предпринимательская аренда является у насъ исключеніемъ; преобладающей типъ — аренда крестьянина для продовольственныхъ цѣлей, такъ называемая, продовольственная аренда. Высота арендныхъ цѣнъ при продовольственной арендѣ опредѣляется не чистой доходностью сельскохозяйственнаго предпріятія на данномъ участкѣ земли, а, прежде всего, степенью нужды въ землѣ со стороны арендатора-земледѣльца. Чѣмъ гуще земледѣльческое населеніе, тѣмъ больше и спросъ на землю со стороны земледѣльца, а, слѣдовательно, тѣмъ выше можетъ быть поднята и арендная плата. Повышеніе арендной платы вызывается въ этомъ случаѣ не увеличеніемъ производительности почвы, не большей интенсивностью земледѣльческаго хозяйства и не улучшеніемъ условий сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, а ухудшеніемъ положенія арендатора-земледѣльца, принужденнаго довольствоваться меньшей долей вырабатываемаго имъ продукта.

Ростъ земельной тѣсноты является въ Россіи естественнымъ результатомъ быстрого роста земледѣльческаго населенія, которое не отвлекается, какъ на Западѣ, промышленностью. Выраженіемъ этого растущаго недостатка въ землю является ростъ арендныхъ и земельныхъ цѣнъ. Первый подъемъ арендныхъ цѣнъ приходится у насъ на первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьянъ; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ арендныя цѣны къ половинѣ 80-хъ годовъ, сравнительно съ началомъ 60-хъ годовъ, утроились, учетверились или повысились еще болѣе. Затѣмъ подъемъ арендныхъ цѣнъ нѣсколько приостановился. Со второй по-

ловины 90-хъ годовъ повышательное движеніе арендныхъ цѣнъ возобновляется. Еще значительнѣе повысились за это время земельныя цѣны, о чемъ можетъ дать нѣкоторое грубое представленіе увеличеніе (среднихъ для всей Россіи) цѣнъ, платимыхъ за землю крестьянами при покупкахъ черезъ посредство Крестьянскаго банка.

Вотъ эти цѣны за послѣдніе годы:

Г О Д Ы.	Цѣна 1 десятины. Рубли.	Г О Д Ы.	Цѣна 1 десятины. Рубли.
1891.	39	1897.	71
1892.	45	1898.	76
1893.	50	1899.	78
1894.	49	1900.	83
1895.	52	1901.	91
1896.	49	1902.	108

Для новѣйшей исторіи русскихъ аграрныхъ отношеній крайне характеренъ ростъ цѣнъ именно продовольственной аренды. Такъ, напр., для Полтавской губ., по свѣдѣніямъ текущей земской статистики (см. «Сводъ данныхъ о состояніи сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 15 лѣтъ 1886—1900 г.») арендныя цѣны измѣнялись въ 90-хъ годахъ слѣдующимъ образомъ:

Г О Д Ы.	Продовольственная аренда въ р. за 1 десятину (съемка земли).	Предпринимательская аренда въ р. за 1 десятину (аренда земли).	Разница между ними.	
			Въ рубляхъ.	Въ % къ цѣнѣ предпринимательской аренды.
1890	8,61	6,56	2,05	31
1891	9,00	6,94	2,06	30
1892	9,43	7,04	2,39	34
1893	9,73	7,35	2,38	32
1894	8,93	6,53	2,40	31
1895	7,93	5,96	1,97	33
1896	8,33	5,83	2,50	43
1897	8,88	6,00	2,88	48
1898	10,14	6,52	3,62	56
1899	11,23	7,42	3,81	51
1900	12,60	8,68	3,92	45

За трехлѣтіе 1890—1892 гг. плата за арендуемую десятину равнялась въ Полтавской губерніи, при предпринимательской арендѣ, 6 р. 84 к.; за трехлѣтіе 1898—

1900 г. она достигла 7 р. 54 к., т. е., повысилась на 70 к. При продовольственной же арендѣ та же плата равнялась за первое трехлѣтіе—9 р. 1 к., а за второе—11 р. 32 к., т. е. повысилась на 2 р. 31 к. За первое трехлѣтіе плата при продовольственной арендѣ превышала плату при предпринимательской арендѣ приблизительно на $\frac{1}{3}$ послѣдней, за второе же трехлѣтіе уже болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$. Отсюда слѣдуетъ, что рѣзкое повышение платы за арендуемую крестьянами землю, характерное для второй половины 90-хъ годовъ, лишь въ небольшой мѣрѣ обуславливалось увеличеніемъ производительности земледѣльческаго хозяйства; главнымъ же образомъ, повышение это было вызвано ростомъ нужды крестьянина въ землѣ, соглашавшагося платить за землю какую угодно цѣну, лишь бы не ликвидировать своего собственнаго хозяйства.

Тѣсная связь высокой арендной платы съ крестьянской нуждой замѣчается повсемѣстно въ Россіи. Чѣмъ меньше обеспеченъ крестьянинъ землей, чѣмъ ниже его надѣлъ, чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ больше онъ принужденъ платить за землю. Въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьяне, имѣющіе надѣльной пашни 1,5—3 десятины платятъ, въ среднемъ, за десятину арендуемой земли 11 р. 21 к., имѣющіе 3—5 десятины платятъ 6 р. 49 к., а имѣющіе свыше 5 десятины платятъ за десятину, въ среднемъ, лишь 5 р. 77 к. Въ Орловскомъ уѣздѣ арендная плата за десятину подъ озимое въ районѣ худшихъ почвъ, производительность которыхъ равняется 50—75 (принимая за 100 производительность наилучшихъ почвъ уѣзда), достигаетъ 20 р. 70 к., а арендная плата подъ озимое въ районѣ лучшихъ почвъ съ производительностью въ 75—100 спускается до 19 р. 70 к. Такой странный фактъ—болѣе высокая плата за худшія земли—находитъ свое объясненіе въ томъ, что въ Орловскомъ уѣздѣ въ районахъ худшей почвы крестьянскій надѣлъ меньше и, слѣдовательно, крестьянская нужда въ землѣ острѣе, чѣмъ въ районѣ лучшихъ почвъ (см. статью А. Мануилова. «Аренда земли въ Россіи». «Очерки по крестьянскому вопросу». Выпускъ II).

Подобные же факты наблюдаются и въ другихъ губерніяхъ. Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣла

продовольственная аренда, по сообщеніямъ земскихъ статистиковъ изъ различнѣйшихъ мѣстъ Россіи, сплошь и рядомъ не только не даетъ арендатору никакой прибыли, но нерѣдко далеко не обеспечиваетъ и нормальной оплаты его труда. Такъ въ Херсонской губерніи крестьяне «снимаютъ землю не столько ради чистой выгоды съ нея, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣнить куда нибудь свой трудъ». Въ Орловскомъ уѣздѣ «крестьяне говорятъ, что отъ аренды имъ остается одна солома. Они не ведутъ бухгалтерскихъ счетовъ, а если бы вели ихъ, то, можетъ быть, замѣтили бы, что при арендныхъ цѣнахъ, регулируемыхъ не производительностью почвы и доходностью земли, а все возрастающей нуждою самихъ крестьянъ въ землѣ, и при той высотѣ арендной платы, которую застало мѣстное изслѣдованіе, даже не вся солома остается въ ихъ распоряженіи». Въ Саратовской губерніи доходъ со снимаемой крестьянами земли не достигаетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нормальной стоимости обработки этой земли. Въ Симбирской губерніи «трудъ крестьянъ по обработкѣ (снимаемой) земли и уборкѣ хлѣба окупается лишь въ урожайные годы и только при достаточно высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ». Въ различныхъ уѣздахъ Полтавской и Херсонской губерній съемная плата за землю, по расчетамъ земскихъ статистиковъ, значительно превышаетъ чистую доходность земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно констатируется, что плата за землю при продовольственной арендѣ значительно превышаетъ такую же плату при арендѣ предпринимательской.

Таковъ общій характеръ нашихъ крестьянскихъ арендъ. Но во многихъ случаяхъ онѣ обставляются для крестьянина еще болѣе тягостными условіями.

При освобожденіи крестьянъ, крестьянскій надѣлъ вообще былъ урѣзанъ, но особенно были урѣзаны выгоны и сѣнокосы. Между тѣмъ эти угодья безусловно необходимы крестьянину для того, чтобы онъ могъ вести свое земледѣльческое хозяйство; онъ принужденъ поэтому во что бы то ни стало снимать названныя угодья въ аренду у своего бывшаго помѣщика. Зависимость крестьянина отъ помѣщика еще увеличивается нерѣдко тѣмъ, что крестьянскіе надѣлы сплошь и рядомъ расположены очень неудобно

относительно частновладельческих земель. Помещичья земля, напр., врѣзывается клиномъ въ крестьянскую, дѣлится ея на части, помещается въ центрѣ крестьянскихъ надѣловъ, отрѣзываетъ ихъ отъ рѣки или дороги. Въ подобныхъ случаяхъ крестьяне волей неволей должны арендовать «отрѣзы» помещичьей земли, мѣшающіе имъ вести свое хозяйство.

Все это вмѣстѣ объясняетъ, почему крестьяне принуждены платить за арендуемую землю значительно выше, чѣмъ платятъ за ту же землю арендаторы не изъ подъ неволи. Въ цѣнѣ продовольственной аренды слѣдуетъ, вообще, различать двѣ части: одна часть представляетъ собой оплату чистой доходности арендуемой земли, и соответствуетъ естественной, дифференціальной земельной рентѣ, законы которой установлены Рикардо; другая часть составляетъ собой то, что можно назвать монопольной рентой. Дифференціальная земельная рента представляетъ собой, какъ указано въ первой главѣ, необходимое слѣдствіе естественныхъ условій веденія земледѣльческаго хозяйства. Болѣе плодородная почва даетъ больше сбора, чѣмъ менѣе плодородная; участокъ, расположенный ближе къ мѣсту сбыта продуктовъ земледѣлія, позволяетъ сберегать часть расходовъ по перевозкѣ этихъ продуктовъ; введеніе болѣе интенсивной системы земледѣлія увеличиваетъ сумму продуктовъ, собираемыхъ съ земли. Такимъ образомъ, возникаетъ та избыточная доходность земледѣльческаго предпріятія, которая въ видѣ дифференціальной ренты присваивается землевладельцемъ. Создается она, разумѣется, не землевладельцемъ, но и не земледѣльцемъ, работающимъ на данной землѣ: дифференціальная рента есть продуктъ общихъ условій земледѣльческаго хозяйства въ данномъ районѣ и ростъ ея есть естественный результатъ развитія и роста всего общества. Проведеніе новой желѣзной дороги, во много разъ повышаетъ земельную ренту прилегающей мѣстности, безъ всякихъ усилій со стороны земледѣльца. Вообще, такъ какъ земля не создаетъ земледѣльцемъ, то, очевидно, и избыточный доходъ съ земли не можетъ быть продуктомъ труда этого земледѣльца.

Дифференціальная земельная рента составляетъ, какъ сказано, неустранимый результатъ естественныхъ условій

земледѣльческаго производства и потому исчезнуть не можетъ. Если бы вся земля извѣстной страны была признана собственностью государства, это не оказало бы никакого вліянія на высоту дифференціальной земельной ренты въ этой странѣ; перемѣнились бы только лица, получающія ренту — она стала бы поступать въ пользу государства, а не частныхъ землевладельцевъ, но нисколько не уменьшилась бы по своимъ размѣрамъ.

Иной характеръ имѣетъ та часть арендной платы, которую я назвалъ монопольной рентой. Эта рента есть продуктъ не естественныхъ, но всецѣло социальныхъ условій земледѣльческаго производства. Ключекъ помещичьей земли отрѣзываетъ крестьянскій скотъ отъ рѣки. Быть можетъ, эта земля — одинъ песокъ и непригодна ни для какой культуры. Если бы крестьяне владѣли этой землей, то они не могли бы извлечь изъ нея никакой выгоды. Но въ рукахъ помещика ключекъ этотъ можетъ явиться источникомъ весьма значительнаго дохода, такъ какъ, владѣя имъ, помещикъ можетъ препятствовать крестьянамъ пользоваться рѣкой и, чтобы избавиться отъ этого препятствія, крестьяне соглашались платить помещику значительную сумму денегъ. Рента, поступающая съ такого участка, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ дифференціальной рентой, вытекающей изъ естественныхъ преимуществъ производительности почвы.

Поскольку плата за продовольственную аренду превышаетъ плату за предпринимательскую, капиталистическую, постольку эта избыточная арендная плата является монопольной рентой, результатомъ эксплуатаціи производительности почвы. Какъ извѣстно, нашъ крестьянинъ собираетъ не больше, а меньше продукта съ почвы, чѣмъ предприниматель-капиталистъ; почему же онъ платитъ за землю больше? Очевидно, потому, что онъ больше нуждается въ землѣ, потому, что онъ вынужденъ отсутствіемъ постороннихъ заработковъ и недостаточностью собственной земли отказываться въ пользу помещика не только отъ дифференціальной ренты съ этой земли, но и отъ всей прибыли на затрачиваемый имъ сельскохозяйственный капиталъ, и даже отъ части своей заработной платы. Помещикъ, пользуясь своей экономической мощью, присваиваетъ при отдачѣ земли крестьянину значительно большую долю земле-

дѣльческаго продукта, чѣмъ онъ могъ бы присвоить при отдачѣ земли болѣе сильному капиталисту-арендатору. Конечно, послѣдній никогда не согласился бы на такой дѣлежъ, на который принужденъ идти орловскій крестьянинъ—оставлять себѣ солому, а помѣщику отдавать зерно.

Чрезвычайный ростъ земельныхъ цѣнъ, наблюдавшійся за послѣднее десятилѣтiе почти повсемѣстно въ Россiи, былъ вызванъ ростомъ не столько дифференціальной, сколько монопольной ренты. Крестьянское населенiе возрасло, нужда въ землѣ увеличилась—и мужикъ сталъ довольствоваться еще меньшей долей вырабатываемаго продукта, чѣмъ прежде. Поэтому возрасла и цѣна земли. Вотъ, напр., данныя за 6 лѣтъ для Полтавской губерніи относительно условiй сѣмки помѣщичьей земли крестьянами съ копны (изъ доли урожая):

Г О Д Ы.	Доля владѣльца (число случаевъ на 100).			Кромѣ того случаевъ до- плата (число случаевъ на 100).
	$\frac{1}{2}$	$\frac{2}{5}$	$\frac{1}{3}$	
1895	72	5	23	32
1896	73	5	22	37
1897	74	4	22	33
1898	84	3	13	точныхъ данныхъ нѣтъ.
1899	86	3	11	42
1900	86	4	10	45

Мы видимъ, что процентъ случаевъ, когда доля владѣльца составляетъ половину всего урожая, за 6 лѣтъ значительно увеличился, а процентъ случаевъ, когда владѣльцу остается лишь $\frac{1}{3}$ урожая, уменьшился; одновременно увеличился и процентъ случаевъ, когда владѣлецъ, не довольствуясь долей урожая, требуетъ еще денежной доплаты.

На ростѣ крестьянскаго малоземелья, крестьянской бѣдности и нищеты, строится богатство помѣщика, монопольная рента котораго увеличивается, а, соотвѣтственно этому, увеличивается и цѣна земли. Соціальный смыслъ и значеніе роста дифференціальной ренты и монопольной ренты не только различенъ, но даже противоположенъ. Ростъ дифференціальной ренты указываетъ на прогрессъ земледѣлія, на переходъ къ болѣе интенсивному и производи-

тельному хозяйству, иначе говоря, на ростъ народнаго богатства. Напротивъ, ростъ монопольной ренты свидѣтельствуется лишь о растущей нуждѣ крестьянина въ землѣ, объ отсутствіи у него постороннихъ заработковъ, о слабомъ развитіи промышленности, о народномъ обѣднѣніи.

Дифференціальная рента неустранима и высота ея не можетъ быть уменьшена государственной властью. Напротивъ, монопольная рента есть огромное соціальное зло, съ которымъ государство можетъ и должно бороться.

Монопольная рента указываетъ на нужду крестьянина въ землѣ. Подъ влияніемъ этой нужды крестьянинъ готовъ бѣжать хоть на край свѣта, лишь бы основать свое самостоятельное хозяйство. Въ Россійской Имперіи имѣются необъятныя пространства слабо заселенной или совсѣмъ незаселенной земли. Одна Сибирь могла бы, повидимому, дать мѣсто для многихъ сотенъ милліоновъ переселенцевъ. Неудивительно, что широкая организація переселенія долгое время казалась русскому обществу самымъ дѣйствительнымъ средствомъ рѣшенія нашего аграрнаго вопроса.

Однако, въ настоящее время нельзя предаваться на этотъ счетъ прежнимъ оптимистическимъ иллюзіямъ. Какъ ни много въ разныхъ частяхъ Азіатской Россіи пустыющей земли, земли пригодной для заселенія сравнительно мало. Лучшимъ знатокомъ переселенческаго вопроса является у насъ, безспорно, А. А. Кауфманъ. И вотъ къ какому заключенію приходитъ этотъ превосходный изслѣдователь въ своей новѣйшей работѣ «Переселеніе и колонизація»: «въ распоряженіи государства,—говоритъ онъ,—имѣется лишь очень немного—по сравненію съ потребностью—земель, годныхъ для переселенцевъ изъ наиболѣе нуждающейся въ улучшеніи условій крестьянскаго землевладѣнія черноземной полосы; при этомъ переселеніе связано съ колоссальнымъ рискомъ,—полную неудачу претерпѣваетъ въ настоящее время, по меньшей мѣрѣ, половина всѣхъ переселяющихся; переселеніе, унося ничтожную долю годичнаго прироста населенія въ малоземельныхъ мѣстностяхъ, не только не можетъ привести къ разжиженію населенія и къ удаленію его избытка, но неспособно даже задержать дальнѣйшаго ухудшенія этихъ условій и дальнѣйшаго обостренія кризиса крестьянскаго хозяйства».

Ежегодный приростъ населенія Россіи равняется, приблизительно, двумъ миллионамъ душъ. Между тѣмъ, число переселенцевъ въ Сибирь достигло въ 1896 г. своего максимума—186 тысячъ душъ,—а затѣмъ стало падать и въ послѣдніе годы (до войны, приостановившей переселеніе совсѣмъ) упало значительно ниже 100 тысячъ въ годъ. Въ настоящее время въ коренной Сибири почти единственнымъ колонизаціоннымъ фондомъ являются таежныя земли, среди дѣвственныхъ лѣсовъ которыхъ имѣются участки, пригодные для заселенія. Этихъ земель, безъ сомнѣнія, чрезвычайно много, но дѣло въ томъ, что огромное большинство переселенцевъ селиться на нихъ отказывается. «Лѣсныя земли не соотвѣтствуютъ хозяйственнымъ потребностямъ и привычкамъ преобладающей массы переселенцевъ... лѣсные участки сколько-нибудь охотно заселяются только выходцами изъ лѣсныхъ районовъ, и вовсе не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ, пригодный для переселенцевъ изъ южной и даже, въ значительной мѣрѣ, изъ средней Россіи—т.-е., именно изъ тѣхъ районовъ, которые до сихъ поръ даютъ еще подавляющее большинство переселенцевъ».

Правда, коренной Сибирью не исчерпываются мѣста, куда могутъ направиться переселенцы. Въ Киргизскихъ степяхъ имѣются также земли для заселенія, и, къ тому же, земли степныя. Но этихъ земель, сравнительно, не много. «За 11 лѣтъ форсированныхъ землеотводныхъ работъ общая площадь образованныхъ участковъ не достигла даже трехъ миллионъ десятинъ... и эти области ни въ какомъ случаѣ—предполагая данныя или могуція быть предвидѣнными сельскохозяйственно-техническими и экономическими условіями—не дадутъ еще такой же площади земель, годныхъ для крестьянской колонизаціи».

Приамурскій и Уссурийскій край, несмотря на свои естественныя богатства, также не пригодны для большинства переселенцевъ, благодаря лѣсному характеру земель.

«Приамурье не можетъ служить приемникомъ для большихъ массъ переселенцевъ изъ тѣхъ южныхъ, малорусскихъ, вообще черноземныхъ губерній, для которыхъ теперь уже окончательно закрыта предбайкальская Сибирь».

Заселеніе Туркестана русскими переселенцами встрѣ-

чаетъ препятствіе въ недостаткѣ воды; кромѣ того, права и интересы мѣстнаго населенія не допускаютъ широкой колонизаціи изъ Россіи. Точно также «русская колонизація Закавказья неизбежно столкнулась бы съ насущными земельными правами и интересами туземнаго населенія; сравнительно ограниченному туземному фонду Закавказскаго края противустоить многочисленное безземельное и мало-земельное мѣстное населеніе, насущнѣйшія нужды котораго, конечно, не могутъ быть принесены въ жертву интересамъ русскаго переселенія».

Въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи имѣются огромныя площади пустующихъ казенныхъ земель; но это опять-таки лѣса, въ которыхъ не станутъ селиться крестьяне черноземныхъ губерній. И, такимъ образомъ, перебравъ одинъ за другимъ все районы Россійской Имперіи, мы приходимъ къ убѣжденію, что надежду уменьшить путемъ переселенія земельную тѣсноту въ коренной Россіи слѣдуетъ признать совершенно несбыточной: переселеніе не только не можетъ разрѣдить русскаго земледѣльческаго населенія (какъ, напр., разрѣдилось земледѣльческое населеніе Ирландіи, благодаря эмиграціи), но оно даже не можетъ существенно ослабить неизбежный ростъ земельной тѣсноты, благодаря приросту населенія. «Переселеніе,—говоря словами А. А. Кауфмана,—оказывая иногда ощутительное вліяніе на ту или иную общину, волость, быть можетъ, на уѣздъ, откуда населеніе уходитъ на новыя мѣста замѣтная часть населенія, представляетъ собой нуль, *quantité negligible*, съ точки зрѣнія общаго хода развитія русскаго хозяйства. Оно безсильно стать факторомъ этого развитія, а остается лишь болѣзненнымъ симптомомъ его не нормальнаго положенія—наружнымъ страданіемъ, происходящимъ отъ глубокихъ внутреннихъ причинъ».

Итакъ, крестьянское малоземелье не можетъ быть устранено широкой организаціей переселенія, за неимѣніемъ свободныхъ и пригодныхъ для этой цѣли колонизаціонныхъ земель. Добровольная покупка крестьянами частновладѣльческой земли при посредствѣ, напр., Крестьянскаго банка является столь же неэффективнымъ средствомъ борьбы съ малоземельемъ. За все время двадцатитрехлѣтняго существованія Крестьянскаго банка крестьяне увеличили площадь своего землевладѣнія при посредствѣ банка лишь

нѣсколько болѣе, чѣмъ на 7 милліоновъ десятиныхъ, т.-е., менѣе, чѣмъ на 6⁰/о своей надѣльной площади. Разумѣется, и такое увеличеніе не является величиной ничтожной. Но плохо то, что по самой силѣ вещей, какъ учрежденіе кредитное, ведущее свои операціи на коммерческомъ основаніи, банкъ, съ одной стороны, оказываетъ помощь лишь болѣе состоятельной части крестьянъ, съ другой же стороны, оказываетъ эту помощь на условіяхъ для крестьянъ весьма убыточныхъ. Существованіе доплатъ препятствуетъ бѣднѣйшей части крестьянства пользоваться услугами банка; а принципъ добровольнаго соглашенія покупателя и продавца, лежащій въ основаніи всей дѣятельности банка, ведетъ къ повышенію цѣны земли, покупаемой при посредствѣ банка. Хотя основной причиной повышенія земельныхъ цѣнъ за послѣдніе годы въ Россіи являются такія коренныя причины, какъ, напр., ростъ монопольной ренты землевладѣльцевъ, подъ вліяніемъ роста земельной тѣсноты, все же не подлежитъ сомнѣнію, что и Крестьянскій банкъ не мало содѣйствовалъ этому результату, создавая усиленный спросъ на продаваемую землю. Крестьянскій банкъ гораздо болѣе помогаль дворянамъ, давая имъ возможность по высокимъ цѣнамъ ликвидировать свое землевладѣніе, чѣмъ крестьянской массѣ, которая несла на себѣ послѣдствія вздорожанія земельныхъ цѣнъ.

Итакъ, чѣмъ же помочь крестьянину, голодающему на своемъ надѣлѣ? Въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ очень популярна мысль, что не расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, а переходъ къ болѣе интенсивной системѣ земледѣлія, поднятіе производительности земледѣльческаго труда является истиннымъ выходомъ изъ современнаго тяжелаго состоянія нашей деревни. Крайняя отсталость нашего крестьянскаго хозяйства вполне очевидна и, конечно, нельзя отрицать необходимости поднятія его въ техническомъ отношеніи. Мало того, совершенно ясно, что поднятіе техники земледѣлія обѣщаетъ дать нашему крестьянину несравненно больше, чѣмъ любое, практически возможное, расширеніе его землевладѣнія, ибо и существующій у насъ надѣлъ, при той степени производительности труда, которая достигается, напр., бельгійскимъ крестьяниномъ, былъ бы вполне достаточенъ для зажиточнаго крестьянскаго хо-

зяйства. 5—6 десятиныхъ на дворъ показали бы бельгійскому крестьянину цѣлымъ земельнымъ богатствомъ. Итакъ, необходимо всѣми силами, неослабно и неумолимо, стремиться къ повышенію производительности труда крестьянина; объ этомъ уже хлопочетъ земство и когда оно получить свободу дѣятельности, тогда его мѣропріятія въ этомъ отношеніи должны пріобрѣсть несравненно болѣе широкій размахъ. Но все же, противопоставленіе улучшенія земледѣльческой техники расширенію площади землепользованія кажется мнѣ, въ данномъ случаѣ, величайшей ошибкой. Необходимо *и* поднятіе техники *и* расширеніе землепользованія, а не поднятіе техники *или* расширеніе землепользованія. Одно не исключаетъ, но восполняетъ, или даже требуетъ другого. Безземельнымъ или владѣльцамъ нищенскихъ надѣловъ нужно, прежде всего, получить землю, а потому уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки. Для крестьянъ, ведущихъ хозяйство въ большей или меньшей части на арендуемой землѣ, самыя условія краткосрочной аренды дѣлаютъ невозможнымъ интенсивное земледѣліе. Условія землепользованія кладутъ въ этомъ случаѣ непреодолимую преграду техническому прогрессу. Лишеніе крестьянъ выгоновъ и сѣнокосовъ точно также самымъ дѣйствительнымъ образомъ препятствуетъ улучшенію крестьянскаго скотоводства. Малоземелье, ведущее къ тому, что крестьяне чрезмѣрно расширяютъ площадь своей запашки, или даже распахиваютъ всю землю сплошь, уничтожаютъ сѣнокосъ и, наконецъ, самое паровое поле, не давая землѣ отдыхать и тѣмъ въ конецъ ее истощая, какъ это практикуется во многихъ уѣздахъ Полтавской губерніи, гдѣ крестьяне, подъ вліяніемъ малоземелья, переходятъ отъ трехполья къ пестрополью, есть само по себѣ причина регресса земледѣльческой техники. Извѣстно, какимъ препятствіемъ для развитія крестьянскаго травосѣянія является ограниченность крестьянскаго надѣла; именно эта причина мѣшаетъ, по словамъ московскихъ земскихъ агрономовъ, введенію травосѣянія во многихъ общинахъ Московской губерніи.

Вообще для поднятія техники земледѣлія требуется извѣстный достатокъ, требуется средства, капиталъ; кто едва существуетъ впроголодь на распаханномъ клочкѣ

земли, тому поневоля приходится оставить всякія мечты о рациональной культурѣ. Получается порочный кругъ: чтобы выбиться изъ нужды, для этого нужно поднять технику земледѣлія, а чтобы поднять технику земледѣлія, для этого нужно выбиться изъ нужды. Увеличеніе площади землепользованія и есть выходъ изъ этого круга.

Впрочемъ, и помимо этого ясно, что какова бы ни была агрономическая техника, съ 10 десятинъ земли крестьянинъ будетъ больше собирать, чѣмъ съ 5 десятинъ; иными словами, выигрышь крестьянина отъ расширенія площади землепользованія останется во всякомъ случаѣ, какъ бы ни измѣнялась техника его хозяйства. Нужно, какъ я сказалъ, всѣми силами стремиться къ поднятію производительности крестьянскаго труда; но нужно, кромѣ того, и расширить площадь крестьянскаго землепользованія, нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно. Голодающій человекъ проситъ у васъ хлѣба, а вы ему говорите о могуществѣ и пользѣ знанія, о выгодахъ, которыя онъ получитъ, ставши человекомъ образованнымъ. Въмѣсто куска хлѣба въ ротъ, вы суете ему въ руки книгу. Но что бы ни было въ вашей книгѣ, какія бы золотыя слова въ ней ни были написаны, какія бы важныя, святыя, высокія и полезныя истины въ ней ни провозглашались, она камень въ рукахъ голоднаго и онъ будетъ правъ, если швырнетъ ее вамъ обратно въ лицо.

Итакъ, непосредственное чувство, подсказывающее нашему народу, что въ данный моментъ ему нужна прежде всего земля, и что ничто ему этой земли замѣнить не можетъ, въ своей основѣ совершенно вѣрно. Откуда же взять мужику землю?

Земельная собственность распредѣлялась въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи въ началѣ 90-хъ годовъ слѣдующимъ образомъ*):

*) По даннымъ „Свода статистическихъ матеріаловъ, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи“. 1894. Изд. Канцеляріи Комитета Министровъ.

Удобныя:	Милліоны десятинъ:
Земли крестьянскія надѣльныя	125,1
„ купленныя крестьянами	5,7
„ владѣльческія	96,1
„ казенныя и удѣльныя	130,3

Крестьянская надѣльная земля составляетъ около $\frac{1}{3}$ территории Европейской Россіи. Государственныя земли превышаютъ по своей площади надѣльныя земли крестьянъ и представляютъ собой, казалось бы, естественный фондъ для удовлетворенія нужды крестьянъ въ землѣ. Но, къ сожалѣнію, почти вся казенная и удѣльная земля находится, какъ выше указано, подъ лѣсомъ и расположена въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, почему она такъ же непригодна для заселенія ея крестьянами, какъ и дѣвственная тайга Сибири. Что же касается до казенныхъ и удѣльныхъ земель, пригодныхъ для земледѣльческой культуры, то ихъ площадь достигаетъ, по тѣмъ же даннымъ, всего на всего 5,8 милліоновъ десятинъ. Большая часть этой, сравнительно ничтожной, площади располагается въ Самарской, Астраханской, Херсонской и Пермской губерніяхъ и служитъ аренднымъ фондомъ для мѣстнаго крестьянскаго населенія. Во всѣхъ названныхъ губерніяхъ имѣются многочисленныя группы безземельныхъ крестьянъ, которыя естественнѣе всего и могутъ предъявлять притязанія на эти земли. Для массы же русскаго крестьянства земли эти, очевидно, недоступны.

Такимъ образомъ, ни о какомъ серьезномъ расширеніи крестьянскаго землепользованія не можетъ быть и рѣчи, если не касаться частновладѣльческихъ земель. Только частныя владѣльцы располагаютъ въ Россіи обширной площадью пригодной для сельскохозяйственной культуры земли, которая могла бы облегчить все растущую земельную нужду крестьянъ.

Что же такое представляетъ собой эта площадь частновладѣльческой земли, приблизительно, въ 100 милліоновъ десятинъ (включая сюда и земли, купленныя крестьянами)?

Нижеслѣдующая таблица характеризуетъ распредѣленіе частнаго землевладѣнія по размѣрамъ землевладѣнія и числу владѣльцевъ въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи (кромѣ Области Войска Донскаго). Эти данныя, собранныя

при земельной переписи 1878 г. и обработанные центральнымъ статистическимъ комитетомъ, являются, понынѣ, несмотря на свою устарѣлость, единственными данными этого рода для всей Россіи *).

Размѣръ владѣнія на владѣльца.	Число владѣльцевъ въ тысячахъ.	Въ % къ общему числу владѣльцевъ.	Владѣмая площадь земли въ тысячахъ десятинъ.	Въ % къ общей площади.
До 50 десятинъ	378	77,6	4,130	4,6
От 50—200 десятинъ	56	11,5	5,713	6,2
„ 200—500 „	24	5	7,951	8,7
„ 500—1000 „	13	2,7	9,218	10,1
Свыше 1000 „	16	3,2	64,308	70,4
Всего	488	100	91,321	100

Такимъ образомъ, болѣе $\frac{2}{3}$ частновладѣльческой земли было сосредоточено въ 1878 г. въ рукахъ владѣльцевъ очень крупныхъ имѣній, превышающихъ 1000 десятинъ на владѣніе. Въ то же время число этихъ владѣльцевъ было ничтожно и равнялось всего 16 тысячамъ. Напротивъ, число владѣльцевъ, имѣнія которыхъ не превышаютъ 50 десятинъ, было сравнительно велико,—ихъ насчитывалось 378 тысячъ,—а площадь земли, находящаяся въ ихъ владѣніи, не достигала и $\frac{1}{20}$ всей частновладѣльческой земельной площади.

Землевладѣніе до 50 десятинъ на владѣніе принято относить въ нашихъ земскихъ статистическихъ сборникахъ къ разряду мелкаго землевладѣнія. Среди владѣній этой группы значительно преобладаютъ владѣнія ниже 20 десятинъ. Общій характеръ земледѣльческаго хозяйства въ этихъ владѣніяхъ приближается къ трудовому крестьянскому. Такъ, по словамъ составителей «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Курской губерніи», «на мелкихъ участкахъ (до 50 десятинъ) возможно хозяйство только при личномъ трудѣ и при участіи семейныхъ работни-

*) См. Приложение къ очерку Каблукова „Значеніе хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія въ Европейской Россіи“ въ извѣстной книгѣ „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. Т. I.

ковъ, что составляетъ отличительный признакъ крестьянскаго хозяйства». Имѣнія этого типа принадлежатъ преимущественно крестьянамъ и служатъ, по словамъ одного земскаго сборника, «идеаломъ для большинства сельскаго (крестьянскаго) населенія». Составители статистическаго сборника по Мценскому уѣзду говорятъ, что «мелкое землевладѣніе (до 50 десятинъ), главнѣйшимъ представителемъ котораго является крестьянскій элементъ, въ хозяйственномъ отношеніи нисколько не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго хозяйства». Точно также въ Лубенскомъ уѣздѣ «мелкія хозяйства въ имѣніяхъ, не превышающихъ по своимъ размѣрамъ 50 д., отличаясь во многихъ отношеніяхъ отъ хозяйствъ болѣе крупныхъ имѣній, представляютъ весьма мало разницы съ хозяйствами крестьянскими и казачьими». «Мелкіе владѣльцы занимаютъ немного земли... Средній участокъ земли, приходящійся на 1 мелкое владѣніе (16,3 д.) очень близокъ къ участку, принимаемому за нормальный рабочій участокъ, который соответствуетъ рабочей силѣ средней семьи». Въ такомъ же родѣ характеризуютъ мелкое землевладѣніе и другіе земскіе статистическіе сборники, въ виду чего все это землевладѣніе можно разсматривать, какъ высшую границу трудового, крестьянскаго хозяйства.

Приведенная выше таблица распредѣленія частнаго землевладѣнія страдаетъ, какъ сказано, весьма существеннымъ недостаткомъ: она устарѣла болѣе, чѣмъ на четверть столѣтія. Эти четверть вѣка шла усиленная мобилизація земли и притомъ, преимущественно, въ одномъ направленіи: мелкое землевладѣніе расло на счетъ средняго и крупнаго. Поэтому не можетъ быть сомнѣнія, что въ настоящее время частное мелкое землевладѣніе не играетъ у насъ такой ничтожной роли, какъ въ концѣ 70-хъ годовъ закончившагося вѣка. Къ сожалѣнію, болѣе новой статистики распредѣленія землевладѣнія по размѣрамъ владѣнія въ Россіи, какъ сказано, не существуетъ.

Однако, кое-какое представление о современномъ положеніи вещей получить все же возможно. По отдѣльнымъ губерніямъ у насъ имѣются вполне свѣжія данныя о распредѣленіи частнаго землевладѣнія. Сравнивши эти данныя съ данными поземельной статистики 1878 г. мы мо-

жемъ судить о размѣрѣ происшедшихъ измѣненій по этимъ губерніямъ, а отсюда можемъ сдѣлать заключеніе и относительно всей Россіи.

Въ результатѣ такихъ сравненій цифровыхъ данныхъ, которыхъ я приводить не буду, я прихожу къ заключенію, что мелкое (до 50 десятинъ) вѣнадѣльное землевладѣніе охватываетъ теперь во всей Россіи никакъ не болѣе 20 милліоновъ десятинъ, и что, слѣдовательно, на долю крупнаго и средняго землевладѣнія приходится въ Россіи около 80 (вѣроятно, болѣе) милліоновъ десятинъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что при посредствѣ Крестьянскаго банка крестьяне купили, какъ сказано, всего около 7 милліоновъ десятинъ, и хотя крестьянскія покупки помимо банка превосходятъ покупки черезъ банкъ, тѣмъ не менѣе, въ виду того, что при покупкахъ помимо банка земли нерѣдко остаются въ крупномъ владѣніи, можно думать, что расширеніе мелкаго землевладѣнія произошло за истекшее время преимущественно при посредствѣ Крестьянскаго банка.

Итакъ, земельныя отношенія Россіи складываются въ слѣдующую картину. Самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ страны является государство, но изъ огромной площади государственныхъ земель только ничтожная доля пригодна для обработки. Площадь надѣльнаго крестьянскаго землевладѣнія значительно превосходитъ площадь частнаго землевладѣнія. Частная земельная собственность сконцентрирована, главнымъ образомъ, въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ. Средній крестьянинъ не имѣетъ возможности удовлетворить свои продовольственныя потребности хозяйствомъ на своей собственной землѣ и долженъ пріарендовать землю у крупнаго землевладѣльца. Нужда въ арендуемой землѣ, по мѣрѣ роста земледѣльческаго населенія, не находящаго занятія въ городѣ и промышленности, быстро растетъ и выраженіемъ этого роста земельной тѣсноты является быстрый ростъ арендныхъ цѣнъ, особенно при продовольственной арендѣ.

ГЛАВА VII.

«Земля—народу».

У насъ долго и много спорили по вопросу о своеобразіи условій историческаго развитія Россіи. Спорили западники и славянофилы, затѣмъ, со времени Чернышевскаго, споръ на время прекратился. Казалось, что русская общественная мысль достигла такой точки зрѣнія, съ которой разногласіе западниковъ и славянофиловъ упразднялось и исчезало само собой.

Таково было мнѣніе самого Чернышевскаго и всего общественнаго направленія, примыкавшаго и примыкающаго къ нему.

Въ 70-е годы это направленіе, казалось, рѣшительно побѣдило; оно выдвинуло не только рядъ блестящихъ талантовъ во всѣхъ областяхъ мысли, но и общественныхъ борцовъ удивительной душевной силы и красоты.

Врядъ ли какая-либо нація, въ какую либо эпоху своего существованія, создавала людей болѣе высокаго типа, болѣе благороднаго и чистаго духовнаго облика, чѣмъ незабвенные герои русской свободы, революціонные вожди 70-хъ годовъ. По истинѣ, это было чудное время, время великихъ надеждъ и великихъ дерзновеній, смѣлой и героической юности, трагическая красота которой стала еще болѣе ослѣпительной, благодаря терновому вѣнцу, который, вмѣсто побѣднаго лавра, осѣнилъ чело побѣжденныхъ героевъ.

Эпоха 70-хъ годовъ характеризовалась объединеніемъ передовой русской интеллигенціи, представлявшей собой, въ общемъ, нераздѣльный и дружный боевой станъ. Затѣмъ послѣдовала черная полоса 80-хъ годовъ и нако-

нецъ новый подъемъ. Но прежнее единство не вернулось. Забытый споръ западниковъ и славянофиловъ разгорѣлся въ новомъ видѣ и съ новой силой и наша передовая интеллигенція раскололась на два враждующихъ лагеря—народниковъ и марксистовъ.

Но это не было простымъ воскрешеніемъ стараго разногласія. Марксисты—идеологи пролетаріата и международнаго социализма—имѣютъ мало общаго съ прежними западниками, въ значительной мѣрѣ либеральными помѣщиками. Все же марксизмъ былъ законнымъ наслѣдникомъ стараго западничества въ томъ смыслѣ, что и то и другое направленіе относилось съ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ идеѣ о возможности для Россіи итти своимъ особымъ путемъ, отличнымъ отъ историческаго хода Запада. Марксисты, какъ и западники, ожидали, что Россія въ своемъ историческомъ развитіи должна воспроизводить западноевропейское развитіе, что русская общественная и хозяйственная жизнь должна уложиться въ тѣ же формы, которыя уже теперь господствуютъ на опередившемъ насъ Западѣ. Въ этомъ отношеніи между марксизмомъ и западничествомъ наблюдается, несомнѣнно, полное сходство.

Иное нужно сказать о народничествѣ. Если марксисты, хотя въ одномъ, болѣе формальномъ, отношеніи, могутъ быть сближены съ западниками, то такъ называемые народники 70-хъ годовъ ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть отождествлены со славянофилами. И въ этомъ отношеніи—нужно это твердо признать—марксисты сильно погрѣшили передъ истиной, упорно сближая народниковъ со славянофилами. Русская жизнь представляетъ собою цѣлый рядъ глубокихъ отличій отъ западноевропейской. Отличія эти въ политической области выражаются—или выражались еще очень недавно—въ существованіи у насъ самодержавія; въ экономической области—въ широкомъ распространеніи у насъ многихъ экономическихъ формъ, давно исчезнувшихъ на Западѣ, среди которыхъ первое мѣсто по своему социальному значенію принадлежитъ земельной общинѣ. Вообще русскій хозяйственный строй во многихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ хозяйственнаго строя передовыхъ странъ Запада. Славянофилы одинаково идеализировали какъ общественныя, такъ и поли-

тическія особенности русской жизни. Отстаивая русскую общину, они идеализировали и самодержавіе, отвергая политическую свободу Запада. Напротивъ, то направленіе, духовнымъ отцомъ котораго былъ Чернышевскій, выдвинуло самыхъ непоколебимыхъ борцовъ за политическую свободу и самыхъ упорныхъ враговъ самодержавнаго деспотизма. Но въ то же время, исходя изъ совершенно чуждаго славянофиламъ социалистическаго идеала, направленіе это усмотрѣло въ общинѣ и въ нашей экономической отсталости вообще благоприятное условіе для осуществленія социалистическаго строя. Такимъ образомъ, названное направленіе, ведя беспощадную борьбу съ политическими формами русской жизни, признало желательнымъ сохраненіе нѣкоторыхъ особенностей нашего хозяйственнаго строя.

Общественные идеалы народниковъ 70-хъ годовъ имѣли такъ же мало общаго со славянофильскими идеалами, какъ эти послѣдніе съ идеалами марксизма. Народничество, какъ и марксизмъ, являются, прежде всего, направленіями социалистическими. И если народничество дорожило общиной и другими формами трудового хозяйства, то лишь ради социалистическихъ элементовъ, которые оно усматривало въ нихъ.

И потому народники имѣли полное основаніе протестовать противъ сближенія ихъ со славянофилами, къ чему обычно прибѣгали марксисты. Несмотря на всю рѣзкость полемики марксистовъ съ народниками, дѣйствительное разногласіе между тѣмъ и другимъ направлениемъ отнюдь не было глубокимъ и принципиальнымъ. Славянофилы и западники хотѣли разнаго, любили и ненавидѣли противоположныя общественныя начала; напротивъ, народники и марксисты боролись и умирали за одно и то же, имѣли одну и ту же социальную вѣру. И потому ихъ споръ былъ споромъ братьевъ, соратниковъ, а не враговъ.

И народники, и марксисты одинаково виноваты въ томъ, что разногласіе, всего менѣе принципиальное по существу, превратилось въ ожесточенную идейную борьбу. Встрѣченныя крайне враждебно при своемъ первомъ появленіи въ русской литературѣ, марксисты объявили о своемъ «отказѣ отъ наслѣдства»—о полномъ разрывѣ духовной связи съ

предшествовавшим поколѣніемъ русской интеллигенціи. Послѣдовавшая литературная борьба прошла далеко не безплодно для русской общественной мысли и многое выяснила; но она была глубоко вредна въ томъ отношеніи, что она раздѣлила силы русской интеллигенціи и духовно ослабила ее.

Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи. Марксисты утверждали, что Россія втянута, подобно Западу, въ процессъ капиталистическаго развитія и что этотъ процессъ имѣетъ прогрессивный характеръ; что въ Россіи, какъ и на Западѣ, капиталистическое производство должно стать господствующей формой хозяйства, а пролетаріатъ долженъ стать единственнымъ борцомъ за социалистическій идеалъ. Народники отрицали частью самую возможность развитія въ Россіи капиталистическаго производства, частью прогрессивный характеръ такого развитія. Земельная община и артель казались имъ хозяйственными формами, изъ которыхъ могли бы, при благоприятныхъ условіяхъ, развиваться основы социалистическаго строя, а въ борьбѣ за социализмъ должна была принять, въ Россіи, по ихъ мнѣнію, выдающееся участіе, кромѣ пролетаріата, также внѣклассовая интеллигенція и, въ особенности, крестьянство, правосознаніе котораго еще не утратило социалистическихъ элементовъ.

Теоретическій споръ не привелъ къ примиренію и обѣ стороны, по обыкновенію, торжествовали побѣду. Но жизнь не замедлила обнаружить, кто и въ чемъ былъ правъ и неправъ. Жизнь показала, прежде всего, что спорить о возможности капиталистической промышленности въ Россіи неумѣстно потому, что наличность у насъ этой промышленности и ея быстрого роста составляетъ очевидный, непререкаемый фактъ. Такимъ же непререкаемымъ фактомъ явилась революціонная сила промышленнаго пролетаріата, созданнаго, какъ особый классъ, развитіемъ промышленнаго капитализма. Съ другой стороны, та же жизнь доказала, что въ области земледѣлія ничего похожего на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяйствомъ не наблюдается; наоборотъ, крестьянское хозяйство вытѣсняетъ капиталистическое. Точно также и община не только не исчезла подъ вліяніемъ проникнове-

нія въ деревню товарнаго хозяйства, но обнаружила большую устойчивость и способность къ дальнѣйшему развитію. Появленіе на политической аренѣ пролетаріата не лишило значенія социалистическую интеллигенцію и, наконецъ, за самое послѣднее время, главнымъ дѣятелемъ грандіознаго революціоннаго процесса, переживаемаго теперь Россіей, выступилъ тотъ общественный классъ, на который народники возлагали свои главныя надежды — крестьянство.

Такимъ образомъ, и народники, и марксисты могутъ усматривать въ фактахъ нашего экономическаго и социальнаго развитія за послѣдніе годы блестящее подтвержденіе своего теоретическаго прогноза. Жизнь опровергнула только одно — теоретическую узость доктринеровъ народничества и марксизма, ихъ исключительность и взаимное отрицаніе. Русская жизнь оказалась такъ широка, что въ ней нашлось мѣсто какъ для пролетаріата, такъ и для прогрессивнаго крестьянства, какъ для типичнаго капиталистическаго развитія, такъ и для своеобразныхъ формъ хозяйственной кооперации трудового типа, какъ для марксизма, такъ и для народничества.

Во всякомъ случаѣ, народники оказались правы, настаивая на своеобразіи русскихъ экономическихъ отношеній и русскаго экономическаго развитія. Нужно даже пойти дальше. Только въ области промышленнаго развитія различныхъ странъ наблюдается извѣстное сходство типическихъ чертъ, позволяющее говорить о единомъ типѣ развитія, общемъ для всѣхъ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ. Капиталистическая промышленность развивается по сходному типу во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ — вездѣ наблюдается концентрація и централизація производства, ростъ акціонерныхъ компаній, и пр., и пр., составляющее то, что Марксъ называлъ законами капиталистическаго развитія. Въ этомъ отношеніи Россія не составляетъ исключенія и подчиняется этимъ законамъ (поскольку дѣло идетъ о промышленности) точно такъ же, какъ и всѣ остальные капиталистическія страны. Совсѣмъ другое аграрныя отношенія и аграрное развитіе. Они не укладываются ни въ какой общій типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны. Въ различныхъ странахъ наблюдаются самыя разнообразныя сочетанія всевозможныхъ

формъ земледѣльческаго хозяйства. Русское аграрное развитіе уже потому не можетъ идти по западно европейскомъ типу, что ничего, сколько-нибудь похожаго на этотъ типъ, не существуетъ. Что общаго между аграрными отношеніями и аграрнымъ развитіемъ Англии и Франціи, или Ирландіи и Бельгіи, или даже, въ предѣлахъ того же государства, сѣвера и юга Германіи? Въ Ирландіи происходитъ грандіозное раздробленіе крупной земельной собственности, въ то время какъ въ Англии она упорно сохраняется въ тѣхъ же рукахъ, а во Франціи и въ большей части Германіи стойко держится и растетъ насчетъ крупнаго крестьянское землевладѣніе.

Невозможность подчинить какой бы то ни было общей схемѣ аграрное развитіе различныхъ странъ признается въ настоящее время всѣми серіозными экономистами, какъ марксистами, такъ и не марксистами. Поэтому, нисколько не удивительно, что и русскія аграрныя отношенія и русское аграрное развитіе весьма своеобразны и не похожи на таковыя же отношенія и развитіе другихъ странъ.

Однѣми чертами своего аграрнаго строя Россія напоминаетъ Ирландію, другими—Италію или Францію, существенно отличаясь, однако, отъ нихъ всѣхъ. Глубокое своеобразие русскихъ аграрныхъ отношеній доказывается до очевидности уже тѣмъ, что только въ Россіи лозунгъ «земля — народу!» оказался способнымъ взволновать до самаго дна всю массу крестьянства. Какъ мы видѣли, въ Западной Европѣ движеніе въ пользу націонализаціи земли почти не захватило деревни; даже въ Ирландіи великая борьба за землю привела пока не къ реформѣ самого института земельной собственности, а къ закрѣпленію за фермерами, на правахъ частной собственности, той земли, которою они раньше пользовались на правахъ аренды. Западно-европейская деревня осталась до настоящаго времени почти совершенно равнодушной къ проповѣди націонализаціи земли. вмѣстѣ съ тѣмъ, земледѣльческія массы Запаदा почти не выдвинули требованія расширенія своего землевладѣнія. Кличъ Арча: «три акра и корову» не вызвалъ могущественнаго общественнаго движенія и только въ Россіи крестьянское движеніе подъ знаменемъ «Земля и воля!» вспыхнуло совсесокрушающей силой великаго степного пожара.

Легко понять, почему на Западѣ движеніе въ пользу націонализаціи земли оказалось такимъ слабымъ въ деревнѣ. Земельный вопросъ пріобрѣтаетъ особую остроту для страны лишь тогда, когда страна сохраняетъ земледѣльческій характеръ. Въ странахъ промышленнаго типа, какъ Англія, Германія, Бельгія, отчасти Франція, центръ тяжести соціального вопроса переносится изъ деревни въ городъ и изъ области земельныхъ отношеній въ область отношеній труда и капитала. Другой, связанной съ тѣмъ же, причиной слабости западно-европейскаго аграрнаго движенія въ пользу земельной реформы является, характерное для новѣйшаго экономического развитія Запада, паденіе численности земледѣльческаго населенія. Деревня пустѣетъ, благодаря тому, что населеніе уходитъ въ городъ, гдѣ находитъ себѣ болѣе выгодныя заработки. Въ Англии земледѣльческое населеніе правильно сокращается изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе уже около полувѣка. То же наблюдается и въ другихъ промышленныхъ странахъ Запада:

Численность земледѣльческаго населенія
(въ тысячахъ).

Германія:		Франція:	
1882 г.	1895 г.	1881 г.	1891 г.
19.225	18.501	18.279	17.436

Такимъ образомъ, на Западѣ земельная тѣснота не растетъ, а падаетъ. Третьей причиной, дѣйствующей въ томъ же направленіи, является, замѣчающееся въ послѣднее десятилѣтіе на Западѣ, значительное пониженіе земельной ренты и земельныхъ цѣнъ. Все это вмѣстѣ, какъ я указывалъ выше, чрезвычайно ослабило въ Западной Европѣ остроту конфликта между крупными землевладѣльцами и массой трудящагося земледѣльческаго люда. Хотя земли на душу населенія въ промышленныхъ странахъ Запада гораздо меньше, чѣмъ у насъ, земледѣльческое населеніе этихъ странъ, при интенсивности господствующей тамъ системы земледѣлія, не страдаетъ отъ малоземелья, и требованіе земли не выдвигается народными массами.

Аграрныя отношенія Россіи представляютъ собой совершенно иную картину. Россія до сихъ поръ остается по преимуществу земледѣльческою страной. По даннымъ пос-

лѣдней переписи для 74,92% населенія Европейской Россіи земледѣліе является главнымъ занятіемъ. Земледѣльческое населеніе Россіи, въ общемъ, быстро возрастаетъ, въ особенности, на окраинахъ—и только въ промышленномъ центрѣ имѣется районъ, гдѣ наблюдается то же, что и въ Западной Европѣ—отсутствіе прироста или даже паденіе численности земледѣльческаго населенія, благодаря отливу населенія въ города. Ростъ земледѣльческаго населенія вызываетъ нужду въ землѣ, земельная тѣснота чувствуется все острѣе.

На этой почвѣ возникаетъ ужасающая нищета, царящая въ русской деревнѣ. О многомъ можно спорить, но одно кажется въ настоящее время безспорнымъ—это самый фактъ разоренія русской деревни. Въ этомъ пунктѣ сходятся,—кажется—все—начиная отъ официальныхъ комиссій и совѣщаній подѣ различными наименованіями. Русская деревня дошла до такого состоянія, что ждать съ энергичными мѣрами помощи болѣе нельзя. Если вопросъ о земельной реформѣ на Западѣ сталъ, силою вещей, вопросомъ городскимъ, то у насъ это вопросъ, главнымъ образомъ, деревни. У насъ земельный вопросъ выдвинуть не книгой, а самой жизнью, мужикомъ, не способнымъ, при крайне низкомъ уровнѣ земледѣльческой техники, гнетѣ налоговъ и всевозможнаго безправія, обрушивающагося на него, обезпечить себѣ существованіе работой на своемъ надѣлѣ, который онъ получилъ при своемъ освобожденіи и который съ тѣхъ поръ такъ сильно уменьшился, благодаря приросту населенія.

Не трудно объяснить, почему именно въ Россіи крестьянство такъ властно требуетъ земли. Гораздо болѣе споровъ и сомнѣній возбуждаетъ другой вопросъ—почему это требованіе облечено въ форму отрицанія самого принципа частной собственности на землю, почему земля требуется не для раздѣла въ частную собственность отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, а въ собственность и достояніе всего народа. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что великое русское крестьянское движеніе нашего времени идетъ подѣ знаменемъ націонализаціи земли. Именно въ этомъ и заключается самая существенная и многозначительная его особенность и характеристическая черта.

Именно это и дѣлаетъ наше аграрное движеніе мировымъ историческимъ событіемъ, послѣдствія котораго могутъ отразиться на судьбахъ всего человѣчества. Движеніе въ пользу націонализаціи земли, на Западѣ едва тлѣвшее и казавшееся совершенно неспособнымъ повести къ крупнымъ общественнымъ результатамъ, превратилось у насъ въ могучее пламя, угрожающее совершенно уничтожить частное землевладѣніе.

Западноевропейскій крестьянинъ проникнуть, въ массѣ, уваженіемъ къ институту частной земельной собственности; даже болѣе того—«фанатизмъ собственности». Его правосознаніе не только вполне мирится съ этимъ общественнымъ институтомъ, но даже не въ силахъ представить себѣ никакого нормальнаго общежитія иначе какъ на основахъ частной собственности.

Другое мы видимъ въ Россіи. Классическія изслѣдованія А. Ефименко твердо установили фактъ широкаго распространенія—болѣе того, господства—среди русскаго крестьянства особаго трудового правосознанія—правосознанія, выражающагося въ признаніи за трудящимся человѣкомъ права на продукты его труда, и, слѣдовательно, въ отрицаніи правомѣрности присвоенія продуктовъ чужаго труда. Это правосознаніе находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствующими юридическими воззрѣніями западноевропейскаго міра, создавшимися подѣ непосредственнымъ вліяніемъ римскаго права «Давленіе высшихъ слоевъ на низшіе въ Западной Европѣ—писала А. Ефименко въ своихъ «Изслѣдованіяхъ народной жизни»—было такъ велико, что успѣло задавить въ нихъ зачатки тѣхъ юридическихъ воззрѣній, которыя были имъ естественно присущи, какъ трудящимся. Помогло уничтоженію этихъ воззрѣній и дальнѣйшее развитіе экономическаго строя, которое оторвало крестьянина отъ земли, трудящагося отъ продукта его труда, сдѣлало трудъ лишь косвеннымъ, а не прямымъ непосредственнымъ способомъ удовлетворенія потребностей трудящихся. Такъ на Западѣ; но въ Россіи положеніе дѣлъ въ значительной степени иное. Въ нашемъ крестьянствѣ, сидящемъ на своей землѣ, сохранилась въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, непосредственная связь между трудящимся и продуктомъ его труда, со-

хранились и юридическія отношенія особаго трудового типа».

«Право затраченнаго труда, какъ основаніе разнаго рода имущественныхъ правъ—пишетъ самый выдающійся современный изслѣдователь и знатокъ русской общины К. Качоровскій—присутствуетъ рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ народнаго обычнаго права. Поэтому кругъ распространенія трудового права совпадаетъ съ областью обычнаго права вообще». На почвѣ этого право возрѣнія въ массѣ русскаго крестьянства выросло представленіе о правѣ cadaго трудящагося на землю и вмѣстѣ увѣренность въ неизбѣжности «чернагопередѣла»—перехода всей земли трудящемуся народу. «Убѣжденіе въ необходимости или, точнѣе сказать, въ неизбѣжности всеобщаго дѣлежа земель господствуетъ повсемѣстно одинаково въ общинной Великороссіи и въ участковой Малороссіи. Оно коренится въ той особенноти крестьянскихъ возрѣній на собственность, по которой земля есть мірская да Божья; поэтому не можетъ быть права частной собственности на землю, а можетъ быть лишь право пользованія землей, которое дается трудомъ, въ нее вкладываемомъ. Община—ли является въ данную минуту владѣльцемъ земли или отдѣльное лице—все равно: право на землю безусловно связано съ трудомъ, который вкладывается въ землю, и разъ порвана эта связь, порвано и право» (А. Ефименко).

Это всеобщее ожиданіе «слушнаго часа» или «чернаго передѣла» волнуетъ крестьянскія массы со времени уничтоженія крѣпостнаго права, и отъ времени до времени выступаетъ внаружу въ рѣзкихъ вспышкахъ народнаго гнѣва и въ попыткахъ захвата помѣщичьихъ земель. Теперь этотъ «слушной часъ» насталь—народъ властно потребоваль земли.

Условія русской жизни не могли вселить крестьянину уваженія къ институту частнаго землевладѣнія. Еще не такъ давно, пока не закончился процессъ колонизаціи Россіи, земли имѣлось въ изобиліи и крестьянинъ, какъ еще на нашихъ глазахъ въ Сибири, видѣль передъ собой, дѣйствительно, «ничью», свободную, незанятою землю. Огромные государственные и частновладѣльческіе лѣса въ лѣсныхъ районахъ Россіи почти не эксплуатировались и

населеніе свыкло съ мыслью, что каждый можетъ пользоваться лѣсомъ въ мѣру своихъ потребностей. Такъ обстояло дѣло многія сотни лѣтъ; въ это время сложилось въ законченныя формы и укоренилось указанное трудовое правосознаніе русскаго народа, свойственное каждому народу на первыхъ ступеняхъ его развитія, пока между трудящимся человѣкомъ и окружающей его природой не стоитъ земельный собственникъ. Но запасъ свободной земли все уменьшался и народъ началъ страдать отъ земельной тѣсноты. Наступила эпоха быстраго развитія въ Россіи денежнаго хозяйства, которое должно было внести въ крестьянскую душу совершенно новое міровозрѣніе и привить ему новую культуру, новыя юридическія понятія. Но старое міровозрѣніе не могло уступить безъ борьбы и исчезнуть сразу. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ концовъ оно должно было бы уступить и «фанатизмъ собственности» вытѣснилъ бы въ русскомъ крестьянствѣ трудовое право, если бы... дѣло не происходило въ XX вѣкѣ, въ эпоху быстраго роста міроваго социалистическаго движенія. Соціализмъ есть не что иное, какъ логическое завершеніе трудового правосознанія, которое хотя и сильно пострадало отъ вторженія въ народную жизнь чуждыхъ ему элементовъ капиталистической культуры, но все еще до сихъ поръ живо въ душѣ нашего мужика.

Условія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства были, правда, мало благопріятны для сохраненія трудового права въ его чистотѣ; но еще менѣе они могли внушить крестьянину уваженіе къ принципу частнаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи имѣеть чрезвычайно важное значеніе то обстоятельство, что наше крестьянство, въ своей массѣ, не можетъ существовать трудомъ на своей собственной землѣ, а должно или приарендовать землю на сторонѣ или же работать по найму на землѣ помѣщика, и то и другое на крайне тяжелыхъ условіяхъ. Неудивительно, поэтому, что условія пореформеннаго хозяйства пріучили крестьянина видѣть въ крупномъ земельномъ собственникѣ своего главнаго врага.

Крестьянинъ-арендаторъ или крестьянинъ-сельскохозяйственный рабочій, типичный для нашихъ русскихъ усло-

вій, есть совершенно иной соціальный типъ, чѣмъ зажиточный крестьянинъ Запада, ведущій хозяйство только на своей землѣ. Психика русскаго крестьянина заключаетъ въ себѣ нѣчто своеобразное и рѣзко отличается какъ отъ пролетарской, такъ и крестьянской психики Запада. Нашъ крестьянинъ далеко не пролетарій и идеалы его не пролетарскіе и не социалистическіе. У него есть свое хозяйство, которое онъ страстно любитъ и съ которымъ онъ разстанется только подъ давленіемъ крайней необходимости. Власть земли, которая тяготѣетъ подъ нимъ, не есть власть чуждой и враждебной силы, какъ напр. власть капитала надъ пролетаріемъ; земля—это полица и кормилица нашего мужика, за которой онъ ухаживаетъ и въ которой онъ видитъ основу своего собственнаго существованія. У него есть своя лошадь, своя корова, борона, плугъ, изба.

Поэтому психика нашего мужика не есть пролетарская психика, но и не психика западноевропейскаго хозяйственнаго крестьянина. Мечтой—но мечтой несбыточной—нашего крестьянина является свое зажиточное, самостоятельное хозяйство. Для этого у него имѣются рабочія силы, но не хватаетъ самаго главнаго—земли. Земли у него мало. Понятно, что земля и явилась важнѣйшимъ экономическимъ требованіемъ народныхъ массъ.

При наличности огромной нужды крестьянъ въ землѣ, принадлежащей, на правахъ частной собственности, крупнымъ землевладѣльцамъ, при еще живомъ трудовомъ правосознаніи, нашъ крестьянинъ не могъ не отнестись съ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ самому праву частнаго землевладѣнія. И это не только въ общинной Россіи—такое же отношеніе къ землѣ и подворнаго украинскаго мужика, совершенно не знакомаго съ общинными порядками.

Современное мощное движеніе въ пользу націонализаціи земли, охватившее массу русскаго крестьянства, имѣетъ два корня. Съ одной стороны, оно глубоко заложено въ самомъ крестьянствѣ, въ его враждѣ къ частному землевладѣнію. Съ другой же стороны, оно опирается на социалистическіе идеалы нашей интеллигенціи. Было время, когда марксисты отрицали значеніе интеллигенціи и ви-

дѣли въ ней соціологически ничтожную величину. Теперь это время прошло, теперь все ясно, что русская интеллигенція представляетъ собой огромную духовную силу, значеніе которой не идетъ ни въ какое сравненіе съ небольшою численностью этой общественной группы. Русская социалистическая интеллигенція ведетъ борьбу за народныя интересы уже много десятилѣтій и является авангардомъ всего нашего революціоннаго движенія. Впрочемъ, не только авангардомъ, но и главнымъ штабомъ движенія—именно интеллигенція является духовнымъ вождемъ борющагося народа и указываетъ ему ближайшія цѣли и способы борьбы.

Со стихійными вспышками крестьянскаго гнѣва—поджогами помѣщичьихъ усадебъ и отдѣльными случаями аграрнаго террора—правительство справилось бы, безъ труда, какъ оно справилось въ свое время съ неизмѣримо болѣе мощными крестьянскими возстаніями Разина и Пугачева. Но народныя массы съ интеллигенціей во главѣ представляютъ собой несравненно болѣе грозную силу.

Духовнымъ отцемъ русскаго интеллигентнаго движенія въ пользу націонализаціи земли является Чернышевскій; подъ его вліяніемъ, въ началѣ 60-хъ годовъ среди интеллигенціи стали возникать многочисленные кружки социалистически настроенной революціонной молодежи. Одинъ изъ такихъ кружковъ присвоилъ себѣ партійное названіе «Земля и Воля» и выпустилъ брошюру «Что нужно народу?—Земля и Воля». Кружокъ, этотъ просуществовалъ не долго. Въ 1876 г., въ результатѣ массоваго движенія русской интеллигенціи въ деревню для пропаганды социалистическихъ идеаловъ, образовалась новая революціонная партія подъ тѣмъ же названіемъ, признавшая своей главной цѣлью организацію крестьянской массы для завоеванія народу «земли и воли».

Въ первомъ номерѣ партійнаго органа «Земля и Воля» редакция объясняетъ задачи партіи. «Земля и воля!» читаемъ въ редакціонной статьѣ—«Вотъ два магическихъ слова, много разъ поднимавшія изъ глубины Россіи могучія стихійныя движенія. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянства отъ одного конца Россіи и до

другого. Земля и Воля!—Вот тот девизъ, который написали на своемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, социалисты - народники 60-хъ годовъ; тѣже слова пишемъ на своемъ знамени и мы».

Далѣе разъясняется, что лишь тѣ революціонныя движенія имѣютъ успѣхъ, которыя являются выраженіемъ стремленій и требованій самого народа, почему «основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности. Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ Земли и Воли! Земли, какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли, какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами». Тѣ же требованія выставляютъ и революціонеры-народники.

Однако, несмотря на то, что лозунгъ «Земля и Воля» былъ, дѣйствительно, подслушанъ у крестьянской массы, революціонеры 60-хъ и 70-хъ годовъ успѣха съ нимъ не имѣли. Крестьянская масса, въ силу полицейскихъ условій, оказалась недоступной для революціонеровъ и революціонное движеніе направилось на чисто политическую борьбу съ самодержавіемъ. Такъ прошло много лѣтъ—одна революціонная волна смѣняла другую и лозунгъ «Земля и воля», казалось, пришелъ въ забвеніе. Но стоило въ наше время всколыхнуться крестьянской массѣ, какъ вся она объединилась именно подъ этимъ лозунгомъ, выражающемъ ея самыя завѣтныя стремленія и надежды.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ крестьянскихъ требованій нашихъ дней явились два съѣзда «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза». Извѣстно, какъ возникъ этотъ союзъ. Въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губерніи мѣстный предводитель дворянства г. Самаринъ сталъ собирать крестьянскія подписи подъ заявленіями въ пользу правительства и продолженія войны съ Японіей. Въ противовѣсъ этой начальственной агитаціи радикальная часть мѣстнаго крестьянства и интеллигенціи рѣшила устроить въ Москвѣ крестьянскій съѣздъ для выраженія истиннаго мнѣнія крестьянства. Съѣздъ собрался въ маѣ 1905 г. и вынесъ резолюціи далеко не въ духѣ г. Самарина. На съѣздѣ было

рѣшено организовать «Всероссійскій Крестьянскій Союзъ», для чего и было выбрано изъ состава съѣзда особое бюро, пополненное нѣсколькими членами союза статистиковъ и агрономовъ, нѣсколько раньше высказавшагося за передачу земли народу. Бюро это создало «Учредительный съѣздъ» засѣдавшій 31 іюля—1 августа въ составѣ свыше 100 крестьянъ, представителей 22 губерній, и 25 интеллигентовъ. Выбранный комитетъ союза созвалъ первый делегатскій съѣздъ союза, засѣдавшій въ Москвѣ съ 6 по 10 ноября, на которомъ собралось до 150 делегатовъ отъ 24 губерній.

Засѣданія ноябрьскаго делегатскаго съѣзда были гласны и произвели огромное впечатлѣніе во всей Россіи.

Число членовъ союза стало расти съ чрезвычайной быстротой; газетныя сообщенія о союзѣ, попадая въ деревню, приводили въ волненіе все крестьянское населеніе окружающаго района. Мнѣ пришлось быть личнымъ свидѣтелемъ, какъ въ нѣсколько недѣль сложилась стройная организація крестьянскаго союза въ одномъ уѣздѣ одной изъ южныхъ губерній. Почти всѣ болѣе крупныя крестьянскія общества уѣзда вошли въ составъ союза; черезъ нѣкоторое время былъ созванъ общій уѣздный делегатскій съѣздъ. Союзъ сталъ такой силой въ уѣздѣ, что фактически совершенно подчинилъ своему влиянію мѣстное земство. Все крестьянское населеніе уѣзда слѣдовало указаніямъ руководителей союза, который въ теченіе нѣкотораго времени былъ единственной дѣйствительной властью въ уѣздѣ.

Если бы союзъ пользовался свободой, то можно думать, что онъ въ короткое время охватилъ бы собой большинство русскаго крестьянства и сталъ бы непреодолимой общественной силой. Правительство поняло грозившую ему опасность и поспѣшило принять самыя суровыя мѣры противъ союза, главные руководители и дѣятели котораго были арестованы и посажены въ тюрьму. Власти старались всѣми возможными способами терроризировать крестьянъ, примкнувшихъ къ союзу, прибѣгая при этомъ къ возмутительнѣйшимъ насиліямъ и жестокостямъ съ цѣлью заставить крестьянъ составлять приговоры съ отказомъ отъ участія въ союзѣ. Всякая открытая дѣятельность въ союзѣ

стала невозможной и, лишившись своих главных вождей, союз на время замерь и перестал подавать признаки жизни. Но не подлежит сомнѣнію, что достаточно первого проблеска свободы, чтобы союз воскресъ съ умноженной силой, ибо крестьянство сознало значенія своего единства и уже не вернется къ состоянію прежней заботности и покорности помѣщикамъ и начальству.

Оба съѣзда союза представляютъ огромный интересъ, какъ впервые раздавшійся свободный голосъ крестьянской массы.

Въ центрѣ крестьянской программы поставленъ, какъ и слѣдовало ожидать, земельный вопросъ. Учредительскій съѣздъ единогласно постановилъ, что частная собственность на землю должна быть уничтожена и, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, что земля должна считаться общей собственностью всего народа. На вопросъ о способахъ пользования землей данъ отвѣтъ слѣдующимъ постановленіемъ втораго (делегатскаго) съѣзда: «прекратить бѣдствія народа, проистекающія изъ недостатка земли, можетъ только переходъ всей земли въ общую собственность всего народа, съ тѣмъ, чтобы пользовались ею только тѣ, кто трудится на землѣ самъ со своей семьей или въ товариществѣ».

Итакъ, принципъ націонализаціи земли принятъ обоими съѣздами съ полной ясностью и опредѣленностью. Провозглашеніе этого принципа «земля — народу» вызывало въ членахъ съѣзда величайшій энтузіазмъ; очевидно, идея эта глубоко заложена въ крестьянскихъ массахъ и способна ихъ подвинуть на наибольшія усилія, къ какимъ только способно крестьянство. При этомъ чрезвычайно важно, что принципъ націонализаціи земли съ одинаковымъ воодушевленіемъ принимался всѣми членами съѣзда, представителями какъ общинной, такъ и подворной Россіи. Никакого разногласія въ этомъ отношеніи между крестьянами не замѣчалось.

Весьма характерна основная резолюція втораго съѣзда, устанавливающая принципъ трудового пользования землей. Она совершенно умалчиваетъ объ общинномъ землевладѣніи и какъ бы предполагаетъ, что между земледѣльцемъ и народомъ, распоряжающимся (очевидно, въ лицѣ централь-

ныхъ и мѣстныхъ органовъ управленія) всей землей, не стоитъ никакой промежуточной власти въ лицѣ общины. Вообще, вопросъ объ общинѣ совсѣмъ не поднимался на обоихъ съѣздахъ и, слѣдовательно, не признавался членами съѣзда достаточно важнымъ и принципиальнымъ. Земля должна быть въ пользованіи отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ или товариществъ—такое было рѣшеніе втораго съѣзда. Все это какъ бы указываетъ, что начало націонализаціи земли совершенно сознательно выдвигалось съѣздомъ не какъ начало, подчиненное общинному началу землепользованія, но какъ высшій принципъ землевладѣнія, имѣющій силу независимо отъ того или иного способа землепользованія, господствующаго въ данной мѣстности.

Очень многіе склонны думать, что только крестьяне-общинники могутъ сочувствовать націонализаціи земли. На второмъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи профессоръ Лучицкій даже не побоялся категорически заявить, что украинскій крестьянинъ никогда не согласится на націонализацію земли и, по свидѣтельству А. А. Кауфмана, произвелъ своимъ заявленіемъ на членовъ съѣзда такое впечатлѣніе, что они отказались отъ принципа націонализаціи земли, который, въ противномъ случаѣ, легко могъ бы быть принятъ съѣздомъ. Нѣсколько странно, что почтенный профессоръ взялъ на себя смѣлость говорить отъ имени украинскихъ крестьянъ, хотя они, несомнѣнно, не уполномочивали его на это. Украинскіе крестьяне достаточно внушительно заявили свое отношеніе къ вопросу о націонализаціи земли тѣмъ энтузіазмомъ, съ которымъ были встрѣчены ими резолюціи крестьянскаго союза. Именно въ Украинѣ союзъ имѣлъ особенно быстрый успѣхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ тысячи приговоровъ крестьянскихъ обществъ, присоединившихся къ постановленіямъ съѣздовъ. Лозунгъ «земля — народу» такъ же понятенъ украинскому, какъ и великорусскому мужику.

На III-мъ съѣздѣ конституціонно-демократической партіи полтавскіе депутаты говорили о сочувствіи украинскихъ крестьянъ принципу націонализаціи земли и проф. Лучицкій уже не счелъ нужнымъ (или возможнымъ) имъ возражать.

Общее настроеніе обоихъ крестьянскихъ съѣздовъ всего лучше выразилъ делегатъ Донской области г. Мазуренко, представитель свыше, чѣмъ 200 тысячъ крестьянъ, закончившій свою рѣчь воодушевленными словами «мы напишемъ на своемъ знамени: всему русскому народу—власть, земля и свобода!» Крестьянство поняло, что земля не можетъ перейти въ руки народа иначе, какъ вмѣстѣ со свободой. А чтобы завоевать и удержать въ своихъ рукахъ землю и свободу, для этого народная воля должна стать верховной властью въ Россіи. Народная власть, какъ средство, и земля и свобода, какъ цѣль — таковъ лозунгъ, съ которымъ выступаетъ современное русское крестьянское движеніе.

Вопросъ о томъ, какимъ путемъ частновладѣльческія земли должны перейти народу — путемъ ли выкупа или конфискации — обсуждался особенно страстно и вызывалъ существенныя разногласія среди членовъ съѣзда. Всего болѣе сочувствія встрѣчало самое радикальное рѣшеніе вопроса — отказъ отъ какого бы то ни было выкупа за землю. «Земля не есть дѣло рукъ человѣческихъ — говорилъ представитель Харьковской губерніи, — ее создалъ Духъ Святой, а потому она не должна покупаться и перепродаваться. Каждый купилъ, вѣдь, въ сущности не за свои деньги. Это значитъ, что кто-то сумѣлъ отнять землю у крестьянъ и перепродать—это воровство. Ежели она при предкахъ царями или князьями или еще кѣмъ-то отнята, то этого мы не знаемъ и не виноваты. Поэтому никому не слѣдуетъ платить выкупа».

Представитель Московской губерніи произнесъ особенно горячую рѣчь противъ выкупа. «Разговоры о выкупѣ меня возмущаютъ. Предлагаютъ платить деньги вчерашнимъ рабовладѣльцамъ, которые и теперь, въ видѣ чиновниковъ и земцевъ, устраиваютъ изъ нашей жизни скачку съ препятствіями. Мало ли мы имъ переплатили за аренду? Я не могу сосчитать бочекъ нашей крови, которою мы полили землю. Мало того: наши бабушки молокомъ своихъ грудей выкармливали борзыхъ щенятъ для нихъ... Это ли не выкупъ? Столѣтіями мы были перекасти-поле, а они нашимъ вѣтромъ. И теперь имъ опять платить? Нѣтъ! Не нужно дипломатическихъ разговоровъ, нуженъ одинъ

путь — революціонный. Иначе насъ опять обманутъ. Ужъ самый разговоръ о выкупѣ—сдѣлка. Товарищи! Не повторимъ ошибки нашихъ отцевъ. Въ 1861 г. насъ перехитрили — дали маленько, чтобы народъ не взялъ всего. Но тогда крестьянство было темно и неорганизовано. А теперь другое дѣло. Милліонами голосовъ будемъ неотступно заявлять о святости только нашихъ правъ на землю. Если же убѣжденія не помогутъ, то

„Встань, проснись, пахарь-другъ,
Разогни-ка спину!
Брось на время свой плугъ,
И возьми дубину!“

Но на ряду съ этимъ среди членовъ съѣзда было и другое теченіе, склонявшееся къ выкупу по соображеніямъ, главнымъ образомъ, не этическимъ, не справедливости выкупа, а его необходимости по экономическимъ соображеніямъ. Такъ, делегатъ Курской губерніи указалъ на связь землевладѣнія съ денежнымъ капиталомъ, благодаря ипотечной задолженности: «отобраніе земель у помещиковъ безъ выкупа нарушитъ интересы ихъ кредиторовъ; поэтому, рѣшивъ, что совсѣмъ не слѣдуетъ платить, мы наживемъ массу враговъ». Представитель Черниговской губерніи также стоялъ за выкупъ: «безъ выкупа нельзя взять частное землевладѣніе. Кромѣ земли есть и другіе виды недвижимаго имущества, есть фабрики и дома. Мы не можемъ ихъ теперь же отчудить, объ этомъ и мечтать пока нельзя, нельзя поэтому и частновладѣльческія земли отобрать безъ выкупа». Ту же точку зрѣнія развивали и многія другія представители крестьянъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ преній первый съѣздъ, на которомъ обсуждался вопросъ о выкупѣ, пришелъ къ слѣдующимъ постановленіямъ:

1) Должны быть отобраны безъ выкупа земли монастырскія, церковныя, удѣльныя, кабинетскія и государевы. (Принято единогласно);

2) У частныхъ владѣльцевъ земля должна быть отобрана частью за вознагражденіе, частью же безъ вознагражденія. (Принято большинствомъ противъ 5);

3) Подробныя условія, на которыхъ частновладѣльческая земля будетъ отобрана, должны быть опредѣлены учредительнымъ собраніемъ, которое и издаетъ по поводу

этого законъ; крестьянскій же союзъ къ слѣдующему съѣзду возможно полнѣе разработаетъ этотъ вопросъ. (Принято единогласно).

Вопросъ о выкупѣ обсуждался и на сѣверномъ областномъ съѣздѣ крестьянскаго союза, состоявшемся 29—30 декабря 1905 г. На этомъ съѣздѣ присутствовали делегаты Петербургской, Псковской, Новгородской, Вятской и Тверской губерній. Делегатъ Псковской губерніи высказался за выкупъ. «Въ своей практикѣ по работѣ среди крестьянъ, — сказалъ онъ, — я вынесъ убѣжденіе, что вопросъ о выкупѣ или невыкупѣ частновладѣльческихъ земель въ разныхъ мѣстахъ разными общинами и отдѣльными крестьянами разрѣшается различно. Мнѣнія на этотъ счетъ пестрыя. Одни стоятъ за выкупъ, другія противъ него. Выкупъ земли, подразумѣвается, будетъ сдѣланъ за счетъ государства, а не за счетъ самихъ крестьянъ. При чемъ земля должна выкупаться не по той искусственно вздутой цѣнѣ, какая стоитъ на землю въ послѣднее время, а, напримѣръ, по средней цѣнѣ за послѣднія десять лѣтъ или по минимальной для каждой мѣстности. Я самъ лично стою за выкупъ частновладѣльческой земли; считаю безвозмездное отчужденіе земли несправедливымъ. И вотъ почему. Многія помѣщичьи, да и крестьянскія земли, не наслѣдственныя, а благопріобрѣтенныя, можетъ быть за послѣдніе кровные гроши. Въ несправедливомъ устройствѣ государства, основанномъ на покровительствѣ частной собственности, такіе землевладѣльцы не повинны; слѣдовательно, отнимать у нихъ ихъ собственность — несправедливо».

Представитель Петербургской губерніи высказался также за выкупъ, но значительное большинство ораторовъ отрицало необходимость выкупа. Послѣ продолжительныхъ преній большинствомъ противъ двухъ голосовъ прошла слѣдующая резолюція по вопросу о выкупѣ:

«Принимая во вниманіе, что частновладѣльческія земли, какъ наслѣдственныя, такъ и купчія, или отняты у народа или пріобрѣтены на его трудовыя деньги — съѣздъ постановляетъ, что всѣ частновладѣльческія земли должны быть отобраны отъ ихъ владѣльцевъ, наравнѣ съ кабинетскими, монастырскими и удѣльными землями, безъ какого бы то ни было выкупа».

Въ результатѣ всего обсужденія земельного вопроса собраніе приняло тѣмъ же большинствомъ слѣдующую резолюцію:

«Сѣверный областной съѣздъ делегатовъ Всероссийскаго крестьянскаго союза признаетъ, что вся земля должна принадлежать всему народу и распоряжаться ею должно государство въ лицѣ выборныхъ отъ всего народа представителей. Ближайшее завѣдываніе землей должно быть предоставлено мѣстнымъ областнымъ, губернскимъ, уѣзднымъ, и т. д. выборнымъ отъ всего населенія учрежденіямъ. Въ пользованіе земля должна даваться только тѣмъ, кто самъ на ней трудится, причемъ никто не можетъ получить земли больше того, сколько онъ своими силами, безъ батрацкаго труда, можетъ обработать. Пользованіе землей должно быть по всей Россіи уравнительное и для этого лучшія земли должны быть обложены особымъ налогомъ. Собираемая такимъ образомъ деньги должны идти на общественныя надобности».

Крестьянское движеніе находится пока въ хаотическомъ состояніи и только складывается, но еще не сложились, въ опредѣленныя формы. Одно не подлежитъ сомнѣнію — его экономическій радикализмъ; не дѣлежъ частновладѣльческой земли между мелкими собственниками, а націонализація земли — вотъ подъ какимъ знаменемъ организовывается въ Россіи крестьянская масса.

ГЛАВА VIII.

Націоналізація землі и аграрныя программы русскіх соціалістическихъ партій.

Со времени 90-хъ годовъ и рѣзко полемическаго выступления въ Россіи марксизма наша соціалистическая интеллигенція рѣзко раскололась на два враждующихъ лагеря. Литературное междоусобіе представителей стараго направленія русскаго соціализма, примыкающаго къ Чернышевскому, и новаго, не желающаго признавать никого, кромѣ Маркса, продолжается и до днесѣ. И теперь, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, марксисты пользуются всякимъ случаемъ, чтобы выразить народникамъ свое глубочайшее презрѣніе. Полемическіе приемы, пускаемые при этомъ въ ходъ, нѣсколько примитивны и заключаются, преимущественно, въ весьма прозрачныхъ намекахъ на непроходимую глупость и невѣжество противника. Приятное сознаніе своего собственнаго превосходства во всѣхъ этихъ отношеніяхъ должно, очевидно, импонировать читателю, который, предполагается, въ своей простотѣ, не въ силахъ самостоятельно разобраться, кто глупъ и кто уменъ.

Но читатель, въ концѣ концовъ, не такъ ужъ простъ, да и самый острый мечъ тупится отъ чрезмѣрнаго употребленія; притупилась и острота полемическаго оружія марксистовъ. Безконечная полемика всѣмъ надоѣла, главнымъ образомъ, потому, что она становится все болѣе безсодержательной. Жизнь все больше и больше сближаетъ враждующія стороны; не взирая на теоретическія разногласія, практическія программы соціаль-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ становятся все менѣе отличимы другъ отъ друга.

Далеко ли то время, когда русскіе марксисты (и пишущій эти строки въ томъ числѣ) съ восторгомъ привѣтствовали рѣшеніе Бреславльскаго съѣзда германской соціаль-демократіи, отвергнувшаго проектъ аграрной программы, и огромнымъ большинствомъ голосовъ признавшаго, что соціаль-демократія рѣшительно отказывается отъ защиты интересовъ крестьянства, какъ таковаго!

Я хорошо помню, какое огромное принципиальное значеніе мы придавали этой резолюціи, освящавшей нашу собственную позицію у себя дома. Мы чувствовали, что строго стоя на почвѣ теоріи Маркса, усматривающей въ пролетаризаціи населенія (включая сюда и крестьянство) единственный путь къ соціализму, мы, юные и убѣжденные соціалисты, рѣшительно ничего существеннаго не могли дать крестьянамъ. Правда, мы обѣщали отстаивать политическія и гражданскія права крестьянъ, какъ и всей остальной народной массы. Мы стояли за поднятіе духовной культуры крестьянства, за свободу и широкую демократію во всѣхъ областяхъ народной жизни. Но мы прекрасно сознавали, что все это не только должно показаться крестьянамъ недостаточнымъ, но что масса крестьянства сочтетъ всевозможныя политическія и гражданскія права чистой насмѣшкой и издѣвательствомъ надъ собой, если права эти не дадутъ мужику того, что ему нужно прежде и больше всего—земли и земли!

Земли же мы обѣщать не могли, не разрывая со всѣмъ своимъ теоретическимъ прошлымъ. Бреславльская резолюція явилась для насъ огромной моральной поддержкой. Въ согласіи съ нѣмецкой соціаль-демократіей мы не боялись устоять на своей позиціи, какъ ни трудна она была въ практическомъ отношеніи. И мы еще болѣе укрѣплялись въ своей непримиримой теоретической ортодоксіи.

Время шло. Соціаль-демократическое движеніе выросло и спустилось съ теоретическихъ высотъ въ практическую жизнь. И то, что теоретически казалось несокрушимымъ, развалилось при первомъ же легкомъ касаніи дѣйствительности.

Первой ласточкой явились знаменитые «отрѣзки» Ленина. На второмъ съѣздѣ соціаль-демократической партіи въ 1903 г. была принята аграрная программа, самымъ

существеннымъ пунктомъ которой было требованіе «учрежденія» крестьянскихъ комитетовъ для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспроприации, или, въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки—выкупа государствомъ за счетъ крупнаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостнаго права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія».

Таковъ былъ первый робкій шагъ, сдѣланный русской социаль-демократіей къ сближенію съ крестьянствомъ. Это было до русской революціи, когда народныя массы еще молчали. Затѣмъ послѣдовалъ ураганъ революціи, изорвавшей въ клочки всевозможныя теоріи. Грянула буря, среди которой было не до заботъ о своей теоретической чистотѣ и невинности. Всѣмъ стало очевидно, что только та партія можетъ рассчитывать на побѣду, на чьей сторонѣ будетъ мужикъ. И всѣ партіи, наперерывъ, бросились уловлять мужика. Аграрные проекты посыпались, какъ изъ рога изобилія.

Социаль-демократы очень быстро поняли, что безъ мужика не обойтись. Приходилось, вопреки Бреславльской резолюціи, создавать аграрную программу въ интересахъ крестьянства. Резолюціи крестьянскихъ съѣздовъ показали, что смѣшно и подходить къ мощному крестьянскому движенію нашихъ дней съ такими предложеніями, какъ пресловутые «отрѣзки».

Чувствуя необходимость пойти на встрѣчу крестьянству, но не рѣшаясь внести его требованія въ полномъ объемѣ въ свою программу, партія попыталась пойти на компромиссъ: прежняя аграрная программа, говорившая лишь объ «отрѣзкахъ», была оставлена въ силѣ, но въ то же время на третьемъ съѣздѣ (въ 1905 г.) была принята «тактическая» резолюція, совершенно уничтожившая значеніе программы. Резолюція эта «поручаетъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ пропагандировать въ широкихъ слояхъ народа, что социаль-демократія ставитъ своей задачей самую энергичную поддержку всѣхъ революціонныхъ мѣропріятій крестьянства, способныхъ улучшить его положеніе, вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель».

Итакъ, по программѣ—выкупъ «отрѣзковъ», а по тактикѣ—конфискація всѣхъ помѣщичьихъ земель. Тактика оказалась въ вопіющемъ противорѣчьи съ программой. Какъ ни старались многіе социаль-демократы замуривать глаза на это противорѣчіе, оно было слишкомъ очевидно, чтобы его не видѣть. И вотъ, началось творчество новыхъ социаль-демократическихъ программъ.

Национализація земли не могла не быть въ дурной славлѣ у русскихъ марксистовъ, во-первыхъ, потому, что на Западѣ націонализація земли пользуется среди социаль-демократовъ репутаціей мѣры буржуазной и была отвергнута Каутскимъ, а, во-вторыхъ, потому, что переходъ земли въ общенародное достояніе есть самый существенный пунктъ народнической программы со времени еще 60-хъ годовъ. Русскій правовѣрный марксистъ долженъ, слѣдовательно, сугубо чуждаться націонализаціи земли. И потому нисколько не удивительно, что многіе изъ нашихъ социаль-демократовъ, поддерживая, скрѣпя сердце, требованіе крестьянскихъ массъ объ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, въ то же время настаиваютъ, какъ на наименьшемъ злѣ, на раздѣлѣ этихъ земель въ частную собственность крестьянъ.

Другіе, съ г. Масловымъ во главѣ, выставляютъ сложную программу «муниципализаціи» земли. Самые существенные пункты программы г. Маслова слѣдующіе. Церковныя, монастырскія и удѣльныя земли конфискуются и передаются государству, образуя государственный земельный фондъ, поступающій въ пользованіе населенія. Частновладѣльческія земли (крупное землевладѣніе) переходятъ во владѣніе самоуправляющихся крупныхъ областныхъ организацій. Минимальный размѣръ подлежащихъ отчужденію земельныхъ участковъ опредѣляется областнымъ народнымъ представительствомъ.

«Раздѣлъ земли между крестьянами въ собственность—замѣчаетъ г. Масловъ—или между отдѣльными общинами (соціализація земли) является нежелательнымъ съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, такъ какъ передаетъ результаты народной и, главнымъ образомъ, рабочей революціи въ руки частныхъ собственниковъ. Поэтому тотъ, кто, увлекаясь «реалистической» политикой, будетъ реко-

мендовать раздѣлъ земли, будетъ дѣйствовать противъ интересовъ рабочаго класса, будетъ высказываться за лишеніе права пролетаріата принять участіе въ распоряженіи земельнымъ фондомъ, такъ какъ раздѣлъ исключаетъ какое бы то ни было участіе въ распоряженіи землей всѣхъ, кромѣ собственниковъ земли».

Раздѣлъ земли между крестьянами въ собственность поведетъ, какъ опасается г. Масловъ, къ созданію «реакціонной массы мелкихъ мѣщанъ» и, сверхъ того, отзовется крайне неблагоприятно на развитіи производительныхъ силъ страны, закрѣпивъ на долгое время «распыленіе земли», раздробленіе ея на ничтожные участки, не допускающіе рациональныхъ приѣмовъ обработки.

Что же будутъ дѣлать областныя организаціи съ перешедшими къ нимъ землями? «Точно регламентировать напередъ,—отвѣчаетъ нашъ авторъ,—какъ использовать конфискованныя земли—нельзя. Можно лишь выставить общій принципъ—передачу помѣщичьихъ земель въ распоряженіе областныхъ учреждений, организованныхъ на демократическихъ началахъ. Гдѣ-нибудь въ Архангельской губ. можетъ быть будетъ муниципальное крупное лѣсное хозяйство, между тѣмъ какъ въ центральной Россіи землей будутъ пользоваться на льготныхъ условіяхъ самыя мелкія хозяйства. Предрѣшать формы пользованія землей преждевременно. Нужно дать общее принципиальное рѣшеніе, къ кому переходятъ конфискованныя земли».

Проектъ г. Маслова встрѣтилъ ѣдкую критику г. Ленина. «Что идея общенародной собственности на землю чрезвычайно широко бродитъ теперь въ крестьянствѣ,—говоритъ этотъ представитель самаго непримиримаго марксизма—это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. И несомнѣнно также, что несмотря на всю темноту крестьянства, несмотря на всѣ реакціонно-утопическіе элементы его пожеланій, эта идея, въ общемъ и цѣломъ, носитъ революціонно-демократическій характеръ».

Доводы русскихъ марксистовъ противъ націонализаціи земли г. Ленинъ объявляетъ «теоретическимъ искаженіемъ марксизма, который установилъ съ полнѣйшей опредѣленностью, что націонализація земли возможна, мыслима и въ буржуазномъ обществѣ, что она не задержитъ, а усилитъ

развитіе капитализма, что она есть максимумъ буржуазно-демократическихъ реформъ въ области аграрныхъ отношеній».

Что касается до проекта г. Маслова, то проектъ этотъ, по мнѣнію г. Ленина, даетъ лишь «ухудшенную и противорѣчивую формулировку требованія націонализаціи земли... Что предлагаетъ Масловъ? Онъ предлагаетъ мѣщанину изъ націонализаціи плюсъ земстволизація, плюсъ частная собственность на землю безъ всякаго указанія на различныя политическія условія, при которыхъ пролетаріату выгодна (сравнительно) та или иная система земельного устройства... Предлагая націонализацію церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель и въ то же время споря противъ націонализаціи вообще, Масловъ побиваетъ самъ себя».

Что касается до самого г. Ленина, что онъ нисколько не боится усиленія государственной власти благодаря націонализаціи земли, ибо государство, которое проведетъ такую реформу землевладѣнія, будетъ, по необходимости, демократическимъ государствомъ; «коренная мѣра уничтоженія помѣщичьяго землевладѣнія немыслима безъ кореннаго измѣненія государственныхъ формъ (а измѣненіе это при данной экономической реформѣ возможно лишь въ направленіи демократизма), немыслима безъ того, чтобы «народная» и крестьянская мысль, требующая уничтоженія крупнѣйшей разновидности частной поземельной собственности не возставала противъ частной собственности на землю вообще. Другими словами: такой рѣшительный переворотъ, какъ уничтоженіе помѣщичьяго землевладѣнія, самъ по себѣ неминуемо дастъ самый могучій толчекъ впередъ всему общественному, экономическому и политическому развитію».

Въ виду всего этого, г. Ленинъ предложилъ слѣдующій проектъ аграрной программы, выработанный большинствомъ аграрной комиссіи, выбранной центральнымъ комитетомъ російской социаль-демократической партіи:

«Въ цѣляхъ устраненія остатковъ крѣпостнаго порядка, которые тяжелымъ гнетомъ лежатъ непосредственно на крестьянахъ и въ интересахъ свободнаго развитія классово-вой борьбы въ деревнѣ, партія требуетъ:

1) конфискации всѣхъ церковныхъ, монастырскихъ, удѣльныхъ, государственныхъ, кабинетскихъ и помѣщичьихъ земель;

2) учрежденія крестьянскихъ комитетовъ для немедленнаго уничтоженія всѣхъ слѣдовъ помѣщичьей власти и помѣщичьихъ привилегій и для фактическаго распоряженія конфискованными землями впредь до установленія всенароднымъ учредительнымъ собраніемъ новаго земельного устройства;

3) отмѣны всѣхъ податей и повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

4) отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его земель;

5) предоставленія выборнымъ народнымъ судамъ права понижать непомерно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Если же рѣшительная побѣда современной революціи въ Россіи обезпечитъ полностью самодержавіе народа, т.-е. создастъ вполне демократическій государственный строй, то партія будетъ добиваться отмѣны частной собственности на землю и передачи всѣхъ земель въ общую собственность всего народа».

Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на необходимость самостоятельной классовой организаціи сельскаго пролетаріата и невозможность уничтоженія нищеты иначе, какъ путемъ полнаго социалистическаго переворота.

Какъ извѣстно, на послѣднемъ съѣздѣ социаль-демократической партіи былъ принятъ, съ небольшими измѣненіями, проектъ г. Маслова.

Аграрная программа партіи социалистовъ-революціонеровъ гласитъ слѣдующее:

«Въ вопросахъ переустройства земельныхъ отношеній партія социалистовъ-революціонеровъ стремится опереться въ интересахъ социализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ на общинныя и трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности на распространенное среди него убѣжденіе, что земля ничья, и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ. Въ согласіи со своими общими воз-

зрѣніями на задачи революціи въ деревнѣ, партія будетъ стоять за социализацію земли, т.-е. за изытаніе ея изъ товарнаго оборота и обращеніе изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе на слѣдующихъ началахъ: всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправления, начиная отъ демократически-организованныхъ бессословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями (разселеніе и переселеніе, завѣдываніе резервнымъ земельнымъ фондомъ и т. п.); пользованіе землей должно быть уравнительно-трудовымъ, т.-е. обезпечивать трудовую норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ; рента, путемъ спеціального обложенія, должна быть обращена на общественныя нужды; пользованіе землями и угодьями, имѣющими не узко мѣстное значеніе (обширные лѣса, рыбныя ловли и т. д.) регулируется соотвѣтственно болѣе широкими органами самоуправления; нѣдра земли остаются за государствомъ; земля обращается въ общенародное достояніе безъ выкупа; за пострадавшими отъ этого имущественнаго переворота остается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ личнаго существованія».

На ряду съ этой официальной программой партіи, среди социалистовъ-революціонеровъ пользуются или пользовались значительнымъ успѣхомъ и значительно уклоняющіеся проекты рѣшенія земельного вопроса. Такъ г. Новоторжскій въ статьѣ «Социализація земли» въ «Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства», вышедшей затѣмъ отдѣльной брошюрой, слѣдующимъ образомъ формулировалъ пожеланія «молодого народничества» по земельному вопросу.

1) «Вся земля считается народной собственностью, т.-е. собственностью всего земледѣльческаго класса или, что то же, во владѣніи у всего трудового крестьянства.

2) Поэтому и верховное право распоряженія ею принадлежитъ всему земледѣльческому классу въ его цѣломъ.

3) Отсюда слѣдуетъ, далѣе, что государство не имѣетъ права ничего взимать за пользованіе землей, не можетъ устанавливать никакого поземельнаго налога.

4) Крестьянин-земледелец является не арендатором государственной земли, а пользователем народной земли.

5) Поэтому крестьяне-земледельцы: а) сами распоряжаются землей посредством разных органов местного самоуправления, а также и через центральное законодательное учреждение, когда это может оказаться необходимым, и в той мере, в какой они сами пожелают и б) сами облагают себя на нужды государственного общежития и местного самоуправления прогрессивно-подходящим налогом или прямым поземельным. Таким образом, из признания земли собственностью всего трудового народа вытекает и право его на самообложение».

Как совершенно верно указал г. А. Чупров, план Новоторжского относится к определенному типу социалистических (или, как выражается г. Чупров, лжесоциалистических) проектов, которые передачу средств производства всему обществу подмѣняют передачей их отдельным профессиональным группам рабочих. Самым ярким выразителем социализма этого рода был Луи Блан. Провозглашая «земля земледельцам!» Новоторжский суживает и лишает истинно-социалистического содержания лозунг революционного крестьянства «земля народу». Он придает крестьянским требованиям узкоклассовой, профессиональный характер, и тем подготовляет почву для неизбежного, в таком случае, конфликта крестьянства с промышленным пролетариатом.

Программа г. Новоторжского, которая на практике сводилась к разделу земли между отдельными общинами, почти в полную их собственность, подверглась сильной и убедительной критике г. Пѣшехова. Во втором издании своей брошюры г. Новоторжский внес в свой проект столь существенные изменения, что проект этот стал мало отличаться от официальной аграрной программы социалистов-революционеров; таким образом, попытка некоторой группы народничества (от имени которой выступал г. Новоторжский) замѣнить широкой лозунг национализации земли узко-классовым лозунгом перехода земли в собственность одной части народа — трудящихся земледельцев — не имѣла успеха.

Итак, различными группами наших социалистов вы-

ставлено несколько различных аграрных программ, между сторонниками которых идет ожесточенная полемика. Среди социаль-демократов аграрный вопрос возбуждает, как и слѣдовало ожидать, всего больше разногласий. Но и среди социалистов-революционеров проект г. Новоторжского мог вызвать серьезное разделение и лишь отказ от него со стороны автора возстановил в среде этой партии, опирающейся на трудовую массу русского крестьянства, прежнее единство.

Перед нами, слѣдовательно, три плана земельной реформы: национализации, муниципализации и социализации земли. Г. Маслов относится очень отрицательно к национализации земли; однако, то, что онъ называет муниципализацией земельной собственностью, есть, в действительности, не что иное, как определенная форма национализации ее. Идея национализации земли отнюдь не требует, чтобы государство непосредственно, без помощи местных органов самоуправления, распоряжалось землей. Вопрос о наилучшем распределении различных обязанностей по распоряжению землей между различными органами государственного управления (включая сюда как центральное правительство, так и местные самоуправляющиеся организации, губернское и уездное земство, мелкую земскую единицу и т. д.) есть вопрос не принципиальный, а чисто практический. Насколько мнѣ известно, никто из сторонников национализации земли в России не предполагал, что местные организации будут отстранены от участия в распоряжении национальным земельным фондом. слѣдовательно, требование г. Маслова, чтобы земли, отчуждаемые у крупных землевладельцев, переходили в распоряжение самоуправляющихся областных организаций, отнюдь не противорѣчит пожеланиям русских сторонников национализации земли.

Правда, г. Маслов говорит о передаче земель во «владѣние» областных организаций, как если бы дѣло шло о переходѣ земли в частную собственность определенной группы лиц. Но, вѣдь, областные организации представляют собой не частноправовые, а общественно принудительные союзы, подчиненные органы государства. Онѣ не являются вмѣстѣ с тем, и автономными провинциями.

обладающими известной независимостью отъ центральной власти. Слѣдовательно, передача областнымъ организациямъ земли отнюдь не означаетъ, что земли эти будутъ изъяты изъ сферы вліянія центральной государственной власти. Государство, естественно, сохранить верховное право контроля надъ дѣятельностью областныхъ организаций въ сферѣ землеустройства, какъ и въ другихъ областяхъ дѣятельности мѣстнаго самоуправления.

Можно согласиться съ г. Масловымъ и въ томъ, что націонализаціи земли нельзя навязывать всѣмъ отдѣльнымъ территориямъ и областямъ, изъ которыхъ слагается русское государство, и которыя, при демократическомъ строѣ, должны составить отдѣльныя автономныя провинціи. Конечно, вопреки воли польскаго народа нельзя ввести въ Польшѣ націонализаціи земли; и, слѣдовательно, если польскій народъ выскажется противъ націонализаціи, то націонализаціи земли въ Польшѣ не будетъ. Но, вѣроятно, г. Масловъ не считаетъ такого результата желательнымъ и предпочелъ бы, чтобы во всѣхъ областяхъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, частновладѣльческая земля перешла въ руки государства въ лицѣ его органовъ самоуправления—областныхъ организаций. Чѣмъ обширнѣе будетъ національный земельный фондъ, тѣмъ шире будетъ возможность удовлетворенія народныхъ нуждъ при помощи этого фонда, возможна будетъ широкая организація переселенія и т. д. и т. д. Вѣроятно, г. Масловъ, не будетъ возражать, что если бы даже территоріи нѣсколькихъ государствъ слились въ одинъ общій земельный фондъ населяющихъ ихъ народовъ, то это было бы вовсе не плохо. Но, конечно, это послѣднее невозможно. Ничего невозможнаго нѣтъ, однако, въ томъ, чтобы территорія русскаго государства была общимъ земельнымъ фондомъ для населяющихъ ее народностей, каждая изъ которыхъ пользовалась бы известной свободой (съ соблюденіемъ интересовъ другихъ народностей) въ распоряженіи этимъ фондомъ.

Итакъ, муниципализація земли, какъ ее понимаетъ г. Масловъ, есть не что иное, какъ опредѣленная форма націонализаціи земли, ибо муниципалитеты суть подчиненные органы государства. Томасъ Спенсъ всѣми считается первымъ провозвѣстникомъ идеи націонализаціи земли въ

современномъ смыслѣ слова. Что же предлагалъ Спенсъ? Передачу земли непосредственно государству? Отнюдь нѣтъ! Его планъ заключался въ томъ, чтобы вся территорія страны перешла въ руки мелкихъ муниципалитетовъ, приходовъ. И тѣмъ не менѣе, всѣ признаютъ планъ Спенса планомъ націонализаціи земли.

Націонализацію земли можно съ полнымъ основаніемъ противопоставлять муниципализаціи въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ не объ общей государственной мѣрѣ, осуществляемой законодательнымъ путемъ по отношенію ко всѣмъ муниципалитетамъ государства, а о хозяйственныхъ мѣропріятіяхъ отдѣльныхъ муниципалитетовъ. Если, напр., какой-либо городской муниципалитетъ, чтобы расширить свое землевладѣніе, скупаетъ по опредѣленному плану земли частныхъ владѣльцевъ, то при этомъ происходитъ, конечно, не націонализація, а муниципализація скупаемой земли: вся операція непосредственно касается даннаго муниципалитета и общегосударственнаго значенія не имѣетъ. Муниципализація земли является въ этомъ случаѣ не чѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ сферы самостоятельнаго хозяйства отдѣльнаго муниципалитета въ известной опредѣленной области, подобно муниципализаціи водопроводовъ, конокъ и т. д.

Муниципализація земли въ этомъ смыслѣ должна быть, конечно, строго отличаема отъ націонализаціи ея, такъ какъ мѣропріятія этого рода осуществляются по инициативѣ и въ интересахъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ—отдѣльныхъ муниципалитетовъ, а не всей націи. Напротивъ, та коренная земельная реформа, которую предлагаетъ г. Масловъ, имѣетъ общегосударственное значеніе и преслѣдуетъ интересы не отдѣльныхъ муниципалитетовъ, а всей націи; слѣдовательно, она и представляетъ собой не что иное, какъ опредѣленную форму націонализаціи земли.

Вообще, планы націонализаціи земли могутъ быть крайне разнообразны, что не мѣшаетъ всѣмъ имъ имѣть нѣчто общее, а именно, принципъ, что не отдѣльнымъ лицамъ, или группамъ лицъ, въ ихъ частныхъ интересахъ, а всему обществу, въ его цѣломъ, и въ лицѣ его органовъ, должна принадлежать власть распоряжаться въ общихъ интересахъ землей.

Впрочемъ, Масловъ не стремится къ полной націонализации (муниципализации) земли: онъ предлагаетъ лишь частичную национализацию. Лишь крупное землевладѣніе должно быть экспроприровано въ пользу общества, мелкое же и среднее землевладѣніе должно остаться незатронутымъ реформой. При этомъ условіи, все значеніе реформы должно опредѣляться тѣмъ, насколько высокъ будетъ принятый общественной властью максимумъ неотчуждаемаго землевладѣнія. Никакихъ указаній на этотъ счетъ г. Масловъ не даетъ, предоставляя рѣшить этотъ вопросъ народному представительству будущихъ областныхъ организаций.

Въ такомъ же туманѣ г. Масловъ оставляетъ и другой, не менѣе, существенный вопросъ, что будутъ дѣлать областныя организации съ имѣющей поступить въ ихъ распоряженіе земель. Онъ подымаетъ только край завѣсы и намекаетъ, что интересы трудового земледѣльца не пострадаютъ: «въ центральной Россіи землей будутъ пользоваться на льготныхъ условіяхъ самыя мелкія хозяйства».

Но такъ какъ крестьяне живутъ и требуютъ земли не только въ центральной Россіи, то можно быть увѣреннымъ, что если бы планъ г. Маслова осуществился, то и въ другихъ частяхъ Россіи землей пользовались бы «самыя мелкія», иначе говоря, крестьянскія хозяйства.

Вообще, хотя г. Масловъ тщательно остерегается сказать, что земля, переходящая въ руки областныхъ организаций, должна, въ свою очередь, перейти отъ нихъ, въ главной своей массѣ, въ пользованіе трудового земледѣльческаго населенія, таковъ, несомнѣнно, смыслъ проектируемой имъ земельной реформы. Такъ, никакъ нельзя предположить, чтобы г. Масловъ серьезно имѣлъ въ виду оставить экспроприруемую землю въ арендномъ пользованіи крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ; нельзя потому, что вся реформа предпринимается въ виду мощнаго крестьянскаго движенія, охватившаго всю Россію, движенія, лозунгомъ котораго является «земля—народу». Никакой серьезный общественный дѣятель не можетъ допустить, чтобы крестьяне удовольствовались, вмѣсто земли, той долей земельной ренты, которая можетъ перейти въ распоряженіе областныхъ организаций при экспроприации частнаго

землевладѣнія. Имъ нужна именно земля, возможность вести на ней свое хозяйство и это прекрасно понимаетъ г. Масловъ. Поэтому, совершенно ясно, что по проекту г. Маслова, областныя организации должны играть лишь роль органовъ, распредѣляющихъ главную массу своей земли между трудящимся земледѣльческимъ населеніемъ, въ интересахъ этого послѣдняго.

Соціалисты-революціонеры выдвинули свой проектъ «соціализации» земли. Что же такое «соціализация» земли, есть-ли это нѣчто отличное отъ націонализации или одна изъ формъ послѣдней?

Соціализация земли того типа, который первоначально предлагался г. Новоторжскимъ, конечно, не есть націонализация, такъ какъ послѣдняя предполагаетъ переходъ земли въ достояніе всего народа, а г. Новоторжскій имѣлъ въ виду переходъ земли въ руки части народа, земледѣльческаго населенія, съ полнымъ устраненіемъ отъ распоряженія землей всѣхъ неземледѣльческихъ общественныхъ группъ. Но теперь этотъ проектъ снятъ съ обсуждения самимъ авторомъ. Во второмъ изданіи своей брошюры г. Новоторжскій опредѣляетъ соціализацию земли «какъ пользованіе государственной землей свободными общинами земледѣльцевъ, не прибѣгающихъ въ обработкѣ земли къ наемному труду и передѣляющихъ площадь своего землепользованія между собою въ зависимости отъ измѣненій семейнаго состава черезъ опредѣленное количество лѣтъ. Другими словами, это та же русская передѣльная община, приспособленная къ націонализации земли путемъ сохраненія общиннаго землепользованія, при уничтоженіи общиннаго землевладѣнія».

Такимъ образомъ, соціализацию земли г. Новоторжскій признаетъ опредѣленной формой націонализации земли. Сама по себѣ націонализация земли не предрѣшаетъ способа пользованія национализованной землей. Буржуазные сторонники земельной реформы на Западѣ отнюдь не стремятся къ уничтоженію капиталистическаго земледѣлія: национализованная земля будетъ отдаваться государствомъ, по ихъ планамъ, въ аренду тѣмъ, кто дастъ наивысшую плату. Напротивъ, соціализация земли, какъ понимаетъ г. Новоторжскій, есть такая форма націонализации, при кото-

рой государственная земля передается въ пользование земледѣльческихъ общинъ.

Такое пониманіе термина «соціализація земли» вполне ясно и опредѣленно и не заключаетъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ логическихъ противорѣчій. Поэтому, съ нимъ можно было бы согласиться, если бы оно было общепринятымъ. Но, несомнѣнно, въ программѣ социалистовъ-революціонеровъ, равно какъ и вообще въ литературѣ этой партіи названному термину придается нѣсколько иное и болѣе широкое значеніе. Опредѣляющими признаками понятія соціализаціи земли являются, въ этомъ послѣднемъ, болѣе широкомъ смыслѣ, два момента: 1) переходъ земли «въ общенародное достояніе» и 2) «уравнительно трудовое пользованіе землей». Пунктъ первый устанавливаетъ, что соціализація земли есть одинъ изъ видовъ націонализаціи. Пунктъ второй поясняетъ, какой именно видъ — тотъ видъ, при которомъ капиталистическое земледѣліе упраздняется и земля переходитъ въ уравнительно-трудовое пользованіе производителей-земледѣльцевъ, совершенно независимо отъ того, какъ будетъ организовано это пользованіе — будутъ-ли земледѣльцы соединены въ особые земельные союзы или общины, или же каждый будетъ единолично получать землю въ свое особое пользованіе. Иными словами, соціализація земли въ этомъ смыслѣ сохраняетъ совершенный нейтралитетъ по отношенію къ двумъ формамъ крестьянскаго землевладѣнія, господствующимъ у насъ — общинному и подворному, одинаково допуская какъ то, такъ и другое. Такое пониманіе термина «соціализація земли» является болѣе или менѣе общепринятымъ среди той партіи, которая выдвинула рассматриваемое понятіе. Поэтому, мы и будемъ его держать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Вполнѣ очевидно, что соціализація земли въ этомъ смыслѣ никакъ не можетъ быть противопоставляема націонализаціи; не менѣе очевидно, что тотъ типъ націонализаціи земли, который предлагается социалистами-революціонерами, глубоко отличается отъ обычныхъ плановъ націонализаціи земли, предлагающихся на Западѣ. Соціализація земли есть нѣчто весьма своеобразное, продуктъ самостоятельнаго творчества русской общественной мысли и въ

этомъ отношеніи аграрный проектъ социалистовъ-революціонеровъ заслуживаетъ величайшаго вниманія.

Очевидно, идея уравнительно-трудового пользованія націонализованной землей внушена русской общиной. Имѣется въ виду создать, такъ сказать, всероссийскую земельную общину, распространяющуюся на всѣ миллиарды десятинъ территории русскаго государства. Распоряженіе этимъ колоссальнымъ земельнымъ фондомъ должно быть, конечно, возможно децентрализовано. Национализованная земля можетъ оставаться въ пользованіи существующихъ въ настоящее время земельныхъ общинъ, но характеръ послѣднихъ, по необходимости, долженъ будетъ измѣниться: отдѣльная община уже не будетъ собственницей своихъ земель, а превратится или въ свободный частнопредпринимательскій союзъ, товарищество земледѣльцевъ, или же въ общественный органъ мѣстнаго управленія, занимающій опредѣленное мѣсто въ системѣ государственныхъ и общественныхъ учреждений, регулирующихъ уравнительное распределеніе земли между всѣми общинами страны и всѣмъ русскимъ народомъ. Гдѣ общиннаго землевладѣнія нѣтъ, тамъ земля будетъ уравнительно распределяться между отдѣльными хозяйствами при помощи другихъ органовъ, которые должны быть для этого специально созданы на основѣ самаго широкаго самоуправленія населенія.

Итакъ, на всю территорію Россіи предполагается распространить тотъ механизмъ уравнительнаго распределенія земли, который болѣе или менѣе успѣшно дѣйствуетъ въ предѣлахъ отдѣльной общины. Но я постараюсь показать, что не только постоянное поддержаніе полной уравнительности распределенія земли между отдѣльными хозяйствами, разкиданными на обширной территоріи, абсолютно не осуществимо, но что такая уравнительность недостижима и для одного опредѣленнаго момента времени. Защитники проекта соціализаціи земли, повидимому, далеко не сознаютъ всѣхъ неодолимыхъ чисто-физическихъ препятствій для осуществленія ихъ проекта во всемъ его объемѣ.

Дѣло въ слѣдующемъ. Земельные участки, по естественнымъ условіямъ, не одинаковаго качества — не одинаково плодородны и не одинаково удалены отъ мѣстъ сбыта. То же количество труда, затрачиваемаго на земледѣльче-

ское хозяйство, реализуется въ различныхъ количествахъ земледѣльческихъ продуктовъ въ зависимости отъ качества земли, подвергающейся обработкѣ. Допустимъ, что для обезпеченія продовольствія и жизни крестьянской семьи требуется 300 пудовъ хлѣба въ годъ. Пусть въ данной мѣстности 1 десятина земли даетъ, въ среднемъ, 60 пудовъ хлѣба; въ такомъ случаѣ для полученія этого количества хлѣба требуется въ данной мѣстности 5 десятинъ единовременно обрабатываемой земли, что, соотвѣтствуетъ, скажемъ, 10 десятинному надѣлу. Въ другой мѣстности 1 десятина земли, при той же затратѣ труда, даетъ, скажемъ, лишь 40 пудовъ хлѣба. Въ такомъ случаѣ, для полученія тѣхъ же 300 пудовъ хлѣба, потребуется 7½ десятинъ земли, что, соотвѣтствуетъ, допустимъ, 15 десятинному надѣлу.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что уравнительное распредѣленіе земли достигается въ этомъ случаѣ очень просто. Въ первой мѣстности нормальный надѣлъ будетъ 10, а во второй 15 десятинъ, и количество хлѣба, собираемого съ обоихъ надѣловъ, будетъ одинаково: потребительная норма будетъ осуществлена въ обоихъ случаяхъ въ равной мѣрѣ. Послѣднее вѣрно, но уравнительность землепользованія при такомъ распредѣленіи земли отнюдь не будетъ достигнута. Вѣдь не надо забывать, что если владѣлецъ 10 десятиннаго надѣла лучшей земли соберетъ столько же хлѣба, какъ и владѣлецъ 15 десятиннаго надѣла худшей земли, то количество труда, затрачиваемого для полученія этого количества хлѣба, будетъ въ обоихъ случаяхъ далеко не одинаково. Для обработки 15 десятинъ земли потребуется, согласно предположенію, въ полтора раза большая затрата труда, чѣмъ для обработки 10 десятинъ; если выручка будетъ одинакова, то затрата будетъ различна. Слѣдовательно, хозяйственные результаты обработки большаго и меньшаго надѣла будутъ не одинаковы: обработка меньшаго надѣла съ болѣе плодородной землей будетъ въ хозяйственномъ отношеніи гораздо выгоднѣе обработки большаго надѣла съ худшей землей. Иначе говоря, уравнительное распредѣленіе земли не можетъ быть достигнуто отводомъ большаго надѣла, въ соотвѣтствіи съ меньшей производительностью почвы.

Если же мы будемъ исходить не изъ потребительной, а изъ рабочей нормы, то получится неравенство обратнаго рода. Допустимъ, что 30 десятинный надѣлъ поглощаетъ силы земледѣльской рабочей семьи. Въ такомъ случаѣ работая на 30 десятинномъ надѣлѣ въ первой и второй мѣстности крестьянская семья затратитъ одинаковое количество труда; въ этомъ отношеніи будетъ достигнуто, слѣдовательно, равенство. Но зато выручка на обоихъ надѣлахъ окажется различной: въ первой мѣстности крестьянская семья соберетъ со своего надѣла 900 пудовъ хлѣба, а во второй только 600 пудовъ.

Итакъ, что-нибудь изъ двухъ — или количество продуктовъ, собираемыхъ съ земли разнаго качества, будетъ равнымъ, и въ такомъ случаѣ количество труда, затрачиваемого для полученія этого количества продуктовъ, окажется различнымъ; или же количество труда, затрачиваемого на земельныхъ участкахъ разнаго качества, будетъ равнымъ — и, въ такомъ случаѣ, количество собираемого продукта будетъ различнымъ. Уравнительное землепользованіе не будетъ достигнуто ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

Именно въ виду этого препятствія къ уравнительности землепользованія, крестьянская община, при передѣлахъ земли, прибѣгаетъ къ черзполосицѣ — отводу земли каждому члену не въ одномъ отрубномъ участкѣ (или хотя бы въ трехъ участкахъ, соотвѣтственно трехполью), а въ столькихъ участкахъ, сколько имѣется въ земляхъ общины различныхъ по своимъ достоинствамъ классовъ или сортовъ почвъ. Вся земля общины разбивается, какъ извѣстно, крестьянами при общихъ передѣлахъ земли на отдѣльные участки одинаковаго качества и достоинства и каждый крестьянинъ получаетъ свою долю въ участкѣ cadaго рода. Черзполосица является, такимъ образомъ, единственнымъ средствомъ достигнуть уравнительнаго распредѣленія земли: у cadaго крестьянина оказывается во владѣніи земля равнаго качества.

Эта черзполосица является въ предѣлахъ общины несомнѣннымъ зломъ съ точки зрѣнія агрономической техники, но зломъ не настолько существеннымъ, чтобы дѣлать совершенно невозможнымъ рациональное земледѣліе. Но

мыслимо-ли такое крестьянское хозяйство, при котором у того же хозяина одна полоса была бы в Смоленской губернии, другая в Полтавской, третья в Оренбургской и т. д.? Между тем лишь при этом условии была бы достигнута полная уравнительность землепользования для всей массы земледельческого населения России. Надѣлъ в Полтавской губернии никакимъ образомъ, какъ бы мы ни уменьшали его величину, не можетъ стать в хозяйственномъ отношеніи эквивалентнымъ надѣлу в Смоленской или Тверской губернии, ибо чѣмъ меньше будетъ полтавскій надѣлъ, тѣмъ меньшей затраты труда онъ потребуетъ для своей обработки.

Итакъ, вотъ в чемъ заключается абсолютная, физическая невозможность уравнительнаго землепользования въ предѣлахъ обширной территоріи. Увеличеніе территориальнаго размѣра общины создаетъ непреодолимые трудности для уравнительнаго землепользования. Если община охватываетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ, уравнительное распределеніе земли легко осуществимо; при нѣсколькихъ десяткахъ квадратныхъ верстъ, оно уже трудно осуществимо; при нѣсколькихъ тысячахъ квадратныхъ верстъ оно уже абсолютно неосуществимо.

Единственнымъ коррективомъ къ этой неизбежной неуравнительности землепользования можетъ быть земельное обложение: преимущества пользования земельными участками лучшаго качества могутъ быть уравновѣшаны дополнительнымъ обложениемъ земли. Иначе говоря, только переходъ всей или части дифференціальной ренты въ пользу общества можетъ ослабить неизбежное неравенство землепользования.

Отсюда видно, между прочимъ, какъ химеричны надежды нѣкоторыхъ социалистовъ-революціонеровъ уничтожить дифференціальную ренту путемъ уравнительнаго распределенія земли между трудящимися. Дифференціальная рента коренится в естественныхъ различіяхъ условий производства на земляхъ разнаго качества, в томъ, что производительность земледѣльческаго труда различна в зависимости отъ свойствъ земельного участка. Пока дифференціальная рента остается в обладаніи непосредственнаго производителя, до тѣхъ поръ неизбежны различія в до-

ходности земледѣльческаго предпріятія, какъ бы мы ни нормировали размѣры надѣловъ.

Но и обложеніе дифференціальной ренты не можетъ возстановить полнаго экономическаго равенства хозяевъ, обрабатывающихъ земли различнаго качества. Возьмемъ прежній примѣръ. Пусть в основу распределенія земли положена потребительная норма. Пятнадцати-десятинный надѣлъ в одной мѣстности даетъ столько же земледѣльческихъ продуктовъ, какъ и десяти-десятинный надѣлъ в другой мѣстности, но стоимость обработки перваго надѣла и уборки хлѣба съ него в полтора раза выше, чѣмъ со втораго надѣла. Допустимъ, что общая сумма расходовъ по веденію земледѣльческаго хозяйства (включая сюда и расцѣнку затраченнаго труда) выражается, для обоихъ надѣловъ, в 15 руб. съ десятины обрабатываемой земли. В такомъ случаѣ, общая стоимость веденія земледѣльческаго хозяйства на надѣлѣ съ худшей землей (предполагая, что одновременно обрабатывается его половина) будетъ равна $15 \times 7\frac{1}{2} = 112\frac{1}{2}$ рублей, а таковая же стоимость веденія хозяйства на второмъ надѣлѣ съ лучшей землей будетъ равна $15 \times 5 = 75$ р. Разница в $37\frac{1}{2}$ р. составляетъ долю дифференціальной ренты, которую общество можетъ удержать в свою пользу. В такомъ случаѣ, земледѣлецъ, получившій в надѣлъ второй, меньшій участокъ съ лучшей землей будетъ обложенъ налогомъ в пользу общества в 37 р. 50 к. (т.-е. по 3 р. 75 к. съ десятины), и, при наличности такого налога, общая сумма расходовъ и доходовъ съ обоихъ участковъ будетъ совершенно одинакова.

Итакъ, по видимому, при этомъ условіи экономическое равенство земледѣльцевъ, получившихъ надѣлы разнаго качества, возстанавливается. Однако, это не такъ. Дѣйствительно, денежная сумма расходовъ и доходовъ в обоихъ случаяхъ будетъ одна и та же, но чрезвычайно существенно, что на первомъ, большемъ участкѣ, затрата земледѣльца в большей мѣрѣ выражается в затратѣ труда, чѣмъ на второмъ участкѣ: 37 р. 50 к., которые уплачиваетъ обществу земледѣлецъ втораго участка, расходуются первымъ земледѣльцемъ не в видѣ денегъ, а в видѣ приложенія своего труда. Иными словами, первый

участокъ дать большее поле для приложенія трудовой силы земледѣльца и потому хозяйство на немъ, при условіи платежа вторымъ земледѣльцемъ соотвѣтствующаго налога, съ точки зрѣнія трудового земледѣльца предпочтительнѣе.

Но эта предпочтительность веденія хозяйства на первомъ участкѣ сравнительно со вторымъ не можетъ быть выражена въ какихъ бы то ни было денежныхъ суммахъ, такъ какъ она сводится къ предпочтительности работы въ своемъ хозяйствѣ, чѣмъ въ чужомъ (предполагая, что свободная доля трудовой силы при хозяйствѣ на второмъ участкѣ будетъ использована земледѣльцемъ въ видѣ работы по найму въ какомъ-либо капиталистическомъ предпріятіи, что, между прочимъ, можетъ оказаться и недостижимымъ). Словомъ, хотя путемъ обложенія дифференціальной ренты и можно уравнивать денежные расходы и доходы земледѣльцевъ, дѣйствительное уравненіе экономическихъ условій существованія земледѣльцевъ, обрабатывающихъ земельные участки разнаго качества, такимъ путемъ недостижимо.

Итакъ, къ какимъ бы приѣмамъ уравненія мы ни прибѣгали, вполне уравнительное землепользованіе для обширныхъ группъ населенія оказывается не больше, какъ неосуществимой мечтой. Рѣчь можетъ идти только о болѣе или менѣе грубомъ приближеніи къ этой уравнительности, причемъ необходимымъ условіемъ для такого приближенія является обложеніе дифференціальной ренты, противъ чего горячо возстаютъ многіе социалисты-революціонеры.

Этого мало. Если бы для опредѣленнаго момента времени нѣчто приближающееся къ уравнительности землепользованія и было достигнуто, приближеніе это могло бы удержаться лишь на очень короткій срокъ. Естественныя различія въ приростѣ земледѣльческаго населенія въ различныхъ районахъ неизбѣжно должны очень скоро нарушить уравнительность. Для возстановленія ея пришлось бы прибѣгнуть къ новому общему передѣлу земли. Но какъ осуществить этотъ передѣлъ? Нужно, опять-таки, ясно понять всѣ трудности, соединенныя съ такой операцией. Допустимъ, что въ одномъ районѣ душевой надѣлъ, благодаря приросту населенія, уменьшился на 10⁰/₀, въ

другомъ на 15⁰/₀, въ третьемъ на 20⁰/₀. Чтобы уравниять между собой землепользованіе въ этихъ различныхъ районахъ нужно или дать земледѣльческому населенію въ послѣднемъ районѣ (напр. въ Херсонской губерніи) часть земли въ первомъ и второмъ районахъ (напр. въ Пермской и Витебской губ.) или же переселить населеніе изъ одного района въ другой. Всякій передѣлъ земли (а ихъ приходилось бы повторять часто, чтобы избѣгать значительнаго увеличенія неравенства въ распредѣленіи земли) превращался бы въ своего рода великое переселеніе народовъ: миллионы жителей покидали бы свои родные дома и устремлялись бы за тысячи верстъ искать себѣ новаго мѣстожительства. Въ общемъ, это было бы равносильно совершенному уничтоженію осѣдлой жизни и возвращенію къ кочевому періоду исторіи. Русское крестьянство превратилось бы въ толпы номадовъ, которые бродили бы по необъятной территоріи нашей родной страны, осѣдая на непродолжительное время на одномъ мѣстѣ, чтобы опять быть столкнутымъ съ него новымъ передѣломъ.

Картина получается до послѣдней степени нелѣпая, но—я настаиваю на этомъ—она представляетъ собой логически необходимый выводъ идеи уравнительнаго землепользованія. Все дѣло въ томъ, что расширеніе территориальныхъ рамокъ земельной общины создаетъ совершенно новыя и непреодолимыя трудности для уравнительнаго передѣла земли. При передѣлѣ внутри общины передвигается отъ одного члена общины къ другому право пользования извѣстнымъ земельнымъ участкомъ; но такъ какъ всѣ земельные участки общины размѣщены въ предѣлахъ ограниченной территоріи, то это передвиганіе не требуетъ передвиганія и мѣстожительства земледѣльца. Напротивъ, если территорія общины громадна, если всѣ жители страны составляютъ одну общину (хотя бы и разбитую на десятки тысячъ мелкихъ общинъ), то передвиганіе права пользования земельными участками не можетъ не сопровождаться и передвиганіемъ мѣстожительства земледѣльца, ибо обрабатываемый участокъ долженъ быть въ извѣстной близости отъ мѣстожительства земледѣльца.

Итакъ, нужно это признать безъ всякихъ ограниченій, идея уравнительнаго землепользованія, вполне плодотвор-

ная въ предѣлахъ одной общины, неосуществима во всемъ своемъ объемѣ въ рамкахъ цѣлой страны. Идеаль всеобщаго равенства не можетъ быть достигнутъ на почвѣ индивидуальнаго пользованія средствами производства. Только социализмъ—общественное пользованіе средствами производства, въ томъ числѣ и земель—можетъ создать условія для осуществленія этого идеала. Пока же земля остается въ пользованіи отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, до тѣхъ поръ неизбѣжно большее или меньшее неравенство въ распредѣленіи между ними земли и всякія попытки устранить это неравенство останутся, по необходимости, безуспѣшными, разобьются о желѣзную стѣну экономической невозможности.

Итакъ, вполне уравнительное землепользованіе, о которомъ мечтаютъ социалисты революціонеры, неосуществимо. Но изъ этого я не дѣлаю вывода, что вообще вся аграрная программа социалистовъ-революціонеровъ несостоятельна и заслуживаетъ лишь отрицательнаго отношенія.

Я думаю, наоборотъ, что программа эта, несмотря на свой указанный основной недостатокъ, все же совершенно вѣрно намѣчаетъ то общее направленіе, ту руководящую цѣль, которую неизбѣжно должна поставить себѣ великая земельная реформа, предстоящая Россіи. Программа эта грѣшитъ прямолинейностью и догматичностью, она слишкомъ абсолютна; чтобы стать жизненной и практичной, она должна быть введена въ рамки возможнаго и осуществимаго, должна быть приспособлена къ реальнымъ условіямъ переживаемаго момента. Не нужно забывать, что уравнительное землепользованіе и вообще всякая мыслимая форма націонализаціи земли никоимъ образомъ не можетъ быть идеаломъ. Всякая земельная реформа есть лишь временное и весьма несовершенное средство устранить нѣкоторые, наиболѣе вопіющіе недостатки существующаго хозяйственнаго строя. Пока сохранится индивидуальное владѣніе средствами производства (а уравнительное землепользованіе цѣликомъ покоится на предположеніи такового, ибо только потому и требуется выравниваніе землепользованія, что земля находится въ пользованіи отдѣльныхъ хозяевъ), до тѣхъ поръ сохранится и неравенство, а, слѣ-

довательно, и эксплуатація одними членами общества другихъ. Слѣдовательно, не нужно проектировать земельную реформу такимъ образомъ, какъ если бы дѣло шло объ идеаль. Идеаломъ является социализмъ; уравнительное же землепользованіе не имѣетъ смысла при социализмѣ, а при капиталистическомъ, или, вообще, товарохозяйственномъ строѣ, оно во всемъ своемъ объемѣ недостижимо.

Съ этой точки зрѣнія мы легко поймемъ ошибочность, несогласованность съ социалистическимъ идеаломъ всѣхъ такихъ конструкцій, какъ право на землю и т. п., чѣмъ очень увлекаются за послѣднее время многіе социалисты-революціонеры. Право на землю есть еще болѣе несостоятельная идея, чѣмъ право на трудъ. Что касается этого послѣдняго права, то Каутскій вполне убѣдительно показалъ всю внутреннюю пустоту соответствующей идеи, увлекавшей французскихъ социалистовъ 40-хъ годовъ. При капиталистическомъ строѣ это право неосуществимо, при социалистическомъ же отпадаетъ всякая надобность въ его осуществленіи. То же нужно сказать и о «правѣ на землю», съ тѣмъ добавленьемъ, что въ правѣ на землѣ заключаются элементы, прямо враждебные социализму. Г. Черновъ, одинъ изъ руководящихъ теоретиковъ социалистовъ-революціонеровъ, даетъ такое опредѣленіе «права на землю»: «Общественныя права на землю суть, иными словами, общегражданскія права. Это значитъ, что за каждымъ гражданиномъ признается равное право на землю, иначе сказать, право отдѣльнаго гражданина ограничивается такимъ же равнымъ правомъ другого гражданина». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сочувственно цитируетъ слѣдующіе слова Чернышевскаго, поясняющія смыслъ этого права: «Я—сынъ моей родины—этого довольно, родина поступаетъ со мною какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться; я получаю участокъ изъ государственной собственности. Всѣ дѣти равно милы ей—я получаю столько же, сколько мои братья».

Итакъ, за каждымъ гражданиномъ должно быть признано равное право требовать себѣ въ пользованіе землю. Не забудемъ, что въ данномъ случаѣ Черновъ хочетъ формулировать общій правовой принципъ, своего рода есте-

ственное право, имѣющее абсолютное значеніе, а не только примѣнительно къ условіямъ даннаго историческаго момента. Пусть такъ, но въ такомъ случаѣ почему Черновъ говоритъ только о землѣ? Если всѣ имѣютъ равное право на личное пользованіе землей, то, значить, и на личное пользованіе (съ устраненіемъ общественнаго пользованія) другими средствами производства—домами, постройками, инструментами и орудіями труда, сырымъ матеріаломъ. Неужели Черновъ не видитъ, что, въ своемъ логическомъ развитіи, его право на землю противорѣчитъ принципу общественной организаціи труда? Если каждый можетъ требовать себѣ землю, то, значить, общество не имѣетъ права использовать производительныя силы земли тѣмъ способомъ, который оно признаетъ наилучшимъ. Признаніе «общегражданскаго права на землю» есть, такимъ образомъ, отрицаніе права общества распоряжаться въ общихъ интересахъ всѣми средствами производства, въ томъ числѣ и землей.

Если это и социализмъ, то социализмъ анархическаго типа, и, притомъ, въ своей первоначальной, Годвиновской формѣ. Черновъ оговаривается, что право на землю, въ его представленіи, не есть «какое то особое, самостоятельное и независимое право, наряду съ правомъ на существованіе, а лишь частное проявленіе или направленіе этого болѣе глубокаго и основнаго права». Но, вѣдь, для существованія нужно обладать не землей, какъ средствомъ производства, а продуктами земли. Какой же ущербъ потерпитъ право на существованіе, если право на землю будетъ признаваться лишь за всѣмъ обществомъ, а за каждой отдѣльной личностью будетъ признаваться равное право на пользованіе лишь продуктами общественнаго труда? И, наоборотъ, не будетъ ли противорѣчить равному праву всѣхъ на существованіе, если будетъ признано за каждымъ право захватывать въ свое пользованіе средства производства и этимъ давать нераціональное направленіе общественному производству и этимъ уменьшать общую сумму общественнаго продукта, отчего въ равной мѣрѣ терпятъ ущербъ всѣ члены общества?

Итакъ, идея уравнительнаго землепользованія отнюдь не пригодна для тѣхъ широкихъ выводовъ, которые

склонны изъ нея дѣлать нѣкоторые представители народническаго направленія. Она не можетъ лечь въ основаніе общественнаго идеала, ибо по самому существу противорѣчитъ общественной организаціи труда, чего требуетъ современный социализмъ. Только съ анархической точки зрѣнія идея эта, какъ общій правовой принципъ, можетъ встрѣтить сочувствіе и поддержку.

Но какъ регулятивный принципъ практической земельной реформы, идея уравнительнаго землепользованія не можетъ быть отвергнута. Мало того. Не трудно показать, что на этой идеѣ, въ сущности, сходятся всѣ проекты земельной реформы, выдвинутые нашимъ временемъ. Вѣдь всѣ эти проекты имѣютъ въ виду дать большее или меньшее удовлетвореніе крестьянскимъ требованіямъ земли, путемъ передачи, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, всей или части земли, принадлежащей теперь крупнымъ владельцамъ, въ руки массы земледѣльческаго населенія. Поэтому смыслъ всѣхъ этихъ проектовъ заключается въ уменьшеніи существующаго неравенства землепользованія, иначе говоря, въ большемъ или меньшемъ приближеніи къ уравнительности послѣдняго.

Соціаль-демократы неохотно говорятъ о томъ, какое назначеніе получаютъ помѣщичьи земли послѣ ихъ конфискаціи. Но, очевидно, что онѣ перейдутъ, главнымъ образомъ, въ непосредственное пользованіе крестьянъ, ибо никакого другого рѣшенія земельного вопроса крестьянская масса, въ согласіи съ которой хочетъ дѣйствовать социаль-демократія, не допуститъ. Какой же другой принципъ, кромѣ уравнительнаго распредѣленія земли, можетъ быть принятъ крестьянами при дѣлежѣ захваченныхъ земель? Вѣдь, нельзя же предположить, что крестьянская бѣдность и вообще малоземельная часть крестьянства откажется отъ земли, которой она такъ страстно желаетъ, въ пользу деревенскихъ богатѣевъ?

Итакъ, то, что предстоитъ Россіи въ ближайшемъ будущемъ, есть, несомнѣнно, распредѣленіе земли между земледѣльческимъ населеніемъ въ направленіи къ уравнительности. Правда, уравнительность эта, по необходимости, будетъ весьма и весьма неполной и несовершенной. Полное земельное равенство невозможно; но уменьшеніе земель-

наго неравенства, движеніе въ сторону уравнительности землепользованія неизбежно—послѣ реформы земля будетъ распредѣлена равномѣрнѣе, чѣмъ до нея.

Но если однажды произойдетъ такое уравнительное (въ указанномъ относительномъ смыслѣ) перераспредѣленіе земли, то есть полное основаніе думать, что то же будетъ повторяться и въ будущемъ. Ибо тѣ же причины должны вызывать тѣ же слѣдствія. Если въ настоящее время неравномѣрность распредѣленія земли вызываетъ движеніе въ пользу уравнительности землепользованія, то неизбежно долженствующая возникнуть въ будущемъ (хотя бы уже по неодинаковости прироста земледѣльческаго населенія въ различныхъ мѣстностяхъ или въ отдѣльныхъ общинахъ) новая неравномѣрность землепользованія должна вызвать новое движеніе въ пользу уравнительности. И это тѣмъ болѣе, что труденъ лишь первый шагъ; теперь переходъ земли въ руки народа требуетъ величайшаго напряженія народной мощи. На пути къ такому переходу стоятъ громадныя препятствія — сосредоточенная сила всего классоваго государства. Когда это сопротивление будетъ побѣждено и земля перейдетъ въ руки трудящагося народа—то что можетъ удержать народъ повторить, уже съ неизмѣримо меньшимъ сопротивленіемъ, то, что удалось ему однажды? Нужно представить себѣ все неизмѣримое моральное значеніе того потрясающаго удара принципу частнаго землевладѣнія, который будетъ нанесенъ земельной реформой. И можетъ ли народная масса, которая однажды добилась земли и воли, допустить, чтобы земля опять ушла изъ ея рукъ и сосредоточилась у немногихъ?

Нѣтъ, первый всероссійскій передѣлъ предопредѣлитъ собой и все послѣдующее развитіе нашихъ аграрныхъ отношеній. Все заставляетъ думать, что предстоящая земельная реформа приметъ характеръ націонализаціи земли, по крайней мѣрѣ, частичной. Даже среди партіи к.-д. все усиливается теченіе въ пользу націонализаціи земли. Программа социалистовъ-революціонеровъ выдвигаетъ, подъ названіемъ социализаціи земли, одну изъ формъ націонализаціи. Что касается до социаль-демократовъ, то одна группа ихъ открыто высказывается за націонализацію земли, а другая стоитъ за то же, выдвигая проектъ «муниципализа-

заціи земли». Такимъ образомъ, можно ожидать, что крупное землевладѣніе исчезнетъ не въ пользу мелкой земельной собственности, а въ пользу общенароднаго землепользованія.

Если же такъ, то новое неравномѣрное сосредоточеніе земли въ однѣхъ рукахъ должно неизбежно вызывать новыя равенія. Уравнительное землепользованіе должно стать, такимъ образомъ, опредѣляющимъ принципомъ земельной политики тѣхъ демократическихъ общественныхъ учреждений, въ руки которыхъ перейдетъ распоряженіе землей.

Итакъ, не смотря на неосуществимость земельного равенія во всей полнотѣ и чистотѣ, приближеніе къ такому есть единственно возможное основаніе земельной реформы въ Россіи. Аграрная программа социалистовъ-революціонеровъ формулируетъ это требованіе, какъ общій руководящій принципъ, сходясь въ этомъ съ требованіями и завѣтными идеалами крестьянской массы—и въ этомъ сильная сторона названной программы. Соціаль-демократическія программы не формулируютъ открыто этого принципа, но въ скрытой формѣ онъ присутствуетъ и въ нихъ, ибо ни въ какомъ другомъ направленіи, кромѣ земельного равенія, по условіямъ историческаго момента и реального соотношенія общественныхъ силъ, націонализація земли у насъ совершиться не можетъ.

Итакъ, по вопросу о томъ, какое употребленіе должны получить земли, перешедшія въ общественную собственность, между нашими социалистическими партіями существеннаго разногласія нѣтъ. Несмотря на свои яростныя нападки на «земельное равеніе» социалистовъ-революціонеровъ, социаль-демократы скрыто признаютъ тотъ же самый принципъ, въ извѣстномъ ограниченномъ и относительномъ смыслѣ. Гораздо существеннѣе, повидимому, другое разногласіе обѣихъ аграрныхъ программъ: социалисты-революціонеры требуютъ націонализаціи всей земли, включая сюда и крестьянскія надѣльныя земли, между тѣмъ какъ социаль-демократы хотятъ подвергнуть націонализаціи (въ формѣ муниципализаціи) лишь помѣщичье землевладѣніе, оставляя крестьянское землевладѣніе въ прежнемъ видѣ.

Но это разногласіе болѣе формальное, чѣмъ по суще-

ству. Переходя къ практической разработкѣ своей аграрной программы, социалисты-революціонеры обыкновенно указываютъ, что въ ихъ планы отнюдь не входитъ немедленная коренная ломка всего исторически сложившагося крестьянскаго землевладѣнія. Свою программу они понимаютъ какъ общую директиву земельной реформы, отнюдь не считая возможнымъ немедленное осуществленіе ея во всемъ объемѣ. Именно такъ смотрятъ на дѣло социалъ-народники, вліятельнѣйшимъ представителемъ которыхъ въ настоящее время является г. Пѣшехоновъ. Такъ, по его словамъ, «имѣются серьезныя соображенія въ пользу того, чтобы за крестьянами на ихъ теперешнія земли сохранить особое право до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не упрочится демократическій режимъ». Необходимость немедленнаго государственнаго вмѣшательства въ эту область г. Пѣшехоновъ предусматриваетъ лишь въ трехъ случаяхъ: 1) въ случаѣ переселенія и оставленія крестьяниномъ своего участка для устройства на новомъ участкѣ, 2) въ случаѣ прекращенія крестьяниномъ земледѣльческаго хозяйства, въ каковомъ случаѣ «государство должно будетъ, конечно, выкупить у крестьянина его право на землю, если только оно будетъ выкупать у частнаго землевладѣльца» и 3) въ случаѣ перехода крестьянина къ предпринимательскому, капиталистическому хозяйству на своей землѣ, что должно «служить достаточнымъ и вполне понятнымъ для народа основаніемъ для принудительнаго выкупа».

Социалисты-революціонеры, повидимому, согласны допустить сохраненіе (на ближайшее время) существующаго крестьянскаго землевладѣнія. Иными словами, и они требуютъ націонализациі (соціализациі) лишь того землевладѣнія, которое превосходитъ трудовую норму. Программа социалъ-демократовъ, принятая на послѣднемъ съѣздѣ партіи и воспроизводящая, съ незначительными измѣненіями, проектъ Маслова, требуетъ муниципализациі «частновладѣльческихъ земель, кромѣ мелкаго землевладѣнія», причемъ «минимальный размѣръ подлежащихъ конфискаціи земельныхъ участковъ опредѣляется крупными органами мѣстнаго самоуправленія».

Въ виду того, что въ органахъ мѣстнаго самоуправленія рѣшающей голосъ будетъ принадлежать трудовому

крестьянству, не подлежитъ сомнѣнію, что муниципализациі подвергнется все частное землевладѣніе, превышающее трудовую норму. Итакъ, оба проекта націонализациі земли—принадлежащій социалистамъ-революціонерамъ и социалъ-демократамъ—распространяются, приблизительно, на ту же область—оба они направлены специально противъ средняго и крупнаго землевладѣнія, оставляя совсѣмъ или почти совсѣмъ незатронутымъ мелкое трудовое землевладѣніе.

Въ концѣ концовъ, оказывается, что аграрныя программы нашихъ обѣихъ социалистическихъ партій такъ близки, что между ними трудно провести разграничительную черту. Не взирая на полемику марксистовъ съ народниками и, дѣйствительно, глубокия теоретическія разногласія между ними, въ практической жизни обѣ партіи идутъ рядомъ. И это является, въ моихъ глазахъ, лучшимъ доказательствомъ жизненности аграрной программы, общей обѣимъ партіямъ (а также, отчасти и к.—д.) программы, провозглашающей принципъ перехода всего крупнаго и средняго землевладѣнія въ руки общенародныхъ общественныхъ организацій, съ сохраненіемъ (пока) неприкосновенности мелкаго, трудового землевладѣнія. Только эта программа можетъ быть принята какъ крестьянской массой, такъ и пролетаріатомъ и социалистической интеллигенціей.

Гораздо больше сомнѣній и разногласій возбуждаетъ вопросъ о вознагражденіи владѣльцевъ отчуждаемой земли. Обсужденіе этого вопроса ведется у насъ очень горячо, но, главнымъ образомъ, съ этической точки зрѣнія. Спорятъ, преимущественно, о томъ, что «справедливѣе»—отобрать землю въ пользу народа безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ или же вознаграждать ихъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ.

При такой постановкѣ вопроса нельзя не признать, что безусловно правы противники выкупа. Дѣйствительно, что такое, какъ не очевидный софизмъ, главный аргументъ сторонниковъ выкупа—указаніе на несправедливость конфискаціи земельной собственности, въ то время какъ собственность на капиталъ остается неприкосновенной. Этотъ аргументъ имѣлъ бы смыслъ, если бы выдвигающіе его требовали конфискаціи безъ выкупа также и всѣхъ частныхъ капиталовъ. Однако, это требованіе никѣмъ не вы-

ставляется и, всего меньше, сторонниками выкупа частного землевладѣнія «по справедливой оцѣнкѣ». Очевидно, всѣ убѣждены, что конфискація всѣхъ средствъ производства въ пользу общества—иначе говоря, социалистическое преобразование общества — въ данный моментъ невозможна. Но переходъ части средствъ производства—земли — въ руки общества признается сторонниками выкупа возможнымъ. Какимъ же образомъ невозможность конфисковать движимый капиталъ можетъ быть аргументомъ въ пользу несправедливости конфискаціи частной земельной собственности?

Поясню дѣло примѣромъ. У меня украли часы и кошелекъ. Я нахожу вора, присвоившаго себѣ мои часы. Долженъ ли я ему платить выкупъ за свои часы на томъ основаніи, что другой воръ, завладѣвшій моимъ кошелькомъ, находится для меня «за предѣлами досягаемости?» И будетъ ли мною совершена несправедливость по отношенію къ первому вору, если я преспокойно отберу у него свои часы, хотя бы мой кошелекъ продолжалъ радовать сердце другого, болѣе счастливаго, похитителя моей собственности? Конечно, изъ обоихъ похитителей одинъ очутился въ худшемъ положеніи, чѣмъ другой, и можетъ роптать на несправедливость судьбы, лишившей его награбленнаго и пощадившей его не менѣе виновнаго товарища. Но въ честныхъ людяхъ вся эта воровская мораль не встрѣтитъ, конечно, ни малѣйшаго сочувствія. Честный человѣкъ отвѣтитъ пойманному вору: «тутъ, конечно, есть несправедливость, но не въ томъ, что у тебя отобрали похищенные часы, а въ томъ, что до сихъ поръ не отобрали кошелекъ, съ которымъ скрылся твой пріятель. Несправедливость совершена, слѣдовательно, не по отношенію къ тебѣ, а по отношенію къ честному человѣку, котораго вы вмѣстѣ ограбили. Подожди немного, твоего пріятеля поймаютъ и у него отберутъ кошелекъ, какъ у тебя теперь отбираютъ часы. Тогда справедливость будетъ восстановлена, но отъ этого тебѣ будетъ не легче».

При рѣшеніи вопроса о справедливости или несправедливости выкупа земельной собственности важно лишь одно — признается ли справедливымъ самый институтъ частного землевладѣнія. Если рѣшить этотъ вопросъ отри-

цательно, если признать, что не существуетъ и не можетъ существовать моральныхъ основаній, чтобы земля принадлежала тѣмъ, кто не участвуетъ своимъ трудомъ въ ея обработкѣ, а не тѣмъ, кто поливаетъ ее своимъ трудовымъ потомъ, то всякій разговоръ о нравственныхъ правахъ землевладѣльцевъ на вознагражденіе покажется профанацией нравственнаго чувства. Именно крупная земельная собственность есть самый несправедливый видъ собственности, такъ какъ вся она выросла на крови и насиліи. Сильные люди обратили въ рабство земледѣльца и захватили его земли. Въ теченіе многихъ поколѣній земледѣлецъ оставался простымъ рабочимъ скотомъ своихъ господъ, жившихъ въ роскоши и довольствѣ, ничего не дѣлая, насчетъ того, чьимъ удѣломъ была нищета и непрерывный трудъ. Наконецъ, пахарь сбросилъ съ себя рабское иго и получилъ личную свободу; ему осталось получить похищенную у него землю. Кто же долженъ платить выкупъ, тотъ, кто возвращаетъ свое естественное достояніе, котораго онъ столько лѣтъ несправедливо лишенъ, или же тотъ, кто несправедливо завладѣлъ этимъ достояніемъ и не по праву пользовался имъ много лѣтъ въ ущербъ правомѣрному владѣльцу?

Ничего не можетъ быть естественнѣе и понятнѣе глубокаго негодованія, которое вызываетъ въ революціонномъ крестьянствѣ самая мысль о выкупѣ земли. Съ моральной точки зрѣнія вопросъ о выкупѣ кристалльно ясенъ: единственно справедливая выкупная цѣна земли это — ни копейки землевладѣльцу!

Къ сожалѣнію, моральная точка зрѣнія могла бы имѣть въ данномъ случаѣ существенно важное значеніе лишь тогда, когда бы дѣло шло о перестройкѣ заново всего общественаго зданія, о созданіи социалистическаго строя.

Но націонализація земли не имѣетъ въ виду покончить съ капиталистическимъ способомъ производства. Напротивъ, все значеніе этой реформы въ томъ и заключается, что она осуществима въ предѣлахъ капиталистическаго строя. Переходъ земли къ народу не будетъ сопровождаться переходомъ въ руки общества всѣхъ средствъ производства; капиталъ останется въ частномъ владѣніи и капиталистическая эксплуатация труда не прекратится. На-

ціоналізація землі должна быть приспособлена къ неизмѣннымъ условіямъ капиталистическаго хозяйства, ибо только въ этомъ случаѣ земельная реформа можетъ имѣть успѣхъ. Націоналізація землі должна быть произведена такимъ образомъ, чтобы развитіе производительныхъ силъ страны, долженствующее по прежнему совершаться въ рамкахъ капитализма, не пострадало. Въ противномъ случаѣ, земельная реформа приведетъ не къ обогащенію, а къ обѣднѣнію народа, который всего болѣе заинтересованъ въ поднятіи производительности общественнаго труда.

Именно съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ рассмотретьъ вопросъ о выкупѣ земли. Какъ отразится на дальнѣйшемъ развитіи народнаго хозяйства Россіи конфискація частнаго землевладѣнія?

Если бы земля не была тѣсно связана съ денежнымъ и промышленнымъ капиталомъ, въ такомъ случаѣ конфискація земли могла бы произойти безъ всякаго потрясенія промышленнаго развитія страны. Но это не такъ. Денежный капиталъ фактически подчиняетъ себѣ землевладѣніе, нерѣдко являющееся только юридической формой, въ которой скрывается власть денежнаго капитала. Земля заложена. На нашемъ частномъ землевладѣніи (кромѣ долговъ крестьянскому банку) лежитъ болѣе 1½ миллиарда долговъ учрежденіямъ ипотечнаго кредита, не говоря уже о долгахъ землевладѣльцевъ частнымъ лицамъ. Въ числѣ ипотечныхъ долговъ самую значительную часть представляетъ собой долгъ государственному Дворянскому Банку. Какъ быть со всѣми этими долгами? Конфисковать частное землевладѣніе значитъ отказаться отъ уплаты всего долга, лежащаго на частномъ землевладѣніи. Но какія послѣдствія это будетъ имѣть для всего экономическаго развитія Россіи? Не нанесетъ ли это уничтожающаго удара всей нашей капиталистической промышленности?

Не нужно доказывать, что капиталистическая промышленность немислима безъ кредита, а кредитъ, въ свою очередь, невозможенъ безъ довѣрія кредитора къ должнику. Если русское государство откажется платить по закладнымъ листамъ Дворянскаго Банка, то это будетъ частичное государственное банкротство, и притомъ банкротство не вслѣдствіе фактической *невозможности* платить, а вслѣд-

ствіе принципіальнаго *нежеланія* платить. Различіе это очень важно въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ были нерѣдки случаи государственнаго банкротства по первой, но отнюдь не по второй причинѣ; при банкротствѣ по первой причинѣ кредиту не наносится такого удара, какъ при банкротствѣ второго типа, ибо фактическая невозможность платить долги обыкновенно бываетъ для государства временной и преходящей, а принципіальное нежеланіе платить имѣетъ характеръ длительный и устойчивый. Банкротство перваго типа не убиваетъ въ корнѣ кредита — при улучшеніи финансоваго положенія страна опять получаетъ возможность кредитоваться, ибо вѣра въ добрую волю государственной власти исполнять свои обязательства не утрачивается. Напротивъ, страна, отказавшаяся платить свои долги, имѣя для этого средства, очевидно совершенно утрачиваетъ свою кредитоспособность, ибо какой капиталистъ будетъ настолько безуменъ, чтобы ввѣрить свои деньги должнику, который уже разъ публично заявилъ о своемъ нежеланіи платить деньги и осуществилъ свое желаніе на дѣлѣ?

Итакъ, отказъ отъ уплаты процентовъ по закладнымъ листамъ Дворянскаго Банка равносильно разрушенію нашего государственнаго кредита. Въ такомъ случаѣ, конечно, не будетъ смысла платить проценты и по другимъ государственнымъ долгамъ. Мы начисто откажемся отъ платежа сотенъ милліоновъ рублей этихъ процентовъ, такъ тяжело обременяющихъ нашъ бюджетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, окажется въ невозможности платить свои долги и множество частныхъ лицъ — прежде всего землевладѣльцы, которые лишатся всего своего имущества, затѣмъ земельные банки, держатели закладныхъ листовъ и т. д., и т. д.

Словомъ, послѣдуетъ глубочайшее разстройство не только государственнаго, но и частнаго кредита.

Быть можетъ, многихъ изъ нашихъ социалистовъ такая перспектива нисколько не смутитъ. И прекрасно — скажутъ они — бѣдняки выиграютъ, а богачи проиграютъ. Государственный бюджетъ получитъ огромное облегченіе, и мужикъ избавится отъ давящей его тяжести уплаты процентовъ по государственнымъ и частнымъ займамъ.

Однако, прослѣдимъ дальше послѣдствія этой смерти

кредита. Наша промышленность существуетъ, въ значительной мѣрѣ, насчетъ прилива къ намъ миллиардовъ рублей иностраннаго капитала. Этотъ приливъ, конечно, прекратится; его замѣнитъ отливъ капитала изъ Россіи, ибо кто станетъ держать въ Россіи денежный капиталъ, не имѣя возможности его никому довѣрить, когда есть полная возможность перевести капиталъ за границу? Вѣдь капиталъ не земля — землю въ карманѣ не увезешь, а денежный капиталъ можетъ быть переведенъ въ какой угодно заграничный банкъ въ нѣсколько часовъ или даже минутъ.

Итакъ, мы останемся безъ денежныхъ капиталовъ и безъ возможности ихъ получить. Послѣдствіемъ этого явится пріостановка всей нашей капиталистической промышленности.

Остановятся наши фабрики, заводы, шахты, желѣзныя дороги, пароходы, закроются магазины, и т. д., и т. д. Словомъ, послѣдуетъ параличъ всей промышленно-торговой жизни страны — промышленный кризисъ и массовая безработица небывалой силы и продолжительности.

Крестьяне получаютъ землю. Но получаютъ ли они ее даромъ? Отнюдь нѣтъ.

Для меня не подлежитъ сомнѣнію, что именно при конфискаціи земли она обойдется имъ всего дороже.

Крестьяне заплатятъ за землю, во-первыхъ, потерей подсобныхъ заработковъ въ промышленности и торговлѣ; во-вторыхъ, какъ покупатели товаровъ, попадающихъ въ ихъ руки черезъ каналы торговли, которая придетъ въ разстройство; въ-третьихъ, какъ покупатели продуктовъ капиталистической промышленности (напр., желѣза, плуговъ и пр.), которая также придетъ въ разстройство; въ-четвертыхъ, какъ продавцы продуктовъ своего хозяйства, ибо продажа эта можетъ совершаться лишь черезъ каналы торговли; въ-пятыхъ, какъ производители, нуждающіеся въ кредитѣ; въ-шестыхъ, какъ плательщики государственныхъ налоговъ, ибо когда капиталы уйдутъ изъ страны и капиталистическая промышленность станетъ, то придется, поневолѣ, облагать крестьянскую массу, и, въ результатѣ, земля обойдется крестьянину дороже, чѣмъ при выкупѣ ея обычнымъ капиталистическимъ способомъ.

Итакъ, я смѣю думать, что конфискація земли, съ отказомъ платить долги, лежащіе на землѣ, есть безусловно

самый дорогой для народа способъ получить обратно свою землю, ибо этотъ способъ долженъ въ конецъ разстроить все народное хозяйство Россіи. Для меня въ особенности непонятно, какимъ образомъ могутъ защищать конфискацію земли марксисты, для которыхъ должна быть ясна невозможность существованія русской промышленности иначе, какъ въ капиталистическихъ рамкахъ. Немыслимость же капитализма безъ кредита, а этого послѣдняго безъ исправнаго платежа долговъ, не требуетъ доказательствъ.

Но, можетъ быть, возможно конфисковать землю, не конфискуя денежнаго капитала, вложеннаго въ землю — государство можетъ перевести на себя весь ипотечный долгъ и отъ себя удовлетворить кредиторовъ? Повидимому, къ этому и склоняются многіе сторонники земельной конфискаціи. Но если такъ, то всѣ разговоры о конфискаціи земельной собственности утрачиваютъ значительную долю своего значенія. Въ такомъ случаѣ всякій землевладѣлецъ получитъ легкій способъ избѣжать грозящей ему конфискаціи: для этого стоитъ только заложить имѣніе за возможно высокую сумму; а если земельные банки будутъ обезпечены, что выданныя ими суммы подъ залогъ земли будутъ возвращены имъ государствомъ, то банки будутъ имѣть всѣ поводы къ оказанію самой щедрой поддержки землевладѣнію. Въ результатѣ земля будетъ быстро заложена по высокой цѣнѣ, и землевладѣльцы получатъ подъ видомъ залоговыхъ суммъ ту же выкупную сумму, которой ихъ предполагалось лишить.

Чтобы осуществить дѣйствительную конфискацію землевладѣнія, для этого нужно конфисковать и денежный капиталъ, помѣщенный подъ залогъ земли. Имѣется ли это въ виду нашими социалистическими партіями? Судя по тому, что аграрныя программы какъ социаль-демократовъ, такъ и социалистовъ-революціонеровъ по этому вопросу молчатъ, можно думать, что нѣтъ. Но если такъ, то значить «конфискація частнаго землевладѣнія» есть только революціонная фраза — угроза, которая отнюдь не способна помѣшать землевладѣльцамъ получить деньги за свою землю.

Итакъ, единственная причина невозможности простого и справедливаго рѣшенія земельного вопроса путемъ конфискаціи земли въ пользу народа, лежитъ въ тѣсной

связи денежнаго капитала съ землевладѣніемъ. По той же причинѣ несостоятельны всѣ проекты выкупа части землевладѣнія — напр., мелкаго, или мелкаго и средняго, при конфискаціи крупнаго и т. п. Нѣкоторые ораторы крестьянскаго съѣзда предлагали, чтобы выкупать первыя 100 десятинъ имѣнія, а остальные конфисковать. Авторы этихъ проектовъ забываютъ, что земля заложена или можетъ быть во всякое время заложена. Владѣлецъ латифундіи въ 100.000 десятинъ никакого нравственнаго права на вознагражденіе за отчуждаемую землю, конечно, не имѣетъ; но держатель закладныхъ листовъ того банка, въ которомъ заложена латифундія, долженъ, по указаннымъ соображеніямъ, получить свои деньги. И потому между крупнымъ, среднимъ и мелкимъ землевладѣніемъ никакого различія по отношенію къ условіямъ выкупа проводить нельзя: земельные банки одинаково выдаютъ деньги какъ подъ крупное, такъ и подъ мелкое землевладѣніе, и для держателя закладныхъ листовъ одинаково необходима уплата процентовъ всѣми должниками банка, каковы бы ни были размѣры принадлежащихъ имъ имѣній.

Впрочемъ, повидимому, и сторонники самаго радикальнаго рѣшенія нашего земельного вопроса понимаютъ неизбежность выкупа. Вотъ что пишетъ по этому вопросу, напр., г. Черновъ. «Исторія слишкомъ часто не справляется съ нашими желаніями и на каждомъ шагу урѣзываетъ передовыя стремленія времени. Почему знать, быть можетъ, суровая дѣйствительность опять будетъ мачехой для нашего народа и, избѣжавъ японской контрибуціи, мы будемъ за то платить домашнюю контрибуцію въ пользу помещиковъ. Люди, болѣе скептически настроенные, быть можетъ, даже убѣждены въ этомъ. Но правы они, или не правы, а одно вѣрно. Только при стойкой, систематической, упорной и непримиримой защитѣ народныхъ правъ на землю и безправія алчущихъ выкупа землевладѣльцевъ — только при ней можно рассчитывать довести въ худшемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, до исторически возможнаго минимума притязанія послѣднихъ».

Итакъ, реально вопросъ ставится не такъ — конфискація или выкупъ частнаго землевладѣнія, а — на какихъ условіяхъ выкупъ.

Весь вопросъ въ цѣнѣ, по какой совершится выкупъ. Черновъ говоритъ о минимальной цѣнѣ; конституціоналисты-демократы — о «справедливой» цѣнѣ.

Но понятіе минимальной цѣны весьма неопредѣленно; а понятіе справедливой цѣны, хотя и опредѣленно (единственно справедливой цѣной, какъ выше указано, было бы — ни копѣйки!), но непригодно для практическаго рѣшенія вопроса.

Остается искать объективнаго основанія для опредѣленія выкупной цѣны земли.

Этимъ объективнымъ основаніемъ могутъ быть только тѣ экономическія соображенія, которыя дѣлаютъ необходимымъ именно выкупъ, а не конфискацію земли. Соображенія эти заключаются въ томъ, что земля должна оплатить лежащій на ней ипотечный долгъ. Только въ виду этого и необходима оплата земли при ея отчужденіи. Отсюда слѣдуетъ, что выкупная цѣна земли должна соответствовать высшей нормѣ выдаваемыхъ учрежденіями ипотечнаго кредита ссудъ подъ залогъ земли.

При этомъ нужно исходить изъ оцѣночныхъ расчетовъ болѣе солидныхъ учреждений ипотечнаго кредита. Установивъ нормы ссудъ подъ залогъ земли, банки вполне принимаютъ въ соображеніе возможность паденія цѣны земли, почему нормы земельныхъ ссудъ, какъ общее правило, значительно ниже рыночной цѣны земли.

Максимальныя ссуды Дворянскаго Банка, напр. (по спеціальной оцѣнкѣ) обыкновенно раза въ два-три ниже рыночной цѣны земли. Въ 1903 г. (послѣдній годъ, за который имѣются соответствующія данныя) спеціальная оцѣнка 1 десятины земли Дворянскимъ Банкомъ достигала въ среднемъ для всей территоріи Россіи 90 р. А такъ какъ ссуды Банкомъ, согласно уставу, не могутъ превышать 60% оцѣночной суммы, то максимальная норма банковыхъ ссудъ достигла въ этомъ году, въ среднемъ для Россіи, 54 р. для 1 десятины.

Изъ этой расцѣпки и могла бы выкупаться земля. Земля, заложена въ максимальной нормѣ, переходила бы въ общественную собственность просто съ переводомъ лежащаго на ней ипотечнаго долга; за землю, заложленную ниже нормы или совсѣмъ незаложенную, владѣлецъ получалъ бы въ свою пользу всю чистую разницу выкупной цѣны земли

и суммы залога. Ипотечные долги, лежащие на землѣ свыше нормы (напр., на землѣ, заложенной по второй или третьей закладной въ частныя руки или же по слишкомъ высокой расцѣнкѣ ипотечнаго учрежденія), погашались бы безъ всякаго вознагражденія.

Въ послѣднемъ не было бы ничего несогласнаго съ принципами капиталистическаго хозяйства, такъ какъ выдача ссудъ подъ залогъ земли въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это принято солидными кредитными учрежденіями, является рискованной операцией, которая и предпринимается капиталистами въ полномъ сознаніи ея рискованности, въ расчетѣ на большій процентъ, который приноситъ капиталъ при такихъ рискованныхъ помѣщеніяхъ.

Потерявши свой капиталъ, капиталисты могли бы пенять только на самихъ себя, на то, что не слѣдовали благоразумному примѣру своихъ собратій, руководствовавшихся болѣе осторожными правилами при помѣщеніи своихъ денегъ.

Такимъ образомъ, произойдетъ частичная конфискація какъ земельной собственности (на 50—70% ея рыночной цѣнности), такъ и нѣкоторой доли капитала, помѣщеннаго подъ залогъ земли. Весь выкупъ 60—70 милліоновъ десятинъ частновладѣльческой земли обойдется не въ 7—10 милліардовъ рублей, какъ рассчитываютъ, исходя изъ рыночной (или приближающейся къ таковой) цѣнности земли, а въ 3—4 милліарда, изъ которыхъ 1½ милліарда будетъ переводомъ лежащаго на землѣ долга. Остальная сумма въ 1½—2½ милліарда рублей могла бы быть получена обычнымъ путемъ государственнаго кредита.

Такое рѣшеніе вопроса о выкупѣ было бы, мнѣ кажется, наиболѣе согласнымъ съ интересами трудящихся массъ русскаго народа, ибо дальше понижать выкупную сумму нельзя, не разстраивая весь кредитный оборотъ страны, а повышать ее—значитъ безъ всякой нужды обогащать тѣхъ, кто и такъ получаетъ слишкомъ много, съ точки зрѣнія права. Только экономическая необходимость, повторяю это еще разъ, но отнюдь не соображенія справедливости, препятствуетъ конфискаціи земельной собственности; поэтому ни одного рубля народныхъ денегъ сверхъ того, что требуется экономической необходимостью—точно

говоря, экономическими интересами трудящагося народа—не должно быть дано землевладѣльцамъ.

Выкупъ земли долженъ произойти за государственный счетъ. Выкупленная земля никоимъ образомъ не должна переходить въ собственность отдѣльныхъ лицъ, но образовать собой національный земельный фондъ, непосредственное распоряженіе которымъ должно бы принадлежать мѣстнымъ органамъ самоуправленія, образованнымъ путемъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. За центральной властью, послѣ преобразования всего государства на демократическихъ началахъ (безъ чего невысказана вся предлагаемая земельная реформа) должно было бы остаться лишь общее наблюденіе за дѣйствіями мѣстныхъ органовъ самоуправленія и согласованіе интересовъ каждаго отдѣльнаго района или области съ интересами всей націи.

Казенныя, удѣльныя и кабинетскія земли, естественно, должны также войти въ составъ національнаго земельного фонда, причемъ лѣса должны эксплуатироваться непосредственно государствомъ, а полевая земля, площадь которой должна все расширяться, благодаря расчисткѣ лѣсовъ, должна перейти въ распоряженіе областныхъ организацій.

Принудительному отчужденію въ пользу государства должна подлежать не вся площадь частнаго землевладѣнія, а только земли, превышающія трудовую норму (т.-е. то, сколько можетъ обработать своими силами средняя крестьянская семья), и притомъ въ размѣрѣ этого превышенія. Всѣ же земельные участки, не превышающіе этой нормы, должны остаться во владѣніи теперешнихъ владѣльцевъ. Такъ какъ въ Россіи для надѣленія всѣхъ трудовыхъ земледѣльцевъ до трудовой нормы земли, безъ сомнѣнія, далеко не хватитъ, то принятіемъ начала неприкосновенности существующаго мелкаго землевладѣнія мы сохранимъ значительное неравенство землепользованія отдѣльныхъ лицъ. Это неравенство отнюдь нежелательно, но неизбежно, такъ какъ крестьянская масса не позволитъ сразу разрушить всѣ исторически сложившіяся въ крестьянской же средѣ земельныя отношенія. При полной уравнительности распределенія земли лишались бы части своей земли не только многоземельные крестьяне того или другого села въ пользу своихъ малоземельныхъ односельчанъ, но и

обширные группы, крестьянъ многоземельныхъ районовъ въ пользу крестьянъ малоземельныхъ районовъ. Если стремиться къ возможно большому приближенію къ началу уравнительности, то могутъ пострадать цѣлые уѣзды и даже губерніи. Допуститъ ли что-либо подобное крестьянское население этихъ многоземельныхъ районовъ? Можно ли ожидать, что крестьяне этихъ районовъ, съ энтузіазмомъ требующіе теперь, въ расчетъ на увеличеніе своего землепользованія, всеобщаго равенія, согласятся поступиться своими собственными землями, уменьшить свое землепользованіе, чтобы увеличить землепользованіе крестьянъ малоземельныхъ районовъ? Я лично убѣжденъ, что всякая попытка чего-либо подобнаго, — напр., отобранія земель многоземельныхъ селъ въ Ставропольской или Самарской губерніяхъ, для надѣленія ими безземельныхъ Кіевской или Полтавской губерніи — вызоветъ лишь междоусобную войну, которая закончится полнымъ крушеніемъ всего плана земельной реформы.

Итакъ, крестьянская земля (точнѣе, земля въ предѣлахъ трудовой нормы) должна пока остаться въ рукахъ своихъ теперешнихъ владѣльцевъ. Остальная площадь частнаго землевладѣнія должна быть экспроприрована государствомъ и образовать собой національный земельный фондъ для передачи его въ пользованіе трудовымъ земледѣльцамъ. Земля эта должна распределяться между земледѣльцами въ соответствіи со степенью земельной нужды каждаго отдѣльнаго крестьянскаго двора. Пользованіе землей должно имѣть возможно болѣе прочный характеръ, но не должно быть и земельной собственностью. Слѣдовало бы, какъ мнѣ кажется, создать совершенно новый юридическій видъ владѣнія: земледѣлецъ, обрабатывающій свой участокъ, долженъ имѣть право пользоваться имъ безсрочно, и даже передавать его по наслѣдству, пока онъ исправно выполняетъ свои обязательства по отношенію къ обществу и соблюдаетъ условія, на которыхъ земля передана въ его пользованіе (однимъ изъ этихъ условій должно быть строгое запрещеніе передачи участка третьему лицу за деньги); однако, это право вѣчнонаслѣдственнаго пользованія должно быть существенно ограничено въ одномъ отношеніи — за общественной властью должно быть признано право умень-

шать черезъ извѣстные періоды (напр., черезъ 12 лѣтъ), площадь земельного участка, находящагося въ пользованіи даннаго лица, поскольку это требуется интересами болѣе уравнительнаго распредѣленія земли между земледѣльческимъ населеніемъ. При этомъ, само собою разумѣется, цѣнность всѣхъ меліорацій, произведенныхъ и неиспользованныхъ земледѣльцемъ на находившейся въ его пользованіи землѣ, должна быть ему возмѣщена.

Я старался доказать выше невозможность совершенно уравнительнаго распредѣленія земли и въ то же время неизбежность приближенія къ такому. Предлагаемый мною институтъ вѣчнонаслѣдственнаго земельного пользованія, съ правомъ общественной власти, черезъ опредѣленные періоды, уменьшать земельные участки, находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, поскольку такое уменьшеніе требуется принципомъ уравнительности, и должно открывать путь къ уравнительности, безъ полного достиженія ея. Если, напр., земельное обезпеченіе земледѣльца, имѣющаго въ пользованіи участокъ націонализованной земли, увеличилось (благодаря, напр., полученію въ наслѣдство другого земельного участка), то общественная власть, черезъ опредѣленный срокъ, можетъ соответвенно уменьшить площадь земельного участка, находящагося въ пользованіи даннаго лица. Можетъ, если это потребуетъ интересами другихъ земледѣльцевъ, но отнюдь не должна непременно, такъ какъ можетъ оказаться, что на подлежащій отрѣзкѣ участокъ не найдется охотниковъ, чтобы его взять: отрѣзанный участокъ можетъ быть слишкомъ малъ, чтобы вести на немъ самостоятельное хозяйство, и въ то же время непригоденъ для чрезполоснаго владѣнія имъ другими земледѣльцами, менѣе обезпеченными землей.

Какъ бы ни была равномерно распределена земля въ опредѣленный моментъ между трудовыми земледѣльцами, черезъ нѣкоторое время эта равномерность исчезнетъ, благодаря неравномѣрности прироста населенія въ отдѣльныхъ селахъ и цѣлыхъ районахъ. Какъ быть съ этимъ вновь возникшимъ неравенствомъ землепользованія? Я показалъ выше всю невозможность совершенно уравнительнаго распредѣленія земли. Поэтому, нужно заранѣе примириться съ тѣмъ, что воплнѣ равномернаго распредѣленія

земли не будетъ. Если, напр., въ одномъ селѣ земли приходится на крестьянскій дворъ на 1 десятину больше, чѣмъ въ другомъ, значительно отдаленномъ селѣ, то было бы нерационально и невыгодно ради возстановленія равенства переселять часть крестьянскихъ семействъ изъ второго села въ первое, такъ какъ такое переселеніе требуетъ значительныхъ расходовъ и, главное, сопровождается большимъ или меньшимъ разрушеніемъ хозяйствъ переселяющихся. Переселяющееся семейство приобрѣтетъ лишнюю долю десятины, но потеряетъ гораздо больше. Въ этомъ случаѣ, въ общихъ интересахъ, какъ многоземельнаго, такъ и малоземельнаго села, сохранить существующее неравенство въ распредѣленіи земли.

Но если разница въ землепользованіи обоихъ селъ больше — если, напр., въ первомъ селѣ на крестьянскій дворъ приходится на 4 десятины больше, чѣмъ во второмъ, — то вселеніе въ многоземельное село можетъ оказаться весьма выгоднымъ для малоземельнаго села и въ такомъ случаѣ оно должно быть произведено въ соотвѣтствующій срокъ.

Такимъ образомъ, принципъ уравнительности землепользованія долженъ устранять лишь болѣе значительное неравенство землепользованія, не затрогивая менѣе значительнаго неравенства. Само собою разумѣется, весь этотъ механизмъ можетъ работать успѣшно лишь подъ условіемъ широкаго, демократическаго самоуправленія. Само крестьянское населеніе должно разрѣшать всѣ вопросы о регулированіи своего землепользованія, а другимъ общественнымъ органамъ можетъ быть предоставлено лишь право общаго контроля надъ дѣятельностью крестьянскихъ органовъ, ради согласованія интересовъ отдѣльныхъ районовъ и группъ населенія.

Итакъ, неравенство распредѣленія земли можетъ быть уменьшено, но не уничтожено. Проистекающая отсюда несправедливость можетъ быть весьма существенно ослаблена принципомъ обложенія въ пользу общества дифференціальной ренты, причемъ, однако, въ виду крайней бѣдности нашего крестьянства, долженъ быть установленъ минимальный размѣръ землепользованія (различный для различныхъ районовъ), не подлежащій обложенію. Землепользованіе,

превосходящее этотъ минимумъ, должно быть обложено прогрессивно возрастающей платой въ пользу общества.

Это прогрессивное обложеніе земельной ренты должно явиться весьма важнымъ коррективомъ неизбежной неуравнительности землепользованія. Обложеніе это должно совершенно одинаково распространяться какъ на национализированные, такъ и на ненационализированные земельные участки, оставшіеся въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ. Наличие такого обложенія должна быть важнымъ побудительнымъ мотивомъ для владѣльцевъ ненационализированныхъ болѣе крупныхъ участковъ отчуждать ихъ въ пользу націи (такимъ же порядкомъ, какой практикуется и для имѣній, превосходящихъ трудовую норму).

На основаніи какихъ же нормъ будетъ распредѣляться земля между трудящимся населеніемъ? Я считаю совершенно неправильнымъ столь популярный въ работахъ послѣдняго времени пріемъ исходить при вычисленіи нормального крестьянскаго надѣла изъ нормъ 1861 г. Со времени освобожденія крестьянъ прошло болѣе 40 лѣтъ и всѣ хозяйственныя условія испытали съ тѣхъ поръ глубочайшую переменъ; поэтому нужно совершенно отказаться отъ мысли поправить весьма многочисленныя недочеты реформы 1861 г. или возстановить положеніе, бывшее при введеніи реформы. Нужно оставить всякія историческія справки, ничѣмъ не могущія помочь въ крайне трудномъ настоящемъ, и исходить не изъ отошедшаго въ глубь временъ прошлаго, а изъ реально существующаго настоящаго. Въ этомъ отношеніи для нашихъ общественныхъ учреждений предстоить огромная работа по выясненію степени земельной нужды крестьянъ въ каждой отдѣльной мѣстности. Правильнѣе всего было бы, повидимому, поступать при этомъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего слѣдовало бы опредѣлить, какое количество земли требуется въ данномъ уѣздѣ для доведенія земельного обезпеченія каждаго трудового земледѣльца уѣзда до средняго фактическаго размѣра крестьянскаго надѣла въ уѣздѣ. Иначе говоря, всѣ крестьяне, имѣющіе земли на душу меньше средняго размѣра для крестьянскаго землевладѣнія въ этомъ уѣздѣ, должны быть признаны имѣющими право на увеличеніе своего землепользованія до указаннаго раз-

мѣра. Кромѣ того, земельныя комиссіи, специально избранныя для этого, должны были бы опредѣлять и нормальный размѣръ крестьянскаго земледѣльческаго участка въ уѣздѣ, исходя изъ нормальныхъ потребностей крестьянской семьи и фактическихъ условій земледѣльческаго хозяйства въ уѣздѣ.

Такимъ образомъ, земельная комиссія устанавливаетъ двѣ цифры: во-первыхъ, площадь, необходимую для доведения всѣхъ трудовыхъ земледѣльцевъ уѣзда до средняго обезпеченія землей крестьянъ въ уѣздѣ и, во-вторыхъ, площадь, необходимую для доведения земельного обезпеченія всѣхъ трудящихся земледѣльцевъ уѣзда до высшаго, нормального обезпеченія землей.

Во всѣхъ уѣздахъ Россіи устанавливается указаннымъ способомъ количество земли, потребной для доведения всего земледѣльскаго населенія каждаго уѣзда: 1) до средняго обезпеченія землей въ уѣздѣ и 2) до нормального обезпеченія землей. Въмѣстѣ съ тѣмъ земельныя комиссіи устанавливаютъ и трудовую норму — границу неприкосновеннаго мелкаго владѣнія (норма эта утверждается центральнымъ земельнымъ учрежденіемъ), чѣмъ опредѣляется площадь частновладѣльческихъ земель, подлежащихъ выкупу.

Всѣ эти свѣдѣнія доставляются въ центральное учрежденіе, объединяющее дѣятельность мѣстныхъ комиссій. Прежде всего разрѣшается первая задача — обезпеченія безземельнаго и малоземельнаго земледѣльскаго населенія землей до средняго размѣра.

Если въ нѣкоторыхъ уѣздахъ для разрѣшенія этой задачи земли не хватаетъ, то потребная земельная площадь отводится въ другихъ, по возможности, сосѣднихъ уѣздахъ, въ которыхъ имѣется избытокъ земли. По разрѣшеніи первой задачи, опредѣляется, въ какой мѣрѣ возможно разрѣшеніе второй задачи — повышение средняго обезпеченія землей земледѣльческаго населенія Россіи до нормъ, выработанныхъ уѣздными комиссіями (нормы эти подлежатъ измѣненіямъ и исправленіямъ со стороны центрального земельного учрежденія). При разрѣшеніи этой второй задачи должно быть, очевидно, сопоставлено количество земли, требующееся для этой цѣли во всей Россіи, съ запасомъ свободнаго земельного фонда, имѣющаго въ странѣ для

этой цѣли и оставшагося за вычетомъ всей земли, потребовавшейся для снабженія землей малоземельныхъ земледѣльцевъ.

Кромѣ расширенія площади крестьянскаго землепользованія, земельныя комиссіи должны принимать и другія мѣры для улучшенія условій крестьянскаго землевладѣнія. Такъ, онѣ должны исправлять очертанія крестьянскихъ земель и принимать мѣры къ нормальному обезпеченію угодьями (особенно выгонами и сѣнокосами). Для этой цѣли комиссіи должны производить размежеванія череполосныхъ земель, производить обмѣнъ участковъ и, наконецъ, выкупать тѣ земли и угодья, которыя необходимы для правильной постановки крестьянскаго хозяйства.

Наконецъ, какъ это практикуется въ Ирландіи, земельнымъ комиссіямъ должно быть предоставлено право производить разнаго рода улучшенія на выкупаемыхъ земляхъ, возводить на нихъ постройки, а также снабжать инвентаремъ нуждающихся крестьянъ и открывать имъ для этой цѣли кредитъ.

Земельные участки, не выходящіе за предѣлы трудовой нормы, остаются, какъ сказано, въ рукахъ теперешнихъ владѣльцевъ; но, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ сохраняетъ землю въ своихъ рукахъ. Если же владѣлецъ пожелаетъ отчудить землю въ другія руки или переселиться на участокъ государственной земли, то государство выкупаетъ землю на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при выкупѣ болѣе крупныхъ имѣній. Такимъ образомъ, еще не выкупленная земля будетъ постепенно выкупаться и входить въ составъ національнаго земельного фонда. Тому же результату будетъ содѣйствовать и обложеніе земли прогрессивнымъ налогомъ.

Хотя всѣ эти мѣры должны сильно сократить нужду крестьянъ въ землѣ, тѣмъ не менѣе аренда земли можетъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ, сохраниться. Арендная плата съ частновладѣльческихъ земель должна регулироваться земельными комиссіями.

При равномерномъ распредѣленіи земли между земледѣльческимъ населеніемъ разныхъ мѣстностей Россіи, требуется переселеніе значительныхъ массъ крестьянъ изъ однихъ мѣстностей въ другія; расходы по этимъ пересе-

леніямъ государство должно принимать на свой счетъ и оказывать самую широкую помощь переселенцамъ при устройствѣ ихъ на новыхъ мѣстахъ.

Надѣльныя крестьянскія земли (не превышающія трудовой нормы и не подлежащія, потому, отчужденію) должны быть, во всѣхъ отношеніяхъ, приравнены къ частному землевладѣнію (съ сохраненіемъ, разумѣется, правъ общины). Всѣ ограниченія крестьянскаго землевладѣнія должны быть отмѣнены и крестьянамъ должно быть предоставлено такое же право свободно распоряжаться землей, какъ и всѣмъ остальнымъ землевладѣльцамъ. Но, конечно, крестьянскія земли должны подлежать и тѣмъ ограниченіямъ, которыя вообще устанавливаются для частнаго землевладѣнія: на нихъ должно распространяться регулированіе арендной платы и право выкупа, въ подлежащихъ случаяхъ, государствомъ.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разрѣшается, при принятіи предлагаемаго плана постепенной націонализаціи земли, весьма просто. Земли, принадлежащія теперь общинамъ, остаются въ ихъ владѣніи, пока общины добровольно не уступятъ ихъ государству (такимъ же порядкомъ, которымъ производится отчужденіе частновладѣльческихъ земель). Эта уступка можетъ произойти при переселеніи членовъ общины на другое мѣсто, а также, для многоземельныхъ общинъ, и подъ влияніемъ прогрессивнаго земельного обложенія, которое будетъ падать на такія общины и сдѣлаетъ для нихъ менѣе цѣннымъ сохраненіе земли въ своихъ рукахъ. Что касается до націонализованной земли, то она будетъ даваться въ пользованіе какъ отдѣльнымъ хозяевамъ, такъ и группамъ ихъ. Община будетъ имѣть полную возможность получить въ свое пользованіе участокъ націонализованной земли, какъ и всякая другая земледѣльческая группа. Но при этомъ община будетъ частнопровымъ союзомъ, лишеннымъ какой бы то ни было принудительной власти по отношенію къ своимъ членамъ. Каждый членъ общины будетъ имѣть право получить участокъ націонализованной земли и для себя лично и, слѣдовательно, только добровольно можетъ принимать участіе въ общинномъ пользованіи націонализованной землей.

Націонализація земли, конечно, не социализмъ потому, что социализмъ требуетъ новой организаціи производства. Социализмъ требуетъ кореннаго преобразования всего народохозяйственнаго процесса, съ его основанія до вершины. Стихійная свобода частнохозяйственнаго предпринимательства должна замѣниться стройной планомѣрной организаціей всего общественнаго хозяйства. Существующія народохозяйственныя отношенія исторически выросли и сложились безъ руководящей и направляющей воли общества; социализмъ долженъ подчинить всѣ эти отношенія разумной волѣ человѣка. Задача эта, по своей грандіозности, превосходитъ все, что до сихъ поръ знаетъ исторія.

Всѣ революціи, бывшія донинѣ, кажутся ничтожными всплесками исторической рѣки, сравнительно съ тѣмъ водоворотомъ, въ который ей предстоитъ попасть. Колоссальная трудность предстоящаго творческаго дѣла социализма заключается въ томъ, что впервые съ начала міровой исторіи человѣкъ будетъ сознательно возсоздавать по выработанному имъ самимъ плану весь строй своего общества, во всѣхъ его самыхъ существенныхъ основахъ. Прежнія революціи касались только частныхъ народной жизни; теперь нужно преобразовать ее всю. Прежде социальный строй послѣ революціи оставался такимъ же стихійнымъ и бессознательнымъ въ своемъ цѣломъ, такимъ же слѣпымъ продуктомъ исторической обстановки, какъ и до нея; теперь же предстоитъ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы» — и пусть это будетъ не прыжокъ, а длительный эволюціонный процессъ, все же въ его результатѣ должно получиться «царство свободы», — т.-е. что-то до сихъ поръ небывалое, новая эра человечества.

Націонализація земли имѣетъ несравненно болѣе скромный характеръ: это не социальная революція, а социальная реформа, не уничтоженіе всего существующаго социальнаго строя, а преобразование нѣкоторыхъ его частныхъ. Это — мѣра практической политики, мѣра немедленно осуществляемая, которая не встрѣчаетъ на своемъ пути никакихъ непреодолимыхъ практическихъ трудностей.

На Западѣ движеніе въ пользу націонализаціи земли исходитъ, главнымъ образомъ, изъ буржуазныхъ круговъ.

Западноевропейскіе сторонники земельной реформы противопоставляют эту мѣру социализму. Они думаютъ, что реформа эта должна разрѣшить весь социальный вопросъ и устранить всѣ противорѣчія существующаго общественнаго строя. Частная земельная собственность признается ими единственнымъ корнемъ всѣхъ бѣдствій нашего времени. Переходъ земли въ руки государства представляется имъ средствомъ навсегда закрѣпить капиталистическій строй, обезпечить ему неопредѣленно долгое развитіе.

И потому западноевропейскіе сторонники движенія въ пользу земельной реформы враги социализма.

Въ Россіи же движеніе въ пользу націонализаціи земли выступаетъ подъ краснымъ флагомъ. И это понятно, ибо только крайняя близорукость буржуазныхъ сторонниковъ земельной реформы внушаетъ имъ нелѣпую мысль, что земельная реформа есть противоядіе отъ социализма. Правда, націонализація земли только частичная реформа, но реформа, которая не укрѣпляетъ капитализмъ, а поведетъ къ его окончательному крушенію. Исчезновеніе съ исторической арены землевладѣльческаго класса не можетъ не повліять глубочайшимъ образомъ на весь ходъ общественнаго развитія. И, конечно, это вліяніе будетъ благопріятно социализму.

Движеніе въ пользу націонализаціи земли, вспыхнувшее въ закончившемся году съ такой силой во всей крестьянской Россіи, является, безъ сомнѣнія, самымъ крупнымъ движеніемъ этого рода, какое только знаетъ новѣйшая исторія. Мы находимся теперь въ самомъ разгарѣ этого движенія, представляющаго собой доминирующій фактъ русской революціи — единственную область, въ которой русская революція обнаружила выдающееся самостоятельное социальное творчество.

Россія теперь стоитъ на распутьи. Куда она пойдетъ? Если бы современное крестьянское движеніе вызвало усиленную продажу помѣщичьихъ земель въ крестьянскія руки или помѣщичья земля перешла какимъ-либо другимъ путемъ въ частную собственность крестьянъ, то у насъ возникъ бы многочисленный классъ зажиточнаго крестьянства, который могъ бы стянуть въ свои руки земли менѣе сильной части крестьянъ и образовать собой социальный типъ, подобный

западноевропейскому крестьянину; это зажиточное крестьянство прониклось бы фанатизмомъ собственности и увидало бы въ социализмъ своего врага. Численность этого крестьянства была бы громадной и оно стало бы давать тонъ всей нашей общественной жизни.

Но все заставляетъ ожидать, что наше социальное развитіе пойдетъ другимъ путемъ и народъ добьется побѣды своего лозунга — «земля для народа!» Земля станетъ достояніемъ всей націи и частная собственность на средства производства получить первое коренное, глубочайшее ограниченіе. Націонализація земли въ Россіи составитъ такое колоссальное историческое событіе, социальныя послѣдствія котораго отзовутся громовымъ эхомъ во всемъ мірѣ. вмѣсто реакціоннаго мелкобуржуазнаго крестьянства у насъ будетъ крестьянство, проникнутое сознаниемъ права всѣхъ на землю. Социализмъ найдетъ въ этомъ крестьянствѣ не врага, но друга. И такимъ образомъ, націонализація земли въ Россіи явится исходнымъ пунктомъ окончательнаго торжества международнаго социализма.

135920

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Теоретическое вступление	1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Націонализація земли на Западѣ.

ГЛАВА I. Раннее движеніе	11
ГЛАВА II. Новѣйшее движеніе	26
ГЛАВА III. Ирландское аграрное законодательство	45
ГЛАВА IV. Критическая оцѣнка движенія	59
ГЛАВА V. Націонализація земли и социалдемократія	73

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Націонализація земли въ Россіи.

ГЛАВА VI. Земельныя отношенія въ русской деревнѣ	91
ГЛАВА VII. „Земля—народу“	109
ГЛАВА VIII. Націонализація земли и аграрныя программы русскихъ социалистическихъ партій	130

